

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132—0831

1981

7

В феврале 1980 года Павел Рейнович Грузиньш избран народным судьей Московского района г. Риги. Павел Рейнович — выходец из крестьян, уроженец Мадонского района Латвийской ССР. Окончил юридический факультет Латвийского государственного университета имени П. Стучки. Коммуниста Грузиньша знают в районе как чуткого человека и квалифицированного специалиста.

Фото В. Зими́на.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

7 (127) ИЮЛЬ 1981
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

Научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР

Издательство
«Известия
Советов народных
депутатов СССР»
Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. В. Гранкин
(и. о. главного редактора),
Н. А. Гаврилова, И. К. Ковалев,
И. Н. Кузнецов,
Г. П. Политыко
(ответственный секретарь),
А. М. Рекунков, П. И. Седугин,
Ю. С. Семенов, А. Я. Сухарев,
А. М. Филатов, Ю. М. Чурбанов.

Адрес редакции:

129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский просп., 22.
Телефон 281-68-12.

В НОМЕРЕ

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

Беседы о Конституции

- И. ГРИШИН. Защита чести и достоинства граждан 4
Н. ГУДИМОВ. Почему не выдана премия? 11
Е. МЕЩЕРСКАЯ. Слушается дело о расторжении брака... 16

Заметки писателя

- АХМЕДХАН АБУ-БАКАР. Счастье — в труде 22

СОБЕСЕДНИК:

Говорят делегаты XXVI съезда КПСС

- ГАЛИНА ИВАНОВСКАЯ. Зависит от каждого из нас 27

Пьянство. Как с ним бороться?

- И. ИСМАИЛОВ. Убеждая и требуя... 32
В. ЧЕРЧЕНКО. Непрошенные защитники 34
Н. ПЕТРАКОВСКАЯ. Сочинение о своей судьбе 36

Случаи из судебной практики

- В. ГОНЧАРОВА. Будьте счастливы, дети! 40
А. КОРЮКОВ. Суд выносит частное определение... 42
Н. КОСТКО. Закономерный конец 44

Обзор писем

- А. АЛЕКСАНДРОВ. Подарок или взятка? 46

- Фотоокно. На страже безопасности движения 51

- В. ВОЛКОМИРСКИЙ. Портрет. Очерк 52

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница

Мнение мудрых людей всегда полезно выслушать. Один из лучших прокуроров в Туркменской ССР прокурор Кушкинского района младший советник юстиции Аманяз Бегмурадов беседует с аксакалами.

Фото В. Зимины.

■	Кижская хроника	39, 50, 59
■	ГЕННАДИЙ МАКАРОВ. Оценку ставит новосел	60
■	ТАТЬЯНА КОПЫЛОВА. Предоставленные самим себе...	74
■	Судебная хроника	86
■	СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:	
	Наши консультации	
	Е. НОВИКОВ. Комиссии по делам несовершеннолетних	88
	Читатель на приеме у юриста	
	О льготах для участников Великой Отечественной войны из числа лиц вольнонаемного состава действующей армии	92
	О льготах участникам Великой Отечественной войны при вступлении в садоводческие товарищества	93
	Права и обязанности свидетеля	93
	Обязательно ли присутствие обоих супругов при регистрации развода в загсе и как взыскивается при этом госпошлина	94
	С какого времени считается прекращенным брак, расторгнутый по решению суда	94
	О мерах поощрения за активную работу в товарищеских судах	95
■	И. БЛИЩЕНКО, Н. ЖДАНОВ. Так кто же направляет международный терроризм?	96
■	ЗИГФРИД ЛЕНЦ. Плавающий маяк. Повесть. (Продолжение)	104
■	Зарубежная мозаика	128

Главный художник Н. И. ЛАДЫГИН.
Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА.
Корректоры Л. М. ЕРМИЛОВА, Б. С. ТУМЯН.

Сдано в набор 27/IV-81 г. Печать высокая. Подписано в печать 10/VI-81 г. А05673. Формат 84 × 108^{1/32}. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 9,51. Зак. 2766. Тираж 5 000 000 экз. (1-й завод — 1 184 000 экз.). Цена 40 коп.

Отпечатано 1 996 000 экз. (из общего тиража 5 000 000 экз.) с матриц Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова в типографии № 2 ордена Ленина комбината печати издательства «Радянська Україна». Киев, Анри Барбюса, 51/2. Зак. 02844.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. ГРИШИН,
кандидат юридических наук

Защита чести и достоинства граждан

**Граждане СССР имеют право на судебную
защиту от посягательств на честь и достоин-
ство...**

Из статьи 57 Конституции СССР

Человек человеку — друг, товарищ и брат. Этот нравственный принцип морального кодекса строителя коммунизма наиболее точно отображает сущность взаимоотношений людей в развитом социалистическом обществе. Советские люди объединены решением главных задач социалистического государства, среди которых такие, как создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического обще-

ства. Конституция СССР провозгласила, что наше общество — это «общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех».

И все же бывают в нашей жизни случаи, когда один человек наносит другому оскорбление, возводит напраслину. Иногда это происходит в минуты вспыльчивости, иногда — от желания отомстить за обиду, порой так проявляются рецидивы мещанской психологии. И каждый такой случай остро воспринимается людьми, мешает им нормально жить и работать, нередко отражается на их здоровье. Наше общество непримиримо относится к подобным проявлениям. «Чем выше поднимается наше общество в своем развитии, — отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев, — тем более нетерпимыми становятся еще встречающиеся отклонения от социалистических норм нравственности». Вот почему одна из важнейших задач советского социалистического правосудия — защита чести и достоинства советских граждан. Эта правовая норма обусловлена требованиями статьи 57 Конституции СССР: «Уважение личности, охрана прав и свобод граждан — обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц».

Граждане СССР имеют право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество» В этой конституционной норме заложено огромное воспитательное значение, она способствует укреплению коммунистических начал в общественной жизни.

В отличие от буржуазного права, защищающего богатого и сильного, наше социалистическое право защищает честь и достоинство советского человека независимо от его положения в обществе. Еще К. Маркс писал, что «для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости — важнее хлеба». Победа Великой Октябрьской социалистической революции, построение социализма в нашей стране создали новые, ранее неизвестные отношения личности и общества, основанные на принципах любви к социалистической Родине, коллективизма и товарищеской взаимопомощи, дружбы и братства, гуманных отношений и взаимного уважения между людьми. Навсегда уничтожив эксплуатацию человека человеком, полностью ликвидировав безработицу и нищету, дискриминацию по признакам пола, происхождения, расы, национальности, наше государство создало все условия для всестороннего развития личности и взяло под свою охрану права и свободы советских граждан. В Программе КПСС указывается, что «личное достоинство каждого гражданина охраняется обществом».

Все большее внимание защите чести и достоинства советских граждан, их прав и охраняемых законом интересов придается в пе-

риод развитого социализма. Л. И. Брежнев, выступая на майском (1977 года) Пленуме ЦК КПСС с докладом «О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик», подчеркнул, что «значительным дополнением к конституционным гарантиям прав личности станут... также право на судебную защиту от посягательств на жизнь и здоровье, имущество и личную свободу, на честь и достоинство».

Честь и достоинство граждан охраняются в нашей стране нормами как гражданского, так и уголовного законодательства.

В соответствии со статьей 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

Что же такое сведения, порочащие честь или достоинство гражданина?

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О применении в судебной практике статьи 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и организаций» разъяснено, что под распространением сведений, порочащих честь и достоинство гражданина или организации, следует понимать опубликование их в печати или сообщение в иной, в том числе устной форме неопределенному кругу лиц, нескольким лицам либо хотя бы одному человеку. Сведения признаются порочащими, если они умаляют честь и достоинство гражданина в общественном мнении или мнении отдельных граждан с точки зрения соблюдения законов, правил социалистического общежития и принципов коммунистической морали. Эти сведения могут касаться различных сторон его жизни и деятельности, содержать различные сообщения о недостойном поведении в быту, невыполнении своего трудового либо родительского или сыновнего долга, нарушении правил социалистического общежития, оскорблении женской чести, совершении преступления и тому подобное.

Приведем пример. В народный суд обратился гражданин К. В своем заявлении он требовал опровержения сведений, которые распространял сотрудник учреждения, где он работал, о том, что К. неправильно ведет себя в семье, пьянствует, грубо относится к женщ. На суде ответчик никак не мог доказать, что эти сведения соответствуют действительности, и наконец заявил, что слышал их от какого-то другого человека. Суд обязал ответчика публично извиниться перед К.

В каждом конкретном случае суд должен решить вопрос о том, порочат или нет те или иные сведения честь и достоинство гражданина.

Например, распространение сведений об отсутствии у какого-либо гражданина интереса к литературе, искусству или о его вере в бога не могут рассматриваться как порочащие честь и достоинство, потому что все это — личное дело каждого гражданина и не затрагивает интересы общества и других граждан.

Статья 52 Конституции СССР гарантирует гражданам СССР свободу совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду.

Заявление в суд об опровержении сведений, порочащих честь и достоинство гражданина, может быть подано как гражданином, так и государственной, кооперативной или общественной организацией. Заявление может быть подано и другими лицами, указанными в законе. В соответствии со статьей 6 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик и статьей 4 Гражданского процессуального кодекса РСФСР (соответствующие статьи имеются в гражданских процессуальных кодексах других союзных республик) такими лицами являются прокурор, органы государственного управления, профсоюзы, государственные учреждения, предприятия, колхозы и иные кооперативные и общественные организации или отдельные граждане в случаях, когда по закону они могут обращаться в суд за защитой прав и интересов других лиц, например родители, опекун или попечитель ребенка, не достигшего совершеннолетия, лица, признанного в установленном порядке недееспособным. Обратиться с таким иском в суд можно не только в отношении живых лиц. Такое же право предоставлено и членам семьи умершего гражданина, чьи честь и достоинство были опорочены.

В суд с иском об опровержении сведений, порочащих честь и достоинство умершего отца, обратились его дети Ч. и К. Они утверждали, что ответчик Р. искажил сведения о жизни их отца в годы Великой Отечественной войны: Р. распространяет слухи о том, что их отец не был призван в действующую армию в связи с тем, что представил фиктивный документ о наличии у него заболевания, дающего основание для освобождения от службы в рядах Красной Армии. Однако у них имеется документ, свидетельствующий, что еще в 1939 году их отец страдал тяжелым хроническим недугом. Суд, исследовав материалы дела, пришел к выводу, что распространяемые Р. сведения об отце истцов не соответствуют действительности, и обязал ответчика принести публичное извинение.

Ответчиком по иску считается распространивший порочащие другие сведения. Так, если такие сведения были распространены устно, например, в выступлении на собрании, в публичной лекции и так далее или хотя бы и в письменной форме, но не в печати, ответчиком будет тот, кто произнес речь или прочитал лекцию, послал поро-

чаще другое лицо уведомления или предупреждения организации или организациям.

В том же случае, если эти сведения опубликованы в печати, то ответчиком считается как автор этого сообщения, так и орган печати, например, редакция или издательство.

Здесь надо особо отметить такое важное положение закона: если в гражданском законодательстве общий срок для защиты нарушенного права установлен в три года, то на требования об опровержении порочащих сведений исковая давность не распространяется.

Как уже говорилось, обязанность доказывать, что порочащие сведения соответствуют действительности, возлагается на ответчика. Однако вместе с тем истец обязан доказать факт распространения о нем порочащих сведений ответчиком. В этом случае он вправе представлять и доказательства о несоответствии действительности сведений, порочащих его честь и достоинство.

Удовлетворив иск, суд указывает также в своем решении, каким способом должны быть опровергнуты порочащие сведения, не соответствующие действительности, и срок, в течение которого должно быть сделано опровержение.

Способ и порядок опровержения сведений определяются в зависимости от конкретных обстоятельств. Например, ответчика можно обязать принести публичное извинение истцу, опровергнуть распространенные сведения на собрании трудового коллектива; поместить опровержение в газете; направить письменное опровержение в организацию, учреждение, в котором были сообщены эти сведения; заменить служебную характеристику.

Если эти сведения были распространены в печати, они должны быть и опровергнуты в печати, например в очередном выпуске периодического издания, где они были опубликованы.

Как быть, если решение суда не выполняется? Тогда суд вправе наложить на нарушителя штраф, взыскиваемый в доход государства. Однако уплата штрафа не освобождает нарушителя от обязанности выполнить судебное решение.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 17 декабря 1971 года указывается: в случае, когда действия лица, распространившего порочащие сведения о другом лице измышления, содержат признаки преступления, предусмотренного частью 1 статьи 130 УК РСФСР (клевета) и соответствующими статьями УК других союзных республик, потерпевший вправе просить суд привлечь виновного к уголовной ответственности либо предъявить иск о защите чести и достоинства в порядке гражданского судопроизводства.

Между гражданско-правовым и уголовно-правовым способами защиты чести и достоинства имеются существенные различия. Они выражаются в том, что гражданское законодательство защищает

честь и достоинство гражданина или организации не только при наличии вины ответчика по иску, но и в тех случаях, когда ответчик добросовестно заблуждался, распространяя сведения, порочащие честь и достоинство другого лица. Уголовное законодательство защищает потерпевшего от виновных действий другого лица.

Так, часть 1 статьи 130 Уголовного кодекса РСФСР устанавливает: «Клевета, то есть распространение заведомо ложных позорящих другое лицо измышлений,—наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до пятидесяти рублей, или возложением обязанности загладить причиненный вред, или общественным порицанием либо влечет применение мер общественного воздействия».

Для того чтобы наступила ответственность за клевету, необходимо установить обстоятельства, из которых видно, что ответчик умышленно распространял сведения, позорящие другое лицо, то есть наличие в его действиях умысла.

...На одной из ткацких фабрик поссорились работницы М. и Ф. Желая навредить М., Ф. стала распространять сведения, что та крадет пряжу и в этом ей помогает начальник охраны, с которым М., дескать, сожительствует. По заявлению М. клеветница была привлечена к уголовной ответственности. Суд установил, что Ф. распространяла заведомо ложные, позорящие М. сведения, и приговорил клеветницу к году исправительных работ.

Лицо, распространяющее правильные, хотя бы и неприятные другому лицу сведения, например о действительно совершенном преступлении, не несет ответственности за клевету.

Далее, в статье 130 УК РСФСР устанавливается, что клевета в печатном или иным способом размноженном произведении, а равно совершенная лицом, ранее судимым за клевету, наказывается еще более строго: лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года. Еще строже наказывается клевета, соединенная с обвинением в совершении государственного или иного тяжкого преступления: лишением свободы на срок до пяти лет.

Как видно, закон предоставляет суду широкие возможности для вынесения справедливого приговора, позволяющего определить наказание в зависимости от тяжести преступления, личности преступника и распространения лживых измышлений.

Другое преступление против чести и достоинства граждан называется оскорблением и наказывается по статье 131 УК РСФСР и по соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик. Статья 131 УК РСФСР устанавливает, что оскорбление — это умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме. Оскорбление, также как и клевета, может

быть нанесено устно, письменно, различными действиями. Но между клеветой и оскорблением есть существенное различие. В отличие от клеветы при оскорблении сообщаются сведения не о каких-либо конкретных фактах, касающихся другого лица — потерпевшего, а дается оценка его личным качествам, поведению и так далее.

За нанесенное оскорбление гражданин может быть подвергнут наказанию в виде исправительных работ на срок до шести месяцев, или на него может быть наложен штраф до пятидесяти рублей, или возложена обязанность загладить причиненный вред, или объявлено общественное порицание либо применены меры общественного воздействия.

Оскорбление в печати, а равно оскорбление, нанесенное лицом, ранее судимым за оскорбление, наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом до ста рублей.

Следует отметить, что все умышленные преступления, связанные с насилием над личностью, тоже являются посягательством на честь и достоинство гражданина (например, нанесение телесных повреждений). Наказание за них устанавливается по соответствующим статьям уголовного кодекса.

Советские законы строго охраняют интересы, права и свободы граждан нашей страны, в том числе честь и достоинство каждого человека. Но встречаются у нас, к сожалению, такие людишки, которые не хотят считаться с другими, с интересами общества. Остановить их, пресечь их злопыхательство, заткнуть омерзительные источники клеветы и оскорблений советских людей — наше общее дело. Поведение их противоречит самой сути нашего строя, и в борьбе с подобными явлениями необходимо использовать все средства, находящиеся в распоряжении государства и советской общественности.

Н. ГУДИМОВ,
кандидат юридических наук,
доцент Кубанского государственного университета

Почему не выдана премия?

В одной из книг я встретился с очень верной, на мой взгляд, мыслью: человека надо не менее семи-восьми раз в день похвалить, если он, конечно, того заслуживает. Это поддержит в нем хорошее настроение и повысит производительность труда. Социально-психологическими исследованиями установлено, что внимание к рабочим и благоприятная атмосфера могут поднять производительность труда до 300 процентов. Простое одобрение приведет к улучшению работы на 87,8, в то время как порицание — только на 11,9 процента.

Но подчас на некоторых предприятиях меры дисциплинарного взыскания применяются значительно чаще, чем меры поощрения. Конечно, такая практика вряд ли оправдана. Ведь на любом предприятии работники, относящихся к своим обязанностям творчески и добросовестно, несравненно больше, чем нарушителей дисциплины. На одном из домостроительных комбинатов рабочим задали вопрос: «Имели ли место случаи, когда вы заслуживали поощрения, а вас не поощрили?» 30 процентов ответили: «Да». Вот вам наглядный пример, когда для обеспечения социалистической дисциплины труда среди методов, предусмотренных статьей 52 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (убеждение, поощрение и принуждение), неоправданно отдается предпочтение методам принуждения.

В воспитательной работе необходимо установить правильное соотношение между убеждением, дисциплинарным и общественным воздействием на нарушителей трудовой дисциплины и мерами поощ-

рения трудовой активности рабочих и служащих. В. И. Ленин указывал, что «...всякий успех в деле подъема хозяйства должен, в частности, более регулярно вознаграждаться...»

Широкое применение метода поощрения как средства укрепления социалистической дисциплины труда обусловлено подъемом материального и культурного уровня жизни народа, созданием лучших условий для всестороннего развития личности. В материалах XXVI съезда КПСС подчеркивается, что рост социальной и трудовой активности советских людей кладется в основу повышения эффективности всего общественного производства.

Для поощрения рабочих и служащих государство выделяет значительные средства. Общая сумма премий, включая вознаграждения, превышает 20 миллиардов рублей в год. К 1979 году пятая часть фонда оплаты по труду формировалась за счет различного рода премий и вознаграждений, выплачиваемых из фонда заработной платы, фонда материального поощрения и специальных источников. Все поощрительные выплаты у рабочих промышленности составили 19 процентов их заработной платы (кроме сдельного приработка, составляющего 13,2 процента), у инженерно-технических работников — 24 процента, у служащих — 21 процент.

Статья 38 Основ предусматривает в обобщенном виде порядок премирования. Более подробно он регламентирован в «Основных положениях о премировании работников производственных объединений (комбинатов) и предприятий промышленности», утвержденных постановлением Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС от 28 июня 1977 года с уточнениями, внесенными 24 июля 1980 года и в разработанных на их основе различных отраслевых и межотраслевых типовых положениях. На их основе на предприятиях разрабатываются свои Положения о премировании. Последние представляют собой совокупность правил, определяющих показатели и условия премирования, круг премируемых работников, размеры премий, а также основания для увеличения, уменьшения и лишения премий за основные результаты хозяйственной деятельности.

Право на премию у работника наступает при достижении показателей и условий премирования. Иногда рабочие и служащие требуют выплатить им премии, ссылаясь на то, что показатели премирования не выполнены по вине администрации (отсутствие электроэнергии, сырья, полуфабрикатов и тому подобное). Такого рода требования необоснованны. Если не выполнены основные показатели в работе, то премия не начисляется.

Работник теряет право на премию, если допустил брак, нарушил технологический режим. Эффективности материального стимулирования нельзя достигнуть без усиления ответственности рабочих и служащих за проступки, отрицательно влияющие на ход производства.

В материалах XXVI съезда КПСС указывается на необходимость шире использовать формы материального и морального воздействия на нарушителей трудовой дисциплины, решительно искоренять примиренческое, либеральное отношение к ним.

При установлении перечня проступков, за которые работники могут лишаться премии, заводские Положения должны соответствовать Основным положениям о премировании и другим нормативным актам. Рассмотрим некоторые основания к лишению премии.

Производственное упущение является одним из наиболее распространенных оснований к лишению премии. Работник совершил дисциплинарный проступок, отрицательно влияющий на количественные или качественные результаты труда. Премировать его уже нельзя. Однако не каждый дисциплинарный проступок можно расценивать как производственное упущение. Говорить об этом приходится потому, что некоторые руководители вместо воспитательной работы с людьми, умелого сочетания убеждения и мер общественного воздействия, а также дисциплинарных взысканий, предусмотренных правилами внутреннего трудового распорядка, иногда под предлогом производственных упущений необоснованно лишают рабочих установленных системой оплаты труда премий за мелкие проступки — например, за езду без разрешения на внутриводском транспорте, грубость в обращении и тому подобное. Конечно, это неправильно. К производственным упущениям в зависимости от специфики производства могут относиться только проступки, непосредственно влияющие на ход производства, например, нарушение правил технической эксплуатации. Перечень производственных упущений устанавливается с учетом специфических особенностей данного предприятия руководителем по согласованию с ФЗМК. Обычно к производственным упущениям рабочих относятся: изготовление недоброкачественной продукции, нарушение правил техники безопасности, неудовлетворительный уход за оборудованием, небрежное содержание рабочего места и ряд других. К производственным упущениям инженерно-технических работников следует отнести нарушения производственной и технологической дисциплины, правил эксплуатации оборудования и транспортных средств, снижение сортности выпускаемой продукции, задержка внедрения своей техники и технологии, несоблюдение правил техники безопасности, неудовлетворительное техническое нормирование, непроизводительные расходы из-за ошибок в технической документации, расчетах, конструкциях и другие упущения.

Нельзя лишать премии, предусмотренной системами оплаты труда, за такие единичные незначительные проступки, которые не повлияли отрицательно на количественные и качественные показатели в работе. Например, рабочий на несколько минут опоздал на работу, но к концу смены выполнил производственное задание. В этом

случае администрация обязана выплатить премию, предусмотренную системой оплаты труда, а за опоздание на работу может наложить дисциплинарное взыскание или применить меры общественного воздействия.

Если единичный проступок рабочего может и не повлиять отрицательно на ход производства, то такой же проступок должностного лица уже является производственным упущением. Почему? Представьте себе, что руководитель не пришел вовремя на работу. Это может вызвать простой на участке, нарушение технологического режима. А вот конкретный случай из судебной практики. Мастер производства преждевременно ушел с работы, что было расценено как производственное упущение, поскольку оставшиеся рабочие, пользуясь бесконтрольностью, сорвали сменный график. Мастера совершенно справедливо лишили премии.

Допускается ли лишение премии за мелкие хищения имущества с предприятия (сырья, инструментов, материалов)? Да. Ведь это отрицательно влияет на нормальный ход производственного процесса. Кроме того провинившийся привлекается к административной или к уголовной ответственности.

Прогул является основанием для полного или частичного лишения премии независимо от применения мер дисциплинарного или общественного воздействия. Прогул — это неявка на работу без уважительной причины в течение всего рабочего дня. Появление на работе в нетрезвом состоянии также считается прогулом независимо от того, когда это имело место: в начале, середине или конце рабочего дня.

Рабочий совершил хулиганский поступок. Он привлечен к административной ответственности. Кроме того администрация, по согласованию с ФЗМК, может полностью или частично лишить его премии. При этом не имеет значения, где совершены хулиганские действия — на работе или за пределами предприятия. Однако администрации не предоставляется права самой определять факт совершения работником хулиганских действий. Для этого необходимо суждение компетентных органов, которые вправе применять меры уголовного или административного наказания (суд, милиция, административная комиссия при исполкоме) либо общественного воздействия (товарищеский суд). Поэтому нельзя признать правильным приказ администрации одного предприятия, работник которого был лишен премии за то, что «вечером около женского общежития выкрикивал ненужные слова». Если администрация считала, что работник совершил хулиганские действия, то должна была передать материал соответствующим органам для решения вопроса о привлечении его к ответственности, и только после применения соответствующей меры наказания могла полностью или частично лишить его премии.

Администрация по согласованию с ФЗМК вправе лишить работника полностью или частично премии, если к нему в течение года неоднократно применялись меры административного или общественного воздействия за пьянство.

И еще одно важное основание для лишения премии. Предприятию, выпускающему товары народного потребления, возвращена его продукция вследствие ее низкого качества. Работники, виновные в выпуске таких товаров (их изготовлении, контроле качества и реализации потребителям), могут быть полностью или частично лишены премий.

Молодой рабочий прислал в редакцию письмо, в котором жаловался, что его незаконно лишили премии. Дескать, за совершенный проступок ему уже объявили выговор и что, таким образом, за одно и то же нарушение на него наложено два взыскания. Автор письма не прав. Лишение премии в числе мер дисциплинарных взысканий в Кодексе законов о труде РСФСР не указано. Эта мера может быть применена наряду с дисциплинарным взысканием.

Лишение премии по общему правилу производится за тот расчетный период, в который было совершено упущение в работе, и оформляется приказом, распоряжением руководителя. И здесь очень важно строго соблюдать требования трудового законодательства. Это позволит избежать недоразумений, ненужных конфликтов. Человек, лишенный премии, поймет, что с ним поступили справедливо, и в будущем постарается не допустить просчетов в работе, из-за которых к нему была применена эта мера.

ЛИТЕРАТУРА

Кучма М. И. **Условия оплаты труда на предприятии.** «Юридическая литература», М., 1979.

Макеева Л. И. **Коллективные формы организации и оплаты труда рабочих.** Профиздат, М., 1978.

Сборник законодательных актов о труде. «Юридическая литература», М., 1977.

Е. МЕЩЕРСКАЯ,
старший консультант
Верховного Суда СССР,
заслуженный юрист РСФСР

Слушается дело о расторжении брака...

В Верховном Суде СССР недавно изучались истребованные из различных районов страны судебные дела о расторжении брака. Обобщение практики рассмотрения судами таких дел проводилось с использованием данных ЦСУ СССР, материалов министерства юстиции СССР, Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства, Верховных судов союзных и автономных республик, областных и городских судов, отделов загса. Пленум Верховного Суда СССР после обстоятельного обсуждения на своем заседании результатов этого обобщения принял 28 ноября 1980 года постановление «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака».

Могут спросить: почему проблема брака и развода, многим кажущаяся сугубо личной, обсуждалась высшим судебным органом страны? Разумеется, брак в нашей стране основан на взаимных личных чувствах людей. Вместе с тем он имеет и большое общественное значение. Рождение в семье детей, правильное их воспитание в духе преданности Родине, коммунистического отношения к труду, активного участия в делах общественных — это уже не только личные, но и государственные интересы. Нормальная нравственно-психологическая обстановка в семье, ее материальная обеспеченность, надлежащие условия для общего и специального развития подрастающего поколения способствуют активному творческому участию советских граждан в производственной и общественно-политической сферах жизни.

«Семья находится под защитой государства», — гласит статья 53 Конституции СССР. Государство заботится о семье путем создания и развития широкой сети детских учреждений, организации и совершенствования службы быта и общественного питания, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления пособий и льгот многодетным семьям, а также других видов пособий и помощи се-

мье. Вопросы, связанные со стабильностью брачно-семейных отношений, тоже находятся в центре внимания государства.

Большие задачи в этом направлении определены XXVI съездом КПСС. В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года подчеркивается: «Увеличить государственную помощь семьям, имеющим детей, и молодоженам. Расширять этим семьям преимущества и льготы, способствовать улучшению их жилищно-бытовых условий, совершенствовать систему государственных пособий на детей.

Такое внимание к укреплению семьи не случайно. Вместе с тем, к сожалению, в последнее десятилетие число поступающих в суды исков о расторжении брака увеличилось. По сравнению с 1970 годом таких исков поступило в суды в 1979 году на 354 тысячи больше. Удовлетворяется судами около 80 процентов исков. Общее число разводов возросло за тот же период на 49 процентов.

Из числа расторгнутых браков 35,9 процента приходится на браки продолжительностью до 5 лет, 28 процентов — до 10 лет, 14,7 процента — до 15 лет, 9,3 процента — до 20 лет. Среди разведенных женщин 45 процентов были в возрасте от 20 до 30 лет и 27 процентов — в возрасте от 30 до 40 лет. Среди разведенных мужчин 37 процентов были в возрасте от 20 до 30 лет и 31 процент — в возрасте от 30 до 40 лет.

Почему же распадаются семьи, тем более в тот период, когда их дети особенно нуждаются в поддержке обоих родителей? Здесь не лишне заметить, что 83 процента лиц, обратившихся в суд с заявлениями о разводе, имели несовершеннолетних детей.

И вот что показали материалы судебных дел. Оказалось, в подавляющем большинстве случаев инициатива расторжения брака исходит от женщин, причем главным образом из-за пьянства мужей, проявления с их стороны грубости, невнимательности и беззаботности по отношению к жене и детям.

В нашей стране провозглашен и последовательно повсеместно осуществлен принцип полного равноправия женщины с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Государство стремится облегчить женский труд в домашних условиях

Судебная практика убедительно показывает, что в деле укрепления семьи первостепенной и главной задачей является борьба с пьянством и алкоголизмом. В комплексе проводимых в этом направлении государством мероприятий существенное место занимает противоалкогольная пропаганда. Однако нам представляется, что в этой пропаганде больше акцентируется внимание на вреде здоровью лиц, злоупотребляющих алкоголем. Это, конечно, необходимо. Но не менее важно разъяснять и такие тяжелые последствия пьянства и алко-

лизма, как распад семьи, вредное воздействие на воспитание детей. Супруги К. расторгли брак, в основном, из-за пьянства мужа. Их пятнадцатилетний сын попал под влияние отца, перестал посещать школу, тоже пристрастился к спиртному. По решению суда отец был лишен родительских прав, а вскоре после этого мать мальчика трагически погибла. В судьбе подростка приняли участие органы народного образования, общественность по месту жительства, но выправить в его душе то, что было исковеркано отцом, видимо, будет не просто.

Приведем еще один случай. Супруги А.— оба старшие инженеры разных научно-исследовательских институтов. Разошлись. Двухлетний сын остался с матерью. Разлад в их семье произошел на почве того, что муж любил перед обедом «пропустить рюмку», а у жены это вызывало отвращение и раздражение. Начались ссоры, скандалы, взаимные упреки, закончившиеся разводом. В судебном заседании муж заявил, что «причиной разрыва семейных отношений явилось несоответствие моих с женой взглядов на место каждого супруга в семье». Возможно, освободившись друг от друга, и он и она облегченно вздохнули. Но позволительно спросить: а подумали они о месте в семье их ребенка? Сейчас мальчик растет без повседневного, так необходимого для него общения с отцом.

Волнует и такая проблема. Сейчас для всех является очевидным факт раннего физического созревания молодежи. По статистическим данным, в 1979 году в возрасте моложе 18 лет зарегистрировали брак около 93 тысяч человек! Как правило, такие ранние браки связаны с предстоящим рождением ребенка, хотя его родители в силу их возраста к созданию полноценной семьи быть готовыми не могут ни в психологическом, ни в материальном и моральном плане.

Молодежь еще недостаточно готовят к семейной жизни. Рассуждений на эту тему много, в том числе и на страницах печати. Практических же мер по подготовке молодых людей к супружеству принимается пока мало. Для нравственного воспитания молодежи необходимы не только лектории или консультации, но и популярная специальная литература, в которой молодые люди могли бы найти ответы на все интересующие их вопросы в области взаимоотношений супругов в семье.

В процессе изучения судебных дел обратили на себя внимание дела о расторжении повторных браков со ссылкой на ошибочность расторжения первого и заключения повторного брака. В исковых заявлениях по таким делам звучат фразы: «Прошу расторгнуть брак, так как не мыслю себе жизни без сына, без прежней семьи...» Или — «...я не смог найти общий язык со второй женой, потому что понял, насколько люблю первую жену и своих детей».

Любовь — сложное и многогранное чувство, основанное на есте-

ственном влечении мужчины и женщины друг к другу. Но этого не всегда оказывается достаточно для создания семьи. Любовь должна сочетаться с чувством ответственности перед тем, кто избирается в качестве супруга. Семья может существовать лишь при обоюдном осознании супругами своих нравственных обязанностей.

Каждый вступающий в брак, конечно, знает, что в будущей семье его ожидают не только радости, но и трудности. Вместе с тем, далеко не каждый бывает способен преодолевать возникающие житейские осложнения, что приводит к семейным разладам, а затем и к разводу. И суды многое делают для того, чтобы сохранить семью. Вот наглядное тому подтверждение. К. возбудил в суде дело о разводе. С чего начался конфликт? В канун Нового года, отработав на заводе вторую смену, жена домой возвратилась лишь утром первого января. К. обвинил жену в супружеской неверности и категорически отказывался примириться с нею. Суд неоднократно откладывал разбирательство дела, но К. упорно настаивал на расторжении брака. Тогда суд с согласия обоих супругов рассмотрел дело с выездом на завод по месту работы жены К. В судебном заседании в качестве свидетелей были допрошены ее товарищи по работе. Они убедили К., что по их настоянию его жена после окончания смены осталась со своей бригадой отметить новый год, а потом они провожали друг друга домой. Доброжелательная обстановка в коллективе, где работала супруга К., тактичное, умелое проведение судебного процесса в этом коллективе способствовали тому, что под его влиянием К. с женой помирился, и суд в связи с этим дело о расторжении их брака производством прекратил.

Подчеркнем, что закон обязывает суды принимать меры к примирению супругов. Об этом записано в статье 14 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье.

Пленум Верховного Суда СССР отметил, что сейчас, когда число бракоразводных дел увеличилось, надо всемерно стремиться к укреплению семейных отношений, воспитывать у граждан чувство ответственности перед семьей и обществом. Особое внимание обращается на укрепление молодых семей и, конечно же, тех, где имеются несовершеннолетние дети

По некоторым вопросам, связанным с применением законодательства о браке и семье, Пленум дал необходимые разъяснения.

Важным, направленным на защиту интересов женщин, является разъяснение о применении в судебной практике части 5 статьи 14 Основ законодательства о браке и семье, которой предусмотрено, что муж не вправе без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение одного года после рождения ребенка. При отсутствии согласия жены на рассмот-

рение дела о разводе судья отказывается в принятии искового заявления, а если оно было принято, суд прекращает производство по делу.

При рассмотрении дел о расторжении брака суды стремятся всесторонне выяснять взаимоотношения супругов, мотивы, по которым ставится вопрос о расторжении брака, подлинные причины разлада между супругами. Временный разлад в семье и конфликты между супругами, вызванные случайными причинами, а также не подтвержденные серьезными доводами нежелание одного или обоих супругов продолжать брак не считаются достаточным основанием для его расторжения. Только установив, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи стали невозможными, что семья распалась окончательно, суд вправе удовлетворить требование о расторжении брака.

При вынесении решения о расторжении брака суд принимает в необходимых случаях меры к защите интересов несовершеннолетних детей и нетрудоспособного супруга. Этому обязывает часть шестая статьи 14 Основ законодательства о браке и семье. Судья, принимая заявление о расторжении брака, и суд в ходе рассмотрения дела тщательно выясняют, достигли ли супруги соглашения о воспитании и содержании детей в случае расторжения брака. Если такое соглашение не достигнуто, то судья или, соответственно, суд разъясняют супругам порядок разрешения спора о том, при ком из них и кто из детей останется проживать и о взыскании алиментов на детей. В целях всемерной защиты прав и интересов несовершеннолетних детей суд, в зависимости от выяснившихся обстоятельств дела, вправе с учетом положений названной части статьи 14 Основ законодательства о браке и семье и части 3 статьи 37 Основ гражданского судопроизводства взыскать алименты на детей независимо от предъявления иска об этом.

По делам о взыскании с родителей средств на содержание детей суд или судья вправе до рассмотрения дела вынести определение о том, в какой мере ответчик обязан временно нести расходы по содержанию детей. Размер суммы, подлежащей временному взысканию, может быть определен в долевом отношении к заработку (доходу) ответчика или в твердой денежной сумме.

Если разбирательство бракоразводного дела отложено (например, для примирения сторон), суд вправе решить по своей инициативе вопрос о временном взыскании алиментов на детей. Разумеется, суд обязательно должен при этом взвесить возможные от этого последствия во взаимоотношениях супругов. Жизнь показывает, что в одном случае такое взыскание алиментов способствует примирению супругов, а в другом, наоборот, усугубляет их размолвку. Потому-то в законе и в разъяснениях Пленума говорится о праве, а не обязанности суда решать вопрос о временном взыскании алиментов.

Статьей 38 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик суду предоставлено право в случае выявления при рассмотрении гражданского дела нарушения гражданами правил социалистического общежития выносить частное определение и направлять его соответствующим учреждениям, предприятиям, организациям, должностным лицам или коллективам трудящихся, которые обязаны сообщить суду о принятых ими мерах.

Ферзиковский районный народный суд (Калужская область) отложил разбирательство дела по иску К. о расторжении брака по мотиву систематического пьянства ее мужа и одновременно проинформировал администрацию по месту работы ответчика о его недостойном поведении в семье. После разбора администрацией с участием общественных организаций фактов, указанных в информации суда, обстановка в семье К. изменилась, и супруги помирились.

Бабушкинский районный народный суд Москвы направил в один из таксомоторных парков частное определение по поводу того, что работа водителя А., имеющей несовершеннолетнюю дочь, в ночную смену создала в ее семье ненормальную обстановку. Ее муж, возбуждивший дело о расторжении брака, утверждал, что при таком графике работы жена совсем не уделяет внимания семье. Администрация приняла необходимые меры: А. перевели на утренний односменный режим работы. Благодаря этому отношения в семье наладились.

Выявляя причины, вызвавшие разногласия в семье, суды реагируют на факты недостойного поведения супругов, направляя частные определения об этом по месту их работы, учебы или жительства, в общественные организации для принятия мер воспитательного характера, оказания помощи и содействия в урегулировании семейных конфликтов. Словом, делается все, чтобы уберечь двоих от неверного шага. И в конечном счете — сохранить семью.

СЧАСТЬЕ - В ТРУДЕ

Если хочешь по-настоящему увидеть, чего ты стоишь, то посмотри не в зеркало, а взглядишь в людей, и увидишь себя в истинном свете, говорят горцы. Кто чувствует себя хозяином земли своей — многого может достичь в своем старании. «Надо, — указал товарищ Л. И. Брежнев, — всемерно поощрять добросовестных работников, не оставлять подырям и бракоделам никаких лазеек для хорошей жизни при никудышной работе. Кто хочет жить лучше, должен больше и лучше работать». Эти слова, сказанные с трибуны XXVI съезда нашей партии, обращены к каждому, ибо в них смысл жизни в социалистическом обществе, где от самоотверженного труда каждого складывается и благосостояние всех, богатство и могущество державы Советов. С первых лет Советской власти укоренилось понятие: хозяин земли своей, своей судьбы — сам советский человек.

«Мы располагаем большими материальными и духовными возможностями для все более полного развития личности и будем наращивать их впредь. Но важно вместе с тем, чтобы каждый человек умел ими разумно пользоваться. А это, в конечном счете, зависит от того, каковы интересы, потребности личности. Вот почему в их активном, целенаправленном формировании наша партия видит одну из важных задач социальной политики.

В большинстве своем советские люди трудятся честно, с душой. Они по праву и разумно пользуются многообразными благами, которые дает им общество, берегут и приумножают наше народное достояние», — говорил товарищ Л. И. Брежнев.

Да, мы все пользуемся правами, которые предоставлены нам нашей советской Конституцией. Но вот всегда ли учитываем свои обязанности перед государством, обществом? А ведь права и обязанности во многом между собой связаны, скреплены, да так, что упустишь одно — не дополнишь другим. Жизнь прожить — не поле перейти. Тот славен у нас, кто в жизни своей опытом и практикой связует воедино и чувство хозяина и чувство потребителя.

Переустройство мира социализмом не предполагает уничтожения всего того, что было до него, а наоборот, все лучшее, что было в народе, все доброе, что накопилось в жизни поколений, берется на вооружение, для того чтобы возрастала отдача каждого. Добрые обычаи и традиции, трудовые навыки и уроки воспитания подра-

стающего поколения — все это наше достояние, им надо пользоваться и извлекать из него предельную пользу для общества. И в этом смысле важное место занимает трудовое воспитание родителями своих детей, вменяемое как обязанность.

Все по-человечески доброе и хорошее, что было и есть в нас самих, подкрепляется нашими условиями жизни, нашими законами. В моем ауле, в ауле мастеров-златокузнецов днем рождения ребенка считается не тот день, когда он родился, а тот, когда он сядет рядом с отцом за верстак, возьмется за резец и сделает неумелой рукой первые штрихи. И этот день отмечается мастерами как праздник, как день рождения нового мастера, гражданина труда. В честь этого горянки пекут свои самые лучшие пироги. И почтенные мастера поздравляют семью с прибавлением мастеровых рук. Обычай добрый, светлый, достойный всяческой хвалы.

Средняя школа в моем ауле расположена рядом с кубачинским комбинатом «Художник», и не ошибусь, если скажу, что изделия учащихся не уступают порой образцам признанных мастеров.

В этом нетрудно убедиться, побывав в школьном музее и посмотрев на почетные грамоты и призы, полученные одаренными школьниками, в том числе и на международных выставках в США, Японии и других странах.

На снимке слева один из тех, кто составляет гордость Кубачей — Гаджи-Бахмуд Магомедов, заслуженный художник РСФСР, лауреат премии имени Репина, участник многих международных выставок, депутат Верховного Совета Дагестанской АССР.

Внизу: изделия кубачинских мастеров.

В основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года, утвержденный XXVI съездом КПСС, говорится о необходимости совершенствовать формы и методы трудового, нравственного и эстетического воспитания в школе. В связи с этим, наверно, пора подумать о создании в Москве музея детских художественных изделий, где были бы собраны лучшие экспонаты с многочисленных выставок юных художников и умельцев. Министерству просвещения СССР и ЦК ВЛКСМ стоило бы проявить в этом смысле заботу.

Труд на земле — основа нашего общенародного богатства. А в горах земля особенно ценится. На каменистых склонах создавали горцы свои поля — клочки земли. На спинах, в плетеных корзинах с невероятным трудом поднимали они землю из ущелий, с поймы реки на высокие склоны. И клочок-то у горца, как заметил Л. Н. Толстой, порой терялся под собственной буркой, но горец дорожил этим клочком.

Советская власть освободила всех крестьян от жестокого гнета, от эксплуатации, и Декрет о земле, подписанный В. И. Лениным, стал священным законом. Щедра и богата Советская власть. Земли всем хватит, но я видел старика, который с жалостью, со слезами на глазах смотрел на бывшие поля — террасы на склонах гор и говорил: «Сынки, жаль эту землю, ведь столько труда вложили в нее наши отцы, а ныне поля под ливнями, под градом заброшены, и каменные изгороди разрушены, воды уносят эту землю вниз, к тем местам, откуда ее доставляли на своем горбу отцы. А ведь трудно жили, но эти земли давали неплохой урожай, на четыре месяца горцам хватало».

И не потому ли родилась шуточная песня:

Говорят, что деды были
Боевой народ.
Укус пили и хвалили,
Говорили: «Мед!»
Пели, пили,
Аж крихтели,
Портить пира не хотели.
Деды засевали мало,
А зато росло.
Что за год земля давала,
На полгода им хватало.
Вот как в старину бывало...

Наш долг по мере возможности сделать все, чтоб сохранить в цельности эти земли. Ведь на этих полях выращивали такие злаки, как махар, зерно его в два раза крупнее зерна пшеницы. К сожалению, этого хладостойкого и урожайного злака я давно уже не вижу на наших полях. Здесь же росла кукуруза, так называемая скороспелка-сорокадневка. Предки наши были в своем роде селекционерами и для посева выбирали лучшие зерна. Причем выбирали зерна поштучно женщины своими руками, и каждое человеческое прикосновение, тепло пальцев облагораживали семена.

Нельзя, думая о том, что земли у нас много, терять ни клочка пахоты, ибо кто небрежен с землей, тот будет жестоко наказан природой, — так говорят горцы.

И ныне, когда мы стали хозяевами земли и поля обеспечены техникой, конечно же, малопродуктивный ручной труд на полях-тер-

расах может показаться устаревшим. Но это как посмотреть. Ни одна горсть зерна не может быть лишней в наших закромах. Вот почему так нужна в личных хозяйствах маломощная подсобная техника для обработки этих полей, которую начинают выпускать предприятия страны.

Если мы, родители, станем примером в быту и в работе, то дети, наше продолжение, сами вберут в себя все лучшее, что в нас есть. Разве останется ребенок равнодушным, если видит, что родители его всегда заняты делом? Даже в том, что ему еще не под силу, ребенок всегда попытается помочь, облегчить труд взрослых. Им только надо видеть и понимать, какую работу родители выполняют. Вот почему так важно приобщить детей к труду, развить в них это великое стремление быть полезными.

Трудовые навыки наши дети получают от нас самих. Помню, однопольчане мои отдавали детей десяти-двенадцати лет подмастерьями в другие аулы к своим кунакам, как говорили, подальше от сердобольных родителей, а те своих детей — в наш аул. И бывали жалобы от ребятишек, что жизнь их трудная, что они не чувствуют тепла и уюта, что заставляют их делать все по хозяйству, и родители не сетовали, ибо это были первые уроки жизни, а жизнь всегда требует от каждого приладить к ней свой ключ. В наше время что стоит человеку получить специальность! Столько везде школ, профтехучилищ, техникумов, вузов. Такие условия, что родители могут только радоваться за судьбу детей и гордиться, когда дети вырастают и становятся мастерами своего дела.

Слово «уста» прибавляется у нас к имени настоящего, уважаемого мастера своего дела — это как признание, и этим званием дорожит каждый как честью своей и гражданским долгом. И такой мастер любую работу — малую и большую — выполняет с присущей ему требовательностью и добросовестностью, ибо знает, что люди скажут о нем доброе слово.

Наше общество — это общество людей труда. Отношением к труду определяются у нас достоинство человека и гражданина и его положение в обществе, его авторитет. Право на труд за советскими людьми закреплено нашей Конституцией, и это величайшее благо, ибо нет несчастнее человека, чем тот, у которого нет работы. Мы знаем: счастье человека в его труде, труде самоотверженном, одухотворенном, окрыленном сознанием того, что ты делаешь полезное обществу дело.

«Сила и могущество трудового народа в том, что он никогда не теряет самообладания и жизнерадостности. У счастливого человека особая осанка, особая гордость и радость. И если вы хотите увидеть такого человека, посмотрите на того, кто на славу потрудился и возвращается домой. Он приветлив и доброжелателен. Он вправе гордиться добросовестным трудом. И он счастлив.

СОБЕСЕДНИК

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ЗЕМЛЯ В НАДЕЖНЫХ РУКАХ

Размышлениями о путях выполнения
намеченных партией планов
развития сельского хозяйства
делится
делегат XXVI съезда партии,
животновод
из Костромской области
Галина Борисовна Ивановская

ПЬЯНСТВО. КАК С НИМ БОРОТЬСЯ?

*Три читательских заметки
на одну тему*

Восстановлена в правах матери

Из блокнота народного судьи

Подарок или взятка?

ОБЗОР ЧИТАТЕЛЬСКИХ ОТКЛИКОВ
НА СТАТЬЮ «ЗА «СПАСИБО»

ГОВОРЯТ ДЕЛЕГАТЫ
XXVI СЪЕЗДА КПСС

ЗАВИСИТ ОТ КАЖДОГО ИЗ НАС

Пять лет назад на костромской земле зародилось движение «С аттестатом зрелости, с комсомольской путевкой — на вторую целину». Одной из первых на этот призыв откликнулась Галина Ивановская. Окончив Спасскую среднюю школу, Галя, а с ней подружки Таня Мантурова, Зина Цветкова, Лена Лисицына, Галя Можжухина пошли в Мантуровский райком ВЛКСМ, где им дали путевки в колхоз имени Ленина. Девушек направили работать доярками на одну ферму, расположенную в селе Угоры.

Галя, трудолюбивая, энергичная, готовая в трудную минуту прийти на помощь товарищу и в то же время нетерпимая ко всякого рода недостаткам, быстро завоевала авторитет в коллективе. Правление колхоза доверило ей заведовать комсомольско-молодежной фермой, которая вскоре стала одной из лучших в области.

О трудовых успехах молодой колхозницы, недавней школьницы рассказала с трибуны XXVI съезда КПСС учительница Ефинской восьмилетней школы Костромской области А. А. Смирнова. Сама же Галина Ивановская сидела в зале Дворца съездов, и присутствующие аплодировали ей.

Коммунистом Галина Ивановская стала в двадцать лет. Она постоянно много сил отдавала общественным делам. Земляки избрали молодую активистку своим депутатом в Костромской областной Совет.

Не забывает Галина и о повышении своих профессиональных знаний, в этом году она окончила Галичский заочный сельскохозяйственный техникум.

Наш корреспондент Ю. Фалатов встретился с Галиной Ивановской вскоре после окончания работы XXVI съезда КПСС и попросил ее рассказать читателям о своих думах и планах по претворению в жизнь принятых партией решений. Предоставляем слово Галине Борисовне ИВАНОВСКОЙ.

Мне выпало большое счастье — участвовать в работе XXVI съезда нашей партии.

Животноводство на съезде было названо ударным фронтом на селе. И я горжусь тем, что нахожусь в рядах его бойцов. Перед нами поставлена задача: в одиннадцатой пятилетке увеличить производство мяса более чем на три миллиона тонн в год. Чтобы решить ее, нужно привести в действие все резервы. А они немалые в хозяйствах страны. Взять хотя бы наш колхоз. На ферму я пришла сразу после окончания десяти классов — пять лет назад. За эти годы удои молока поднялись на тысячу литров от каждой коровы. Но это, конечно, не предел. И возможности мы использовали далеко не все.

Особо хотелось бы сказать о дисциплине. Нужно каждому из нас пересмотреть свое отношение к труду. Секрета нет, у разных людей оно не равнозначно. В любой, даже в самой хорошей семье, как говорится, не без уroda. В колхозах и совхозах еще много теряют из-за примиренческого отношения к нарушителям трудовой дисциплины, бракоделам. А ведь недобросовестность одного порою наносит большой ущерб всему хозяйству. Скажем, засеял тракторист поле. Старался все сделать так, как требует агротехника. Смотрит — в середине лета поле покрылось сорняками. Оказалось, семена были неотсортированными. Найди теперь того, кто «замарал» работу.

Или взять животноводство. Иная доярка вовремя приходит на ферму, но к делу относится без души. Не поела корова корм — ну и пусть, не убран навоз — не беда, плохо поступает вода в автопоилки — не мое дело, на это слесарь есть. А в результате убыток всем. Что греха таить, встречаются еще в селе люди, которые в горячую пору не прочь отсидеться в холодке, в трудную минуту — спрятаться за спину товарища, а кое-кто общественный карман пугает со своим. Думаю, что с таких «работничков» надо строго спрашивать. Порой же мы их уж слишком долго уговариваем, взываем к совести, и выходит как в басне И. А. Крылова: «А Васыка слушает да ест».

Труженники нашего колхоза с удовлетворением восприняли указание съезда о повышении требовательности к кадрам, большей ответственности за результаты труда. Жизнь доказывает, что на тех участках, где дисциплина строго соблюдается, результаты труда значительно выше, нежели там, где еще не изжиты разболтанность, беспорядок, хотя производственные условия и одинаковые. Дисциплина во многом зависит от руководителя, но если коллектив не поддержит его — вряд ли все будет в порядке. Очень много значит, когда лодырей, прогульщиков осуждает вся бригада, когда нет у них сочувствующих. Важно также, чтобы система оплаты труда побуждала работать, а не прохлаждаться. В ряде хозяйств, например, механи-

затор получает за количество обработанных гектаров. Техника сейчас пошла скоростная, вот он и стремится побольше гектаров исколесить. Пашет на заданную глубину лишь на краю поля, а в середине лемеха только «скоблят» почву. Выработка у него высокая, заработок приличный. А вот урожай с такого поля получают никудышный. Надо изменить подобное отношение к делу, так продумать оплату труда, чтобы она способствовала постоянному наращиванию сборов урожаев, надсев молока. Слово тут за Минсельхозом и Госкомтрудом СССР.

Справедливо говорилось на съезде о необходимости шире развертывать социалистическое соревнование, повышать гласность в этом деле. Отличился человек — пусть об этом знают все, заработал премию — вручи в торжественной обстановке. А то ведь иной узнает, что он премирован, только в кассе, когда расписывается в ведомости. Земледельцы и животноводы сейчас зарабатывают хорошо. Другому не столько нужны деньги, как память о том, что он отличился в труде. Деньги получил, растратил и — никакого следа. А вот памятный подарок, да еще с красивой надписью, останется. Им не только отличившийся будет гордиться, а его дети и внуки.

Порой тратятся большие средства, за «тридевять земель» едут за передовым опытом, а не замечают, что опыт-то под боком, в соседнем совхозе, колхозе, а то и у себя в хозяйстве. Причем опыт, привезенный издалека, иной раз и применить-то невозможно. Как, скажем, используешь метод работы туркменских животноводов у нас, на костромской земле? Надо рачительно расходовать общест-

Галина Ивановская на ферме. Хороший подрастает молодняк!

венные средства, внимательно изучать все передовое, прогрессивное в соседних хозяйствах, которые имеют одинаковые условия, и внедрять все в жизнь. Это тоже один из резервов, который поможет выполнить задание партии в области сельского хозяйства.

«Не остается молодежь в деревне, в город тянется...» — жалуются еще иные руководители колхозов. Знакомое дело. Было время, когда и в нашем колхозе фермы держались на одних стариках и старухах. И в поле они. Сейчас жаловаться грех. Молодых рук везде хватает. Что же произошло? У нас давно поняли: запретами молодежь в деревне не удержишь, а вот заботой, вниманием — можно. Еще — правильным воспитанием. А начинается оно загодя, с дошкольного возраста. Человека надо приучать к труду с раннего детства. Зайдите сейчас в нашу школу-восьмилетку. Там кроме штатных учителей уроки ведут лучшие механизаторы, полеводы, животноводы. Они просто и доходчиво рассказывают ребятам о своем труде. Это самые уважаемые в колхозе люди. Конечно же, к ним ребята прислушиваются.

Учить можно по-разному: проводить уроки, читать лекции, доклады и так далее. Это необходимо, а кроме того, с подростками надо говорить по душам, как с равным, замечать и оценивать его усилия, старание, вовремя похвалить. Не заигрывать, не сюсюкать при этом, доверять больше.

Серьезная подготовка хороших, умелых работников требует и серьезной организации учебного дела, соответствующей материальной базы. Нынешний достаток в хозяйстве позволяет создать ее. Ученики нашей школы изучают автодело, знакомятся с устройством тракторов и другой техники, основами агротехники и животноводства в хорошо оборудованных кабинетах и мастерских. С радостью принимают ребята приглашение работать во время летних каникул в поле, на фермах, в колхозных мастерских. А как же! Ведь каждый чему-то уже научился, что-то освоил, и ему, понятно, хочется проверить себя в деле, а то и отличиться! В колхозе уже много лет существует ученическая производственная бригада. Воспитательное значение ее трудно переоценить. Ведь именно в ней школьники получают трудовую закалку, познают науку полевых работ, постигают радость сельского труда.

Человек растет, взрослеет. Наконец наступает время, когда он становится полноправным тружеником, членом колхозной семьи. Это важный момент в жизни. В некоторых хозяйствах как? Написал парень заявление с просьбой принять в колхоз, проголосовали за него на собрании — вот и вся премудрость. А какой след в душе оставит такая казенщина? У нас же к приему в колхоз относятся серьезно. Заранее готовят Дом культуры, украшают его цветами, лозунгами, плакатами. Ярко горят люстры, торжественно звучит музыка. В зале — празднично одетые люди. Особый почет — ветеранам тру-

да. Присутствуют партийные и комсомольские руководители, гости из райцентра. Они занимают почетное место в президиуме, туда же приглашаются и принимаемые в колхоз. Каждый новичок произносит слово верности хлеборобскому делу, обещает ценить и любить землю, твердо блюсти Устав коллективного хозяйства. Пионеры преподносят молодым колхозникам цветы, ветераны повязывают им алые ленты: «Посвящен в хлеборобы».

Но для того чтобы молодежь оставалась в колхозе навсегда, надо постоянно заботиться о ней, создавать в селе условия для интересной, содержательной жизни, учебы, труда. В нашем колхозе стараются больше строить жилья для молодоженов, специалистов, демобилизованных воинов. Кстати, проводы ребят на службу в Советскую Армию — это у нас тоже праздник. Напутствуем призывников, правление колхоза преподносит им памятные подарки. Два года, пока служат ребята, поддерживаем с ними связь. И редко какой парень не возвращается в родное село.

Верно говорится: «Не хлебом единым жив человек». Для молодых пища духовная еще важнее. Значит, нельзя скупиться на хорошие книги для библиотеки, на художественную самодеятельность, надо почаще приглашать городских артистов, интересных лекторов, специалистов по искусству. Молодежи нужны и спортивные базы, нужны и детские ясли, сады, столовые. Словом, там, где о молодежи заботятся, создают ей условия для нормальной работы и жизни, там и разговоров о том, что она не остается в селе, нет. Но вовсе не на блюдечке надо подносить молодежи жизненные блага. При хорошей организации труда она сама активно участвует в благоустройстве сел, создании культурных и спортивных комплексов, организации содержательного досуга.

Передать землю в надежные, умелые руки новой смены труженников села — задача важная, от которой во многом зависит дальнейший расцвет сельской жизни.

**КОЛХОЗ ИМЕНИ ЛЕНИНА,
МАНТУРОВСКИЙ РАЙОН,
КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ**

ПЬЯНСТВО. КАК С НИМ БОРОТЬСЯ?

Немалый ущерб обществу, семье наносит пьянство, которое, откровенно говоря, еще остается серьезной проблемой.

Л. И. Брежнев

УБЕЖДАЯ И ТРЕБУЯ..

Хочу поделиться с читателями журнала интересным и поучительным опытом работы по борьбе с пьянством и алкоголизмом в Ошской области.

— Какой же я алкаш? Работаю и зарабатываю неплохо. Семья обеспечена всем необходимым. Выпиваю? Да Нс не каждый же день. В вытрезвитель не попадал ни разу. На улице не валялся Прогулы?.. Не без этого, конечно. Так ведь какая же и работа с похмелья?! А проснувшись утром, как начнешь вспоминать, что ты наделал и нагородил,— бежал бы куда глаза глядят, чтобы никого не видеть и ничего не слышать...— так говорил один из пациентов наркологического отделения областной больницы в Кызыл-Джаре

Ему вторил другой:

— А до чего я дошел! Тошно вспомнить У жены десятку украл на похмелье. Свои же деньги — и постеснялся попросить. Боялся ее измученного взгляда, тяжелых вздохов И какое же у нее терпение!

— Ну нет, хватит валять дурака,— вмешался в разговор третий.— Болеть, мучиться, изводить жену, терпеть унижения, казнить-ся. Из-за чего? Ради одного веселого вечера? Не слишком ли долго?..

Разговоры-размышления, подобные этому, не редкость в скверике наркологического отделения, которым заведует в Кызыл-Джаре Николай Павлович Баранов — опытный врач-психиатр. Он и сам частенько присутствует здесь же. Обычно сдержанный и немногословный, Николай Павлович иной раз не выдерживает и вступает в спор. И тогда уж все в конце концов соглашаются с его убедительными доводами: можно и нужно отстаивать свое право на доверие и уважение окружающих, суметь защитить собственное достоинство.

— И главное тут, — считает он, — не искать уважительных причин своего пьянства на стороне! Начинать надо с себя. Вот, например, вы, Виктор, гри года не пили после первого лечения у нас. За это время, я уверен, вы не могли не ощутить, по-настоящему оценить вкус трезвой жизни. Так зачем же снова начали? Не выдержали? Или думали, что сумеете в нужный момент сдержаться, пить в меру? И как тяжело видеть вас здесь вновь. Страдают опять жена, дети, у сослуживцев теряется вера в твердость вашего характера, авторитет. Так ведь недолго самому, по собственной воле «записаться в пропащие». Неужели не страшно? И это когда жизнь кругом ключом бьет, и есть у вас в ней свое счастливое место...

Прошло уже более пятнадцати лет с тех пор, как выпускник Фрунзенского медицинского института Николай Баранов начал свою благородную работу. За это время накопил он большой профессиональный, житейский опыт, научился, что называется, лечить и делом и словом. Именно так — и словом. Ведь врач-психиатр тем и отличается от остальных своих коллег, что действенность методов его лечения всецело зависит от того, насколько он сумеет убедить своего пациента, вселить в него уверенность в своих возможностях, закрепить эту веру, растревожить его самолюбие, разбудить совесть и, если надо, оказать моральную поддержку.. Врач строго следит за соблюдением распорядка дня, лечебных процедур. Хорошие помощники у Николая Павловича: А. Кожбанов, А. Хошимов и другие медицинские работники — добросовестные, скромные труженики. Им от всей души благодарны все те, кто здесь лечится. И ведь что интересно и показательно — в наркологическом отделении этой больницы дела с «поправкой» пациентов идут значительно лучше, чем в соседних лечебно-трудовых профилакториях, куда алкоголиков и пьяниц направляют лечиться принудительно. И хотя и тех и других пациентов порой трудно отличить, сюда, в больницу, их не привозят, а они приезжают добровольно, с направлением врача-нарколога и с согласия администрации, общественных организаций по месту работы. А последние не только убеждают, но и требуют, чтоб человек лечился, интересуются ходом лечения, навещают, встречаются и советуются с врачом. Могут возразить: не слишком ли много чести? Как сказать! Ведь в результате-то обществу возвращается физически и нравственно здоровый человек, как теперь говорят, без «комплекса неполноценности». Разве не в этом суть нашей профилактической воспитательной работы? Думается, именно так должен осуществляться комплексный и согласованный подход органов здравоохранения, милиции, трудовых коллективов и общественных организаций к искоренению пьянства и алкоголизма.

Конечно, немаловажное значение имеет при этом и своевременное взятие на учет лиц, страдающих хроническим алкоголизмом и бытовым пьянством, а также снятие их с учета по ходатайству врача, администрации и общественных организаций. Бывает, что человек уже пять или десять лет, что называется, не притрагивается к спиртному и вдруг узнает, что он все еще состоит на специальном учете, числится алкоголиком. Такая невнимательность может незаслуженно оскорбить человека. И еще. Выписавшемуся из больницы на первых порах требуется повышенное доверие и доброжелательность. Кое-кто скажет: э, бесполезно. Конечно, если лечению не предшествовала соответствующая профилактическая работа и руководители трудовых коллективов, общественность обращались с пьющим как с безнадежным алкоголиком. Ну, а если в самый решающий момент

начала лечения проявить хоть минимум дружеского внимания, заинтересованности в судьбе человека — польза будет наверняка. Таково мнение Н. П. Баранова, врача, своим благородным трудом возвратившего в строй многие десятки тех людей, которые по безволию или равнодушию окружающих попали в трясины пьянства

**ОШСКАЯ ОБЛАСТЬ,
КИРГИЗСКАЯ ССР**

И. ИСМАИЛОВ

НЕПРОШЕННЫЕ ЗАЩИТНИКИ

Когда подъехали к Дому культуры колхоза «Красная Звезда», в котором было назначено сегодня выездное заседание народного суда, то кроме подсудимого, потерпевшей да нескольких свидетелей никого не было. «Неужели не придут, — мелькнула мысль, — неужели хуторян мало волнуют проблемы семьи, укрепления правопорядка?»

— Люди о суде знают, оповещены, — успокоила подошедшая Галина Тимофеевна Нагнбеда, секретарь партийной организации колхоза, — он ведь в нашем хозяйстве работает, — кивнула она в сторону одиноко стоявшего мужчины средних лет, угрюмо посматривавшего на приезжих.

Фабула обвинения по букве закона предельно кратка — «хулиганство», а обвинительное заключение гласит: «...П. Демиха умышленными действиями грубо нарушил общественный порядок, выразил явное неуважение к обществу, а именно, будучи пьяным, пришел в дом, нецензурно бранился...»

Просторный зал постепенно заполнялся. На душе стало спокойнее. Процесс не пройдет безлико и будет иметь профилактическое значение

...Хутор Меклет, где происходили события, небольшой, люди знают все о трактористе Павле Демихе. Мнение о нем сложилось нелестное. Все хорошее в нем как-то стерлось в памяти людей, позабылось, заменилось свежими последними «впечатлениями», когда он в пьяном угаре преследовал по хутору жену, оскорблял ее, пренебрегая увещаниями успокоиться. Сейчас он сидел перед судом в поношенной фуфайке и робко взирал на присутствующих, поеживался, комкал шапку подрагивающими руками, выдававшими его внутреннюю тревогу, волнение. Отвечать трезвому человеку за свои пьяные проделки стыдно, неприятно, трудно, но неотвратимо нужно.

Надо отдать должное руководству колхоза, общественности — они не были безучастны к судьбе подсудимого. Его убеждали, стыдили, наказывали, обсуждали в коллективе поведение и пьянство, отправляли лечиться от алкоголизма. Подвергался Демиха и административному аресту на 15 суток

— Когда муж вернулся из милиции, отбыв положенные сутки ареста, — рассказывала жена Демихи, — то пить не бросил, скандалы продолжались. У меня три девочки, они напуганные, нервные. Если

муж приходил пьяным, то начинал придирается по пустякам, дети тряслись, боялись. О громких скандалах даже говорить страшно. Вот тогда ради детей, ради их здоровья я решилась уйти. Бросила все: и дом, и хозяйство, забрала лишь нехитрые пожитки и переселилась к маме. Но и там он нам покоя не дал...

«Старшая и средняя их дочери учатся в школе,— как бы дополняя взволнованное, полное отчаяния повествование потерпевшей, делалась впечатлениями во время короткого перерыва Серафима Васильевна Василенко, завуч школы, народный заседатель.— Девочки старательные, способные, могли бы быть отличницами. Когда в семье очередной скандал, то мы, учителя, первыми узнавали о нем. На уроках они в таком случае не могли сосредоточиться, были рассеянные, отрешенные, бледные, болезненные. Поведением Демихи мы возмущались, беседовали с ним, но положение в семье в лучшую сторону не изменялось».

Под пристальными, возмущенными взглядами хуторян виновник все ниже и ниже опускал голову. В последнем слове он с мольбой и надеждой просил суд не лишать его свободы, обещал исправиться, трудиться честно и добросовестно, восстановить свое доброе имя. Но слишком запоздало это раскаяние.

Что же помешало Демихе вовремя прозреть, одуматься, понять людскую озабоченность судьбой детей и его собственной? Почему сейчас нет твердой уверенности, что, отбыв назначенный срок наказания, Демиха снова не запьет, не учинит скандал, угасит в себе нахлынувшую злобу, раздражение, будет уважать порядок, закон, не продолжит травмировать неокрепшую детскую психику.

Все средства массовой информации, агитации и пропаганды воспитывают у советских людей высокие нравственные качества. Партийные, профсоюзные, комсомольские и административные органы, активисты-общественники да просто люди, живущие и работающие рядом, вникают в судьбу каждого человека, борются за него, убеждают от цепких щупальцев зеленого змия, стяжательства, не дают морально упасть. И вновь — почему? Почему их усилия не всегда результативны, а порой проходят впустую, как, например, в деле Демихи? Кто и что мешает в этом? Конечно, прежде всего виноват сам нарушитель — человек, потерявший чувство ответственности перед обществом, морально опустившийся. Недобрую услугу оказали ему и «дружки», ободрившие его при первых шагах к пропасти.

Очень важно, чтобы осуждение пьяниц, нарушителей общественного порядка было всеобщим. К сожалению, у нас еще немало непрошенных защитников, эдаких «добрых» дядь и тетя, тоже «борющихся» за человека. «Подумаешь, выпил человек, а что, после работы и выпить нельзя, для чего ее, горемыку, продают? А кто не пьет?» — кричат они. Поругался дома с женой — «это личное дело!» Выразался нецензурно в общественном месте. Оскорбил кого-то, допустил брак в работе, совершил прогул — и непрошенные защитники тут как тут. Разбил окно, ударил человека по пьянке. «Это случайно, — воняют они, — мы его знаем, он хороший человек».

Порядочный человек на защиту мерзости никогда не станет, будет его гневно возмущаться. Непрошенные же защитники, наоборот, горой стоят за нее под маркой борьбы за человека, потому как они сами с пороками и изъянами, причем немалыми. Поддерживая и развивая порок в «подзащитном», они тем самым рьяно отстаивают «право» на собственные пороки. Им так, в массе нарушителей, легче живется, и руки до них не скоро доходят.

Поэтому спрос даже за малые проступки, будь они в семье, на улице, в коллективе, должен быть большой, взыскательный, принципиальный, без непрошенных защитников, с которых настала пора также спросить.

КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

В. ЧЕРЧЕНКО,
председатель Белоглинского
районного народного суда

СОЧИНЕНИЕ О СВОЕЙ СУДЬБЕ

Школьные сочинения пишут разные: о пушкинской Татьяне и лермонтовском Печорине, Павке Корчагине, молодогвардейцах, о героях наших дней и смысле жизни, о том, что ожидает в будущем и чего от него ждут. Школьные сочинения, от самых первых, «ломких» до зрелых, почти всегда объединяет стремление юного автора по-своему взглянуть на мир, осознать себя личностью, сосредоточенная попытка определить свои жизненные ориентиры и ценности.

...Сочинения, с которыми мне по долгу службы пришлось познакомиться, не совсем обычные. И хоть написаны они аккуратно, более или менее в ладу с орфографией, есть одно небольшое нарушение незыблемого школьного устава: все эти работы сделаны карандашом. Их авторам, согласно внутреннему распорядку исправительного учреждения, ручек — автоматических, шариковых, наливных и прочих — иметь не положено. Сочинения на тему «Что привело меня на скамью подсудимых» написаны несовершеннолетними правонарушителями. И еще. Всем им было предложено оценить свое поведение, поступки самим — по традиционной пятибалльной системе.

Шестнадцать-семнадцать лет. Возраст надежд и сомнений, возраст, который социологи определяют как «ватерлинию всей будущности человека». Выше этой линии — работа, учеба, познание мира (и себя), в целом — полнокровная жизнь гражданина. Ниже... Но прежде чем рассказывать об этом, вчитаемся в некоторые откровения ребят.

Сочинение Сергея Г. начинается с фразы, которая мгновенно настораживает и словно сама просит о помощи. «...Наше (у Сергея есть брат Тимка) детство украдено пьяной матерью. Она била нас и очень часто даже не давала нам есть...» Из дальнейшего рассказа явствует, что парня (кроме школы) практически воспитывала улица. Есть братьям мать не давала, зато выпить — не отказывала. Сергей после рюмки быстро засыпал, а «уставшей» от друзей-субутильников женщине только того и надо было... И меньшого брата Тимку она «успокаивала» тем же образом. Кончается сочинение Сергея весьма красноречиво: «Я выпил и залез в чужую квартиру ради интереса» (в итоге — скамья подсудимых и наказание в виде лишения свободы).

На полях Сергей дописал: «Прошу спасти Тимку». И поведение свое оценил вполне самокритично — «2». Тимка, конечно, будет спасен. Государство уже взяло на себя все дальнейшие хлопоты и заботы о нем. Но каким образом подвести итог «деятельности» его, с позволения сказать, матери, поправшей самое святое — материнский долг?!

Уже с первых абзацев во многих сочинениях «прослушиваются» боль и непонимание — за что судьба наградила этих подростков безответственными родителями, видевшими (и искавшими!) утешение своей жизни в вине и разгуле, а не в заботах о воспитании собственных детей?

«...Я с детства привык пить пиво. Меня угошал с получки отец. А потом он поспорил с соседом, что я выпью «срша» — водку и пиво вместе. Я выпил. Что было дальше — помню смутно. Кажется, дрался бутылкой...» Это признание Владимира К. «Что было дальше» можно судить, исходя из части 3 статьи 206 Уголовного кодекса УССР. Отец не пришел на суд Владимира. «Обмывал» горе! А парень пишет в сочинении: «Очень хочу на волю, к отцу. Он старый, больной, без меня не проживет...» Но, как я узнаю, ничего, живет.

А вот Олег Г. прямо гордится своим отцом, умеющим «пить, не закусывая». Вот образчик сыновней лирики: «Он (отец) на свадьбе одной в прошлом году перепил даже Ваську-пьяницу, совсем пропащего...» Невероятно, но почти закономерно — сынок хочет быть похожим (!) на своего папу-«рекордсмена». Он с гордостью повествует, как в седьмом классе отец проявил «мировую» уступчивость — «разрешил (Олегу) пить и курить «Приму». Олег откровенен до конца. В своем преступлении перво-наперво винит водку: «Я ограбил необдуманно, в пьяном виде...» Четкий акцент. «Ограбил НЕОБДУМАНО». Что ж, вся беда в плохой организации «мероприятия»? Балл себе Олег поставил солидный — «4»! А мысли о будущем представил конкретно: «Больше сюда не попадаться...» Вот пока и весь урок.

Еще один Олег, словно вступив в полемику с первым, начинает описывать не менее тяжелую историю. «Детство мое прошло не так, как у всех ребят. Отец пил, буянил, короче, позорил всю нашу семью». Олег Д. стал бродяжничать, пробовал заниматься сбором подаяния, потом примкнул к какой-то сомнительной компании. Его искали мать, учитель из школы, инспектор милиции по делам несовершеннолетних. Олег не бравирует приобретенным «опытом», доставшимся в наследство от отца, не обвиняет его — едва ли не прямого соучастника преступления: ведь это отец решил отметить возвращение «беспризорника» и послал его (без денег!) «чего-нибудь» достать. И... Олег разбил витрину первого попавшегося гастронома. Сейчас к нему пришли прозрение и обида на «главу семьи». По отбытии срока наказания он мечтает «прийти домой, выкинуть все бутылки и сдать отца на лечение». Эту программу Олегу придется осуществлять через два года. В уголке листа (где следовало поставить балл) он написал «0», заявив тем самым о непреложном и твердом желании начать жизнь сызнова, с нуля.

В переключку с ним вступает Александр В. «Я всегда стремился к чему-то хорошему. Я любил весь мир, но его заслонила вечно полная рюмка матери. Как стыдно это писать! Она, вскормившая меня молоком, первая предложила мне чашу с ядом — «хлебни, сыночек!» И тогда я становился втрое сильнее. Водка заменила мне

учебники. Мне жалко мать, от нас ушел отец, и она все время переживает. Плачет и... пьет. Деньги я украл у врача «скорой», когда он осматривал мать, а пальто оставил в передней. Я отдал их матери и сказал, что нам больше не нужны алименты отца. В тот вечер я, как мужчина, пил с ней наравне, а когда пришел врач и попросил вернуть деньги, я угрожал ему...»

Мать и дитя. Исстари повелось, что понятия эти неразделимы. Как жизнь и воздух, земля и небо. Мудрейшему из законов природы обязаны мы этой формулой. Для матерей нет ни плохих, ни некрасивых ребятишек. Есть дети: сын, дочь, есть продолжение рода, их глаза, смех, забавный лепет, первые шаги по жизни. И все это чаще всего наполняет семью светом радости, рождает у взрослых неповторимое чувство родительской заботы и любви к своему ребенку, желание вырастить настоящего человека, красивого физически и духовно.

...Василий С. написал и подчеркнул такие строки в своем сочинении: «Теперь главное в моей жизни — исправиться, выйти на свободу и постоянно доказывать своим трудом, что я не конченный человек. Хочу отслужить в рядах Советской Армии, потом — жениться, вырастить детей — но чтоб они были честными! — и... умереть на свободе. А водка — будь она трижды проклята, и вместе с ней — те, кто приучил к ней...»

Василий не расшифровал «тех, кто приучил». Это стало известно из личной беседы. Он не решился «проклясть» на бумаге своих родителей. Может, виной всему неумирающая нежность к ним, а если не нежность, то почтительность, уважение? Нет, он резок и неуступчив, иногда его еще не устоявшийся голос срывается до крика. Он просто не хочет знать их больше, «тех, кто научил пить», кто подарил десятикласснику на день рождения... шведский бар с холодильником и на убывающий и постоянно пополняющийся запас спиртного смотрел, как на необходимый элемент развития «юноши». А он мечтал о серии ЖЗЛ...

— Они, они во всем виноваты! — упорствует он, вцепившись бледными пальцами в край стола.

Слово сказано. А родители Василия, о чем они сейчас думают? Они... обвиняют школу и торопятся составить домашнюю генеалогическую карту: «нищут» дурную наследственность и вытекающее из нее предрасположение к алкоголю. О хорошей русской пословице «что посеешь, то и пожнешь» эти родители явно забыли. А вспомнить бы не мешало. Вдумайтесь, ревнители «модерна», в страшные слова, написанные вашим сыном: «Хочу умереть на свободе» (и это в семнадцать-то лет!). И, пока не поздно, замените шведский бар на книжные полки...

Сочинения, написанные карандашом. Их писали правонарушители, погруженные в свои тягостнейшие воспоминания, большей частью потерявшие веру в будущее. Вижу их склоненные в раздумье головы, размышляю, сочувствую, спорю.

Еще раз перечитываю:

«Отец, конечно, часто выпивал. Происходили скандалы, брань, слова нецензурные... Ушел из дому, чтобы гадость не видеть...» (Алексей И.).

«Отец в этом году взял первое место по уборке пшеницы. А в вытрезвитель мы попали вместе... Преступление совершил самостоятельно» (Максим М.).

«Свое детство я провела без матери, с пьяным отцом. В 9 лет

впервые выпила самогону и закурила. Все это мне понравилось...» (Татьяна В.). Почти девочка. Ей едва исполнилось шестнадцать, а у нее очень тяжелая статья — 94 УК УССР. Она подняла на отца руку.

Разговаривать с ней трудно.

— Зачем разговаривать? Все уже бесполезно.

— Кем же будешь, когда освободишься?

Татьяна молчит. Это для нее пока недостижимо далеко. Она еще не отошла от прежней своей жизни, а потому, видимо, оценивает свое «поведение» на «тройку». Спрашиваю: почему?

— А я только наполовину виновата! — с какой-то вымученной бравадой отвечает она. Но в глазах горькая печаль.

Я знаю, что того, кому она адресует часть вины, уже нет в живых. Большая беда только начинающего жизнь человека. И попал он в эту беду по воле отца...

Дети, подростки, юноши. Они во всем берут пример с родителей, учителей, киногероев, знакомых, а зачастую и вовсе незнакомых людей. Но первым и чаще всего основным эталоном поведения, нравственной и духовной жизни для них становятся мать с отцом. И они должны помнить об этом ежедневно, чтоб их детей миновали беды, в которых оказались авторы приведенных выше сочинений...

ДОНЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ

Н. ПЕТРАКОВСКАЯ

КНИЖНАЯ ХРОНИКА

**В издательстве
«Юридическая литература»
вышли в свет новые книги.**

**СЕРИЯ
«СОВЕТСКИЙ ЗАКОН И Я»**

**КОТЛЯРЕВСКИЙ Г. С.
Конституция, законность,
правопорядок.
Цена 20 коп.**

В работе охарактеризованы главные черты развитого социалистического общества, показаны задачи и высшая цель общенародного социалистического государства, раскрыты причины, обусловившие необходимость принятия Конституции СССР 1977 года. Особое внимание уделяется значению Конституции в жизни советской молодежи. Раскрывая понятия социалистической законности и правопорядка как необходимых условий осуществления принципов Конституции, автор на конкретных фактах показывает, в чем выражаются административные, гражданские, дисциплинарные правонаруше-

ния, как они препятствуют решению экономических, политических, социальных задач, стоящих перед Советским государством.

Для широкого круга молодых читателей.

**СЕРИЯ
«НА СТРАЖЕ ЗАКОНА.
НАША МИЛИЦИЯ».**

**ПЫЛЕВ С. С.,
САМОВАРЩИКОВ В. И.
Долг, честь, мужество.**

Цена 30 коп.

Авторы книги — сотрудники органов внутренних дел — взволнованно и достоверно рассказывают читателям о сильных духом людях, увлеченных одной большой мечтой — сделать жизнь человека счастливой. На примере расследования конкретных уголовных дел в книге показаны гуманная деятельность сотрудников советской милиции, высокое сознание каждым солдатом правопорядка своей причастности к общему делу коммунистического строительства.

Для широкого круга читателей.

СЛУЧАИ ИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

*О причинах правонарушений и борьбе с ними
ведут разговор работники суда и прокуратуры.*

Будьте счастливы, дети!

На работу в тот весенний день я спешила прийти пораньше. Сложное предстояло заседание, и текущих дел накопилось немало. Когда свернула в переулок, где находится народный суд, то сразу увидела ее. Она стояла около двери согнувшись, всматриваясь в ту сторону, откуда подходила я. У меня одновременно мелькнули две мысли: стоит на ветру, могла бы и спрятаться за угол, и вторая — ну что ей нужно-то теперь здесь? Честно признаться, видеть ее мне в тот полный забот день не хотелось. Но работа есть работа.

В кабинет мы зашли вместе. Сели. Я глянула на нее и, не успев сказать ни слова, услышала: «Помогите мне. Верните детей!»

Чтобы все стало понятно, вернемся к сентябрю 1977 года. Тогда эта женщина, Раиса К., 1950 года рождения, мать троих малолетних детей, находилась в том же здании народного суда, но не в кабинете судьи, а в зале заседаний.

Слушалось гражданское дело по иску Озинского районного отдела народного образования к Раисе К. о лишении родительских прав. И по решению суда она была их лишена тогда. Самой старшей из детей было 7 лет.

Лишена за то, что уклонялась от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей. Это было достоверно установлено в ходе рассмотрения дела. Потом надо было исполнять решение суда. Отбирать у Раисы детей и передавать органам опеки и попечительства. Раиса плакала, грозила, ругалась, вела себя порой непристойно. Пригласила я ее в кабинет и стала выяснять, почему она так ведет себя. Она: «Детей люблю. Жизни без них не мыслю».

Признаться, не верила я тогда в искренность ее слов, но пришлось долго и подробно объяснять ей порядок восстановления в родительских правах, и что закон предусматривает такое право. В конце сказала женщине: раз любишь детей, докажи, что это так. Перевоспитаи себя настолько, чтобы тебе поверили, и тогда приходи. Детей суд у нее отобрал. Воспитывались они в детских домах.

И вот она пришла. И снова говорит о любви к детям. Долго мы беседовали. Родилась Раиса К. в Башкирии, мать бросила ее, когда девочке исполнилось 11 месяцев. Воспитывала Раису бабушка. Рано вышла замуж. Родились трое детей. Все сознательные годы думала: а какая она — ее мать? И вот они с семьей в Озинском районе. Но у матери бывает нечасто. Не очень радушно ее там принимают.

Вскоре к Раисе пришла беда, стойко пережить которую она не сумела. Забрав лучшие вещи, сбережения, муж в один из вечеров потихоньку сбежал от нее и троих детей. Осталась Раиса, как ей

тогда казалось, совершенно одна. Никого узнать она на новом месте не успела. Хотела попросить места в яслях для ребят, соседи сказали, что это сложно. Жить не на что. В сельский совет не пошла, подумала, не поймут, откажут.

А тут вечером пришли двое — незваные гости, принесли водки, закуски. Первый раз после ухода мужа, рассказывает Раиса, она тогда спокойно уснула, тепло вспоминая пришедших к ней на «помощь» мужчин. А потом пошло... Без водки она уже чувствовала себя плохо и стремилась хоть где, хоть сколько, но выпить. Переезжает в районный поселок Озинки, где ее трудоустраивают, обеспечивают комнатой в семейном общежитии, местами в детском саду. Но Раиса работать уже не хочет. Ее аморальное поведение обсуждают на женсовете, в комиссии по делам несовершеннолетних при райисполкоме, на товарищеских судах. Коллектив пытается помочь, но тщетно, и в суд поступает заявление.

После того как отобрали детей, Раиса недели две пила, «глушила» в вине свою очередную беду. А однажды утром проснулась, говорит, и замерла... В квартире тишина, что называется, гробовая. И стукнуло в сердце — нет детей. Не слышно шума, смеха, писка, плача. Почувствовала — одна. Не помнит, как доехала до матери. К ней, к родному человеку, чтоб как-то прийти в себя. Разговариваю, говорит, с ней, а сама чувствую — чужие. Я ей, она мне... И не удивительно. Ведь как поздно встретились и ничего не почувствовали друг к другу. В сердце стукнуло еще сильнее, а вдруг и мои дети не будут чувствовать, что у них есть мать, их никто не будет любить, жалеть. И здесь окончательно «прозрела». Все, хватит. Чтобы уж порвать с прошлым навсегда — поехала лечиться добровольно от алкоголизма. Затем поступила на работу, получила квартиру. После этих слов женщины потеплело у меня на душе.

Что греха таить, приходится нам в суде время от времени рассматривать дела о лишении родительских прав. Заявлений о восстановлении в родительских правах поступает, к сожалению, очень и очень немного. А эта вот оказалась настоящей. Видно, любит детей. Но выводы делать мне было рано. Заявление поступило, теперь дело суда надлежало подготовить его к рассмотрению. Ведь так это непросто — восстановиться в родительских правах! Суд должен убедиться, что родитель снова заслуживает такого высокого звания, как отец или мать. Так ли это? Готова ли Раиса снова стать матерью для своих ребят?

В ходе предварительной подготовки было много запросов, бесед с руководителем предприятия, где работает Раиса, с председателем местного комитета, соседями, сослуживцами. Ответы радовали. Раиса стала совсем другой, исправилась. Работает хорошо, ведет себя скромно. А детей любит. Навещает их часто. Приобрела для них все необходимые вещи, игрушки.

На предприятии, где трудилась Раиса, на заседании местного комитета профсоюза и администрации распределялась жилплощадь. Вопрос сложный и пока полностью не разрешенный. Раиса работает здесь недавно, а потому очень волновалась. И, как выяснилось, волновалась не зря. Оказалось, что у других и опыта работы больше, и общественники они хорошие, и много других преимуществ. Но не знала она, что еще до этого заседания все как один ее товарищи по работе решили: Раисе в первую очередь, даже если из них кто-то не получит — подождет. Я поинтересовалась потом у них: а почему они так решили? Один из них ответил: а ей, говорят, отказывать

нельзя было, ей помогать надо было, поддержать. Ведь если не мы, то кто?..

И снова утром я спешу на работу, свернула в переулок, а возле суда опять вижу ее и троих ребят. «Вчера привезла,— говорит Раиса,— идем фотографироваться, чтобы мне на всю жизнь запомнить этот день. А к вам зашла, чтобы «спасибо» сказать, что вовремя мне подсказали, что хороших людей вокруг нас намного больше и что нам так хорошо вместе».

И ушли они. А я еще долго стояла на крылечке суда и смотрела им вслед. «Будьте счастливы»,— мысленно пожелала всем.

**ОЗИНСКИЙ РАЙОН,
САРАТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ**

**В. ГОНЧАРОВА,
народный судья**

Суд выносит частное определение...

Водитель шахты «Подозерная» производственного объединения «Челябинскуголь» Ш. Шакиров решил немного развлечься. Воспользовавшись бесконтрольностью, он вывел из гаража закрепленную за ним автомашину, по пути заехал за дружкой В. Маткиным — горнорабочим шахты «Комсомольская», и... друзья помчались в соседнюю деревеньку за вином. Прихватив там несколько бутылок, они начали пить дорогой. Пили и во время движения, прямо из горлышка, пили на коротких и длинных привалах и так упились, что перестали даже узнавать друг друга.

Когда Шакиров въехал в город, он уже не различал дороги. В попутном направлении ехал на моторном велосипеде Е. Кузнецов. Его отбросило в сторону крылом автомобиля, и это спасло ему жизнь. Затем неуправляемая машина на всем ходу врезалась в стоящий на обочине автобус. Приятели получили тяжелые травмы, а две машины были выведены из строя на длительное время.

Пьяный лихач был наказан по закону. Но кроме того, проанализировав причину этого преступления, суд вынес и направил частное определение администрации шахты. В нем указывалось на отсутствие должного порядка в гараже. Водители свободно распоряжались государственными машинами, использовали их в личных целях, выезжали на подобные увеселительные прогулки.

Администрация шахты быстро приняла меры к устранению указанных недостатков. Приговор суда был доведен до сведения всех водителей и трактористов. «Собственные» ключи от гаража у них были изъяты и переданы диспетчерам шахты. Сейчас их выдают водителям лишь по предъявлении путевого листа. Кроме того, виновные в беспорядках были наказаны в дисциплинарном порядке.

В данном случае, говоря языком юристов, частное определение работало

Или еще пример. Работница Копейского краеведческого музея М. Стебанова однажды заподозрила в нехорошем подвыпившего по-

сетителя. Развязная речь, наигранность и вместе с тем какая-то напряженная торопливость выделяли его из общей массы людей. Сразу же после того, как он покинул зал, женщина проверила экспонаты и обнаружила пропажу сабли из аносовской булатной стали. Это был дорогой подарок златоустовских рабочих шахтерскому краснознаменному Копейску в честь его сорокалетия.

М. Стебанова и экскурсовод Н. Кошкина не растерялись: срочно закрыли двери музея, вызвали милицию, а затем с помощью двух подростков остановили вора и отобрали у него экспонат.

Суд приговорил «ценителя» музейных редкостей к лишению свободы и вместе с тем вынес частное определение. В нем была отмечена бдительность и находчивость служащих музея, судьбы ходатайствовали о поощрении экскурсоводов. Вместе с тем суд предложил «обеспечить сигнализацией» наиболее ценные экспонаты.

Вскоре по частному определению был получен исчерпывающий ответ, в котором директор музея информировала о принятых для обеспечения сохранности исторических ценностей мерах.

Частное определение выносится в соответствии со статьей 321 УПК РСФСР (соответствующие статьи есть и в УПК других союзных республик) и является правовым документом, имеющим обязательную силу для любого руководителя и должностного лица, которому оно направлено. Частное определение должно вскрыть причины и условия, способствовавшие совершению преступления, указать пути устранения этих причин.

К сожалению, бывают случаи, когда частное определение остается без внимания или же в суд направляются формальные отписки.

Накануне Нового года проходчик шахты «Красная Горнячка» А. Иванов со своим другом В. Курочкиным устроили в ресторане «Север» драку. В результате Иванов был тяжело ранен, Курочкин приговорен к шести годам лишения свободы. Суд вынес частное определение и потребовал применить к инициатору драки, хоть и пострадавшему, меры общественного воздействия. Однако прошло немало времени, а суду так и не выслали ответ, хотя в адрес администрации шахты посылались напоминания.

Наказывая расхитителей социалистической собственности, суд, как правило, выносит частное определение, направленное на устранение причин, способствующих хищениям, рекомендует усилить охрану и учет материальных ценностей. К сожалению, есть еще руководители, игнорирующие эти важные рекомендации.

За игнорирование частных определений суда нерадивые руководители могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности. Народные суды о подобных случаях сообщают в исполкомы местных Советов народных депутатов и партийные органы. Советские законы обязательны для каждого, и тот, кто их игнорирует, должен нести заслуженное наказание.

Одиннадцатая пятилетка потребует от советского народа огромного напряженного труда. И очень многое будет зависеть от четкой организации работ, высокой дисциплины, строгого соблюдения закона на каждом участке трудового фронта. И конечно же, каждый случай нарушения социалистической законности необходимо будет проанализировать, обсудить и сделать все должное, чтобы он не повторился.

г. КОПЕЙСК,
ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

А. КОРЮКОВ,
народный судья

Закономерный конец

Из сейфов треста «Надымстройгаздобыча» было похищено свыше 13 тысяч рублей заработной платы, которую ожидали на трассе к Новому году. Похититель ночью проник в один из кабинетов треста, связал сторожа и вскрыл сейфы.

Из сбивчивого рассказа сторожа трудно было почерпнуть сведения о внешности преступника, выяснили только, что он был в маске. Преступник позаботился о том, чтобы не оставить после себя «визитной карточки». И все же благодаря четко организованной оперативной работе через десять дней он был обнаружен, а деньги полностью возвращены государству.

Двадцатипятилетний Камилль Насыров, шофер Надымской конторы автомобильного и водного транспорта, задумал это преступление давно, готовился к нему обстоятельно и, казалось, все учел и продумал до мелочей. О «медвежатниках», орудовавших хитроумными отмычками, ломami или другими приспособлениями, он знал из произведений детективного жанра. Но их методы проникновения в «железные ящики» сразу отверг. Решил действовать своими, особыми методами.

Орудия преступления он в разное время похитил в СУ-19 и управлении «Надымэнергогаз», привез поближе к месту будущего преступления и закопал в снег. Выждав время, когда в кассах появились деньги, Насыров осуществил свой преступный замысел.

Но, как и следовало ожидать, незаконная «операция» окончилась провалом. Насыров предстал перед судом. Что же толкнуло человека, хорошо зарабатывающего, на столь дерзкое преступление? Обратимся к протокольной записи его допроса.

— Подсудимый, скажите, для чего нужна была вам такая сумма денег?

— Хотел поехать в санаторий.

— Какую зарплату получали?

— В среднем 350 рублей, жил один, тратил на себя. Но денег не хватало.

— Обращались ли за материальной помощью к администрации, в профсоюзную организацию?

— Нет.

— Задумывались ли над тем, что придется отвечать?

— Мне было безразлично.

— Зачем тогда готовили маску, соответствующую обувь, перчатки?

— Выходит, для того, чтобы не нашли.

— Сразу ли признались в совершенном преступлении?

— Нет. На первом допросе заявлял, что был в ночь преступления в поселке Пангоды, а когда обнаружили в моей комнате деньги, заявил, что нашел их в снегу.

Да, Насыров первоначально лгал, изворачивался, изобретал алиби, а когда его опровергали, придумывал новое. И только после предъявления неопровержимых доказательств рассказал и показал, как совершал преступление. Из показаний свидетелей, изучения лич-

ности Насырова в процессе следствия вышло, что это человек, ставивший свои личные интересы выше общественных. Он добровольно вычеркнул себя из рядов комсомола. Приехав на Север, на учет не встал. Всячески устранился от общественной работы, забот и жизни коллектива. Ему было безразлично, что в причастности к преступлению будут подозревать многих людей, вызывать, допрашивать. Он и о матери, других близких ему людях не подумал. Эгонзм, отсутствие чувства долга и совести, черствость души — вот слагаемые этого преступления. Погубили его корысть, желание пожить «красиво», в этом он не знал меры.

— Насыров, сколько вы намерены были украсть?

— Тысяч пять.

— А взяли в два раза больше.

— Да. Были бы еще, тоже не отказался. Денег всегда не хватает.

Коллектив, в котором работал Насыров, дал правильную оценку его действиям. Мастер ремонтной мастерской Н. В. Косырев правильно подметил: «Преступление, совершенное Насыровым, — следствие его нравственного падения. Его убеждения — у государства безнаказанно все можно брать. Такая мораль чужда нашему обществу». На суде общественный обвинитель начальник автоколонны Шелковников сказал, что Насыров не только растоптал свое достоинство и доброе имя, но запятнал честь коллектива.

В ходе следствия и судебного заседания были установлены обстоятельства, которые в какой-то мере способствовали осуществлению преступных намерений Насырова. Так, об орудиях преступления, похищенных явно не для добрых дел, должностные лица не заявили. Находясь на дежурстве, Насыров уехал совершать преступление на машине, по возвращении никто его не спросил, почему он не был полную смену на работе. Ему даже выплатили за эту смену зарплату

В последнем слове подсудимый Насыров со слезой в голосе просил простить его, заверял, что глубоко раскаялся. Возможно, он и осознал виновность. Но не все можно простить. Слишком запоздалое раскаяние. В настороженной тишине зал выслушал приговор от имени республики. Преступник приговорен к девяти годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Таков законный финал этой преступной операции.

г. САЛЕХАРД

Н. КОСТКО,
прокурор Ямало-Ненецкого
автономного округа

ОБЗОР ПИСЕМ

«За «спасибо» — отклики на читательское письмо под таким заголовком, опубликованное в № 10 журнала за 1980 год, пришли в редакцию незамедлительно. Затронутая в нем тема борьбы с мелкими взятками, слегка завуалированными под невинные «подарки» и «благодарности», взволновала многих наших читателей. Подавляющее их большинство недвусмысленно поддержало четкую гражданскую позицию автора письма: стяжательству, взяткам не должно быть места в нашей жизни!

«Прав Л. Фульштинский, — пишет Л. Павлухина из Волгограда, — врачи и вымогатели позорят, унижают достоинство человека, выбивают своей наглостью честных людей из душевного равновесия, а из слабых духом плодят себе подобных. Недавно был со мной такой случай. В один из предпраздничных дней я, нагруженная свертками и сумками, решила поехать домой на такси. «Голосую» пять минут, десять, пятнадцать — безуспешно, все машины заняты. Но вот одна остановилась, и молоденький паренек — пассажир спросил: «Куда нужно?» К счастью, мне оказалось по дороге. Проехали с километр, парень собрался выходить и, небрежно кинув на сиденье три рубля, сказал: «Сдачи не надо!» На счетчике было что-то около полутора рублей. «Какой лихой», — подумала я про себя и тоже открыла кошелек: через три квартала мой дом. Остановились, я отдала шоферу полтинник — за сколько проехала. И что же вы думаете? Он презрительно процедил: «Я одолжение сделал, посадил ее в такой «пик», а она «мелочишкой» меня отблагодарила...» И, резко захлопнув дверцу, газанул. Меня будто водой окатили, даже заплакала от обиды. Так и домой пришла, к гостям. Праздник уже был не в праздник...»

Этот отклик — один из многих! — процитирован не случайно. В нем читательница задела сразу две стороны одного и того же явления.

...«Сдачи не надо!» Это выражение, ставшее в народе синонимом купеческой разухабистости, как нельзя лучше характеризует любите-

лей шегольнуть при случае «чаевыми». Добровольно, из желания не столько сделать добро человеку, сколько покичиться своей «щедростью и широтой натуры». Отвратительный (но, к сожалению, еще живучий) пережиток и совершенно чуждый всему нашему трудовому образу жизни. Но вот юный спутник нашей читательницы Павлухиной, возможно еще не заработавший в свои шестнадцать-семнадцать лет ни рубля, почему-то не постыдился разбрасываться родительскими (наверняка!) деньгами. Откуда у него эти замашки подгулявшего купчишки? Не от самих ли родителей, которые в порыве родительской любви сужают его своими трудовыми пятерками и десятками по первому требованию? А может, парень успел увидеть, как солидные с виду люди «благодарят», скажем, парикмахера или слесаря-сантехника бутылкой вина либо обычной грешкой, хотя последние даже и не намекали на это? Что греха таить, с такими любителями «преподношений», к сожалению, приходится пока сталкиваться довольно часто...

Но это, так сказать, одна сторона «медали». А есть и обратная и самая нетерпимая. Наши читатели, избегая слова «взятка», довольно точно называют это поборами. Речь идет о чаще прикрытом, а нередко просто открытом вымогательстве «благодарности», «вознаграждения» за то, за что и по закону и по естественным в нашей жизни нормам морали люди обычно говорят: «Спасибо!»

Л. Павлухина столкнулась с самым откровенным вымогателем. Не получив «чаевых», таксист своим хамским поведением испортил ей настроение, что, по нынешним временам, стоит порой значительно дороже денег

Еще вреднее для окружающих поведение другого водителя такси из Мичуринска, который, обнаглев окончательно, сам устанавливал таксу за проезд, вдвое-втрое превышающую действительную! Об этом нам написал читатель И. Привалов. Водитель такси, конечно, не остался безнаказанным, но только потому, что из десятка торопившихся, а то и просто равнодушных людей на стоянке оказался человек принципиальный, не прошедший мимо вопиющего беззакония. А сколько прошло: одни искали другую машину, другие из-за безвыходного положения соглашались с вымогателем и, махнув рукой, отсчитывали свои трудовые пятерки и десятки...

Вот тут-то самое время сказать и о тех, кто своей мешанской беспринципностью не только позволяет наглеть всем этим любителям получать «подарки» за выполнение служебного долга, но и поддерживает вокруг них атмосферу обычности и даже «хорошего тона».

«Пришлось мне на старости лет вставлять зубы,— пишет Н. Коваль из Киева.— Врачи попались хорошие, все сделали отменно. И вот, когда в свой последний визит к ним я сидел в очереди, одна молодящаяся особа перед тем как войти в кабинет вдруг стала укладывать в полиэтиленовую сумку коньяк, коробку конфет, две баночки икры — красной и черной. «Какое-нибудь торжество намечается?» — нектати полюбопытствовал я. «Почему? — пожала она плечами.— Ах, это,— кивнула она на сумочку,— так это презент врачам А вы, если не секрет, чем их отблагодарить решили?» И когда я сказал, что они за работу свою зарплату получают, соседка моя буквально фыркнула: «Так это ж благодарность, знак внимания, неужели непонятно?..» Трое остальных в очереди достаточно красноречивыми взглядами поддержали мою собеседницу И тут я заметил — все они держали в руках аккуратно завернутые коробки и свертки... Внутри у меня все кипело — по-ихнему оказывалось, что я жадный,

неблагодарный старик. Никогда не замечал за собой таких качеств. Сколько раз помогал товарищам в трудную минуту и словом и делом, но всегда получал взамен от души идущее «спасибо»... Вот и хочу сказать — не такие ли «внимательные» люди своими подарочками и сувенирами плодят мелких взяточников, которые свою работу, оплачиваемую государством, представляют как сверхуслугу, нуждающуюся в специальном вознаграждении?!»

С мнением Н. Ковалея трудно не согласиться, и многие наши читатели, откликнувшиеся на заметку «За «спасибо», думают именно так.

...«Ведь кое-кто,— пишет читательница Курникова из Москвы,— преподносит свой «презент» должностному лицу еще до того, как тот работник, к кому он обратился со своим делом, принял за его разрешение. Ну чем не взятка — ведь чаще всего даются-то эти коньяки, конфеты, зажигалки, чтоб «связать» человека вполне определенным, иной раз незаконным обязательством...»

Думается, ни в рассуждениях автора этого письма много верно-го. И чтобы поставить в этом вопросе все точки над «i», обратимся к закону, который, предусматривая строгое наказание за взятку, одновременно определяет и в чем она заключается. Статья 173 Уголовного кодекса РСФСР (подобные статьи есть и в УК других союзных республик) гласит: «Получение должностным лицом лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку какого-либо действия, которое должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своего служебного положения,— наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества». Еще строже за это наказываются должностные лица, занимающие ответственное положение либо уже удивившиеся за это преступление или вымогавшие взятку. Закон, таким образом, недвусмысленно признает взятку — вне зависимости от ее величины! — опасным должностным преступлением.

Примерно так же закон расценивает и поведение взяткодателя. Судебная практика показывает, что огромное большинство из них стремились с помощью своих «благодарностей» получить выгоды в обход и в нарушение закона, причем многие из взяткодателей сами были инициаторами этого преступления. Потому-то статья 174 Уголовного кодекса РСФСР и предусматривает за дачу взятки наказание от трех до пятнадцати лет лишения свободы.

Закон, таким образом, позволяет вывести на чистую воду и взяточников, взяткодателей и их пособников. Поэтому едва ли стоит терять время на банальные рассуждения о том, этично или неэтично, например, родителям подарить на 8 марта букет гвоздик учительнице своих детей, а тем более заводить спор о законности такого «преподношения». Надо отдать должное нашим читателям: подавляющее большинство авторов писем далеки от ханжеского отрицания доброй и прекрасной народной традиции дарить близким и просто уважаемым людям подарки — дорогие и недорогие! Видеть здесь что-то плохое, аморальное, а тем более незаконное — значит сознательно обеднять нашу духовную жизнь, полноту человеческих отношений!

«Целиком поддерживаю мнение автора письма «За «спасибо», — пишет Вера Николаевна С. из Свердловска. — Сама всю жизнь прожила честно, много помогала подругам — некому было больше, из-за войны осталась без семьи. Сейчас вот вышла на пенсию, живу непло-

хо, но небогато. Кое-кто мне говорит: дескать, можно бы и накопить, ведь косметологом работала. А я не жалею, что трешки да пятерки с клиенток не собирала. Зато они помнят меня, до сих пор к каждому празднику поздравления шлют, сами приходят. Недавно одна из них, которой я после тяжелой травмы привела внешность в порядок, привезла в подарок телевизор, маленький, переносной. Я, конечно, отказывалась — ведь ничем уж ей помочь не могла, — да, видно, палку перегнула — заплакала женщина: говорит, я все мозги себе сломала, чтоб приятное сделать вам, а вы обижаете... Тут я опомнилась — приняла подарок, благодарить стала. Вот так и встретились наши «спасибо»...

Теплом сердечности и чуткости веет от таких писем, авторы которых, рассказывая о благородстве и бескорыстии наших людей, вместе с тем призывают решительнее бороться как с обнаглевшими виновниками поборов, так и с их добровольными потатчиками. Вспоминается в связи с этим еще одно письмо анонимного автора (женщины), которая с нескрываемым раздражением пишет, что «разговор на эту тему бесплоден...» И как вы думаете, почему? Перечисляя довольно обширную обойму своих туалетов, производства известных зарубежных фирм, она, ничтоже сумняшеся, заявляет, что все они куплены у знакомых продавщиц с переплатой, то есть за то самое материальное вознаграждение, против которого так эмоционально выступают в № 5 журнала за этот год читатели Ф. Петренко, В. Попова и другие. «Что тут дурного, — продолжает она, — если я не только красиво хочу одеваться, но и почаще менять платья, туфли, сапоги...»

Вот так просто: хочу — и все. Судя по письму, она еще не замужем, дочь простых тружеников, работает чертежницей. Конечно, нельзя упрекать молодую женщину в желании принарядиться, но ведь все должно быть в разумных пределах. Автор письма не скрывает, что деньги на «обновление» ее обширного гардероба дают родители, отказа она не знает. А в результате родительской безотказности дочь не только растраниживает их трудовые сотни, но и, что самое главное, теряет нравственные ориентиры, становится вместе со своими «знакомыми продавщицами» соучастницей лихоимства.

Раз уж речь зашла о «благодарностях» в торговле, нельзя не отметить и тех писем, авторы которых видят причины лихоимства в недостатке некоторых модных вещей, пользующихся высоким спросом у населения. Было бы опрочетливо, что называется, прямо с порога и целиком отвергать этот довод, имеющий кое-какое косвенное касательство к сути читательского спора. Действительно, все еще встречаются некоторые трудности с приобретением ряда товаров и получением определенных услуг. Причины этих трудностей известны, и в стране сейчас предпринимаются самые активные усилия для увеличения выпуска и продажи дефицитных товаров и расширения, улучшения качества работы сферы услуг. Безусловно, все это объективно выбивает почву из-под ног проходимцев, но... В народе говорят: свинья всегда грязи найдет. Так и привыкший безнаказанно ловчить будет с изворотливостью ужа искать другие лазейки для своего темного «промысла» до тех пор, пока будут находиться «добровольцы», готовые из-за своих мещанских прихотей, чрезмерных потребностей «клонуть» на наживку взяточников, спекулянтов и прочих мздоимцев. И не просто «клонуть», но и стать, по сути дела, пособником незаконных, безнравственных делишек проходимца.

Так что связывать аморальность, беспринципность отдельных людей только, например, с нехваткой в магазинах сапог на шпильках, по меньшей мере, несерьезно... Это в корне противоречит нашему социалистическому образу жизни, проникнутому духом коллективизма и бескорыстной взаимопомощи. Именно так думает большинство наших читателей, откликнувшихся на письмо Л. Фулыштинского. Предлагая предусмотреть более четкую и строгую ответственность не только за взятку (что уже установлено законом), но и за вымогательство различных «вознаграждений» и поборов, они вместе с тем видят главное условие искоренения этого отвратительного явления в нашей общей непримиримости к мздоимцам, активной борьбе с ними. И это не только забота суда, прокуратуры, милиции, но и каждого из нас.

А. АЛЕКСАНДРОВ

СОБЕСЕДНИК

КНИЖНАЯ ХРОНИКА

В издательстве
«Юридическая литература»
вышли в свет новые книги.

СЕРИЯ «СОВЕТСКИЙ ЗАКОН И Я»

СОКОЛОВ Н. Н.,
ЧУПАЛЕНКОВ И. Г.
На чьей стороне закон.

Цена 15 коп.

Авторы рассказывают о конституционной обязанности граждан быть непримиримыми к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка. Разбирая конкретные примеры из судебной практики, они разъясняют, что такое необходимая оборона, против каких действий она допустима, какими средствами можно пресечь общественно опасное посягательство

ТЕЛЬНОВ П. Ф.
Кто отвечает за соучастие
в преступлении.

Цена 15 коп.

Используя конкретные примеры из судебной и следственной практики, автор знакомит

читателя с законодательством об ответственности за соучастие в преступлении, рассказывает о видах и формах соучастия, об основаниях и пределах ответственности каждого соучастника за совершенные им действия: организатора и исполнителя преступления, подстрекателя и пособника.

Для широкого круга читателей.

СЕРИЯ «НА СТРАЖЕ ЗАКОНА»

АЛПАТОВ И. М.,
ГОЛИКОВ Б. К.,
РЯСНЫЙ В. В.

Трудное дело.
Цена 15 коп.

На основе личного опыта авторы со знанием дела глубоко раскрывают специфику работы ведущих служб милиции — уголовного розыска, БХСС и следственных отделов.

В книге показано, что каждое раскрытое уголовное дело, меры, направленные на предупреждение хищений государственного имущества, — все это результат нелегкого труда, порой сопряженного с риском для жизни.

Для широкого круга читателей.

**НА СТРАЖЕ
БЕЗОПАСНОСТИ
ДВИЖЕНИЯ**

На дорогах Армении, как и повсюду в нашей стране, постоянно растет число автомобилей. Обеспечить четкость, надежность и безопасность дорожного движения — долг сотрудников государственной инспекции. Безупречно выполняют его лучшие работники ГАИ УВД Еревана капитан милиции Владимир Рубенович Казарян (фото вверху), старший лейтенант милиции Вардан Егорович Никогосян (справа) и лейтенант милиции Вануш Вачикевич Саркисян (слева).

Фото В. Ежова.

ПОРТРЕТ

О ЧЕРК

Возвратившись из очередной командировки, старший юрисконсульт производственного объединения Рокотов нашел на своем столе записку: «Срочно зайдите к секретарю».

Фаина Николаевна, секретарь генерального директора, увидев юриста, улыбнулась:

— Вам «везет!» Снова в поход... Распишитесь в получении этого документа. И в командировку. В Александровку...

Рокотов молча взял документы.

«Что за спешка?» — подумал он. В Александровку он планировал поездку только в следующем месяце.

Предприятия объединения были расположены в разных районах области, а по штату в объединении был только один юрист. Поэтому Рокотов сам планировал, в зависимости от наличия правовой работы, очередность командировок...

Документ, врученный секретарем, оказался жалобой, адресованной в областной совет профессиональных союзов. Секретарь областного совета профсоюзов в препроводительном письме просил генерального директора тщательно проверить жалобу и информировать о результатах проверки.

На маленьком белом листке было аккуратно написано: «Старшему юрисконсульту! Срочно выехать на место и проверить».

Рокотов стал читать жалобу, делая по привычке пометки в блокноте: какие вопросы следует изучить, проверять жалобу.

Вдруг он остановился. Уж слишком необычным показалось ему содержание. Полировщица Александровского камнеобрабатывающего завода Надежда Павловна Котова* жаловалась на то, что ее портрет незаконно сняли с заводской доски Почета.

Дочитав письмо-жалобу до конца, он внимательно рассмотрел приложенный к жалобе конверт. Письмо почему-то было брошено в областном центре.

«А писала жалобу не сама Котова», — решил старший юрисконсульт. Он вспомнил полировщицу, одну из лучших работниц объединения, передовика, ударника коммунистического труда. Фамилия ее не раз называлась среди лучших, победителей социалистического соревнования... И вот жалоба... Почему?

Часа через три Рокотов уже подходил к конторе Александровского камнеобрабатывающего завода. Прежде чем зайти в контору, юрист остановился у заводской доски Почета. Надо сказать, что доска эта была необычной... Портреты передовиков, помещенные

---

* Фамилии и место действия изменены.

на ней, не боялись ни ветра, ни влаги, ни солнца! Потому что сделаны они были на... камне!

Есть в кладовых природы особенный камень — габбро. Обладает он чудесным свойством: на его полированной поверхности руки художника-гравера с помощью тоненьких спиц с алмазными наконечниками способны выбить нестираемый портрет.

Именно такие портреты на черных плитках габбро и были вешаны на доске Почета в специальных металлических рамках-опорах. Вторая рамка в верхнем ряду была пуста...

Директора завода не было. Поговорив с заместителем о цели своей командировки, старший юристконсульт решил начать проверку жалобы в заводском комитете профсоюза. Почему там, а не с беседы с заявительницей? Рокотов не терпел в работе с заявлением, жалобой, предложением никакого шаблона. Главное, считал он, установление истины! Но одно неизменное правило соблюдалось им обязательно. «Выслушай обязательно обе стороны, а потом внимательно изучи закон», — говорил он себе. Правило это его никогда не подводило.

— Валентина Петровна, — обратился он к председателю заводского комитета профсоюза. — Во-первых, здравствуйте! Во-вторых, уделите мне немного времени. Приехал разбирать жалобу полировщицы Котовой...

— Написала все-таки, а я-то думала, поняла, — со вздохом сказала круглолицая, с аккуратной прической женщина — председатель завкома. Помолчала, по-видимому, собираясь с мыслями...

— Что я о Надежде могу сказать, — грустно начала она. — Вместе выросли. И вся жизнь ее тут, у нас на глазах проходит. Здесь родилась она, здесь подростла. В сорок восьмом в цех пришла. Сначала ученицей полировщицы была, потом полировщицей стала. Я ведь с ней раньше рядом работала. Трудиться она любит. А известно: кто труд полюбит — того и слава найдет... Так и у Котовой вышло... Сначала благодарность ей, потом грамота, премия... Стала передовиком, пятилетний план первая в цеху выполнила...

Конечно, подарили ей дарили, звание ударника коммунистического труда дали, потом портрет ее на доску Почета поместили... В президиум торжественного собрания — Котову, на слет какой или на совещание передовиков — она едет...

Только стала я замечать: подельчивость у нее стала пропадать. Как бы вам это слово лучше объяснить: близость к товарищам, к подругам исчезла... Все больше такие слова стала говорить: «мой личный план», «мои повышенные обязательства». Вот тут вскоре и случилось это... Минуточку, извините, мастер Евдокимов в библиотеку прошел, сейчас я его позову. Он вам лучше про тот случай расскажет...

Председатель завкома быстро вышла из кабинета. Рокотов понял: ей очень не хочется продолжать разговор о главном...

Валентина Петровна вернулась с высоким художавым мужчиной, на пиджаке которого было несколько рядов колодочек: лент орденов и медалей. «Орден Ленина Евдокимов получил уже после войны за работу здесь, на заводе», — вспомнил Рокотов.

Поздоровавшись с Евдокимовым, он попросил рассказать о том, что произошло в цехе с Котовой, почему сняли ее портрет с доски Почета...

— Нелегкий вопрос, — улыбнулся Евдокимов. — Но я отвечу. Сам себе его не раз задавал... Передовая полировщица. План меньше

чем на сто тридцать процентов не выполняла. Опыт у нее большой, сноровка, умение. К тому же и сметка рабочая есть. Пятилетний план досрочно выполнила, вторую пятилетку начала... Вроде все хорошо. Да стал замечать: не по той тропинке Надежда ходить стала. Привезут в цех заготовки гранитные, для полировки, Котова возле них первая. Мелок в руки и быстро выводит: «Котова, Котова...» Ее, значит, заготовка — не тронь! Почему так? Отвечу. Опытная полировщица хорошо знает, на какой заготовке и план быстрее выполнишь и заработок выше... Выгоднее, значит...

Вызвал я Котову к себе в конторку. Говорю ей: «Что это ты, Надежда Павловна, делаешь? Нехорошо. Некрасиво...» Постыдил. Как будто поняла. Не замечал я мелок у нее в руках. И заготовки стал распределять сам всем поровну. Потом перевели меня в другой цех. А вскоре случилось это чепе, чрезвычайное происшествие, значит. В общих чертах дело так было: поспорилась Котова с подружкой. Из-за заготовки. Сначала словесная была перепалка, потом и до рук маленько дошло... Правда, это я из протокола узнал, там все подробно записано. Вот и все. До свиданья, на смену пора...

— Спасибо, Петр Емельянович, за рассказ,— медленно проговорил Рокотов. Ему хотелось еще поговорить с мастером, расспросить о Котовой.

Председатель завкома объяснила старшему юриконсульту, что решение о снятии портрета Котовой с доски Почета приняло общее собрание профсоюзной организации полировочного цеха. Она положила перед Рокотовым толстую тетрадь с надписью на обложке: «Протоколы общих собраний профсоюзной организации полировочного цеха». Из протокола № 3 от 14 апреля Рокотов узнал, что произошло в полировочном цеху двенадцатого апреля во второй смене... Привезли заготовки. Мастера не было. Полировщицы стали разбирать заготовки самостоятельно. Котова первая разметила себе наиболее выгодные заготовки. Полировщица Степанкова в связи с этим сделала ей замечание. Котова стала с ней спорить. Возникла ссора, в конце которой Котова ударила Степанкову...

По просьбе рабочих через день, четырнадцатого апреля, во время пересменки было проведено общее собрание профсоюзной организации цеха. На собрании выступило девять человек. Поступок Котовой осудили все. Сама Котова от выступления отказалась...

Собрание решило: «Первое. Ходатайствовать перед администрацией завода об объявлении полировщице Котовой Н. П. выговора и снять ее портрет с доски Почета. Второе. Объявить Котовой Н. П., что она имеет возможность исправить свою ошибку и добить, чтобы ее портрет был снова на доске Почета».

«Оригинальное решение»,— невольно улыбнулся Рокотов. Сделав необходимые выписки из протокола, он пошел в полировочный цех.

В цехе, к большому удивлению юриста, ему удалось узнать многое. «Да, был такой случай. Да, голосовали — снять портрет Котовой...» И все! Почти ничего не дала и беседа с мастером цеха Ильиной, молоденькой девушкой, год назад окончившей техникум.

— Не успеваю я все делать,— виноватым голосом сказала она.— Вот женщины сами и делят заготовки.

— И сейчас делят? — удивился Рокотов.

— Как когда,— неопределенно ответила девушка.

Старший юриконсульт уже отошел метров двадцать от ворот цеха, когда его окликнули.

— Хочу с вами, товарищ юрист, поговорить с глазу на глаз,— сказала, подходя к нему, пожилая работница.— Сначала о нас, полировщицах. Почему молчали, когда речь о Котовой шла? Потому что и мы виноваты. Сначала сами говорили ей: «Жми, Надя, выполняй досрочно пятилетку!» Приятно подругу видеть в президиуме. Районная газета о ней писала. Передовик. Ударница. Маяк. Да стал тот маяк в одну только сторону светить: для себя, значит. А дальше сами знаете, что вышло. Вот и напомнили мы, рабочие, что маяк во все стороны светить должен. Не поняла нас Котова, обиделась. Говорить ни с кем не хочет. А нам тоже нелегко: сколько лет подругами были... Вы бы ей, товарищ юрист, разъяснили, зря она на нас обижается. Поговорите с ней,— попросила, прощаясь, работница.

Котова в этот день работала во вторую смену. И Рокотов решил зайти к ней домой. Поселок был рядом с заводом. Юрист быстро нашел нужный дом.

— Хозяйка дома? — крикнул Рокотов, открывая калитку.

— Дома, дома. Вас ожидаю. У нас в поселке беспроволочный телеграф хорошо работает. Вы только надумали к нам идти, а я уже знала. Проходите, в доме никого нет, все по своим делам разошлись,— сказала Котова, пропуская его в дом.

Высокого роста, с сильными загорелыми руками и аккуратной прической, она выглядела очень молодо.

Когда они присели за стол, Рокотов вынул из портфеля бумаги и сказал:

— Вот ваша жалоба в областной совет профессиональных союзов. Мне поручено ее проверить. Расскажите, пожалуйста, все, что относится к этому вопросу...

— А что рассказывать? И так все ясно — начальство приехали защищать! Так у него защитников хватает. А я рабочий человек. Записывайте факты! Пятилетний план я уже сделала. Раньше всех. Выработка в цеху самая высокая у меня. Тоже факт. И портрет с доски Почета сняли мой. Все!

«Я, мой, меня», — машинально отметил про себя юрист. А вслух сказал:

— Это все я уже знаю. Расскажите лучше вот о чем: была ли ссора в цехе и... ударили вы первая полировщицу Степанкову?

— Что было, то было. Вывела она меня из себя. Думаете, она себе никогда не размечала заготовки повыгоднее? Да и с другими бывало это... А виноватая одна я оказалась.

От Котовой старший юриконсульт уходил со сложным чувством: неудовлетворения и смущения: может быть, действительно администрация поступила не совсем справедливо, применив к Котовой такое наказание?

Но другой голос тут же отвечал: «Ты же юрист и обязан прежде всего давать юридическую оценку поведению Котовой. А здесь, как ни рассматривай, все на хулиганство похоже. А моральная сторона дела? Разве можно забыть слова: маяк должен светить всем! Светить ярким пламенем честности, справедливости... Нет, с мо-

ральной точки зрения оправдания поведению Котовой нет. Теперь надо внимательно разобраться в юридической стороне дела». Ее-то Рокотов пока почти не изучал.

В конторе завода старший юрисконсульт попросил показать ему книгу приказов по заводу. Пятнадцатого апреля, на следующий день после проведения профсоюзного собрания в полировочном цеху, директор завода Булков подписал приказ «О нарушении трудовой дисциплины в полировочном цеху и наказании виновных». В приказе было сказано: «За нарушение правил внутреннего трудового распорядка и учитывая ходатайство профсоюзной организации полировочного цеха снять с доски Почета завода портрет полировщицы Котовой Н. П. и объявить ей выговор».

«Поспешил директор с этим приказом,— в сердцах подумал Рокотов.— Ну что стоило поднять телефонную трубку и посоветоваться с руководящими работниками объединения, проконсультироваться у юриста...»

Рокотов еще раз внимательно перечитал приказ. «С точки зрения юридической,— решил он,— здесь не все в порядке».

В отделе труда и заработной платы завода он нашел принятое несколько лет назад Положение о доске Почета завода. В нем было сказано, что занесение на доску Почета производится администрацией завода совместно с заводским комитетом профсоюза.

«Записано в Положении правильно,— отметил юрист.— Так требует пункт двадцать первый Типовых правил внутреннего трудового распорядка. Но возникает другой вопрос: почему же вопрос о снятии портрета с доски Почета администрацией решается уже не совместно с заводским комитетом профсоюза, а только с учетом ходатайства профсоюзной организации полировочного цеха. С точки зрения социалистической законности это неверно, а, следовательно, и приказ от пятнадцатого апреля следует признать незаконным. Не ускользнули от юриста и другие нарушения трудового законодательства. Статья сто тридцать шестая Кодекса законов о труде РСФСР требует, чтобы до наложения дисциплинарного взыскания от работника были истребованы объяснения. Правда, в статье не указано, в какой форме нарушитель трудовой дисциплины должен давать объяснения: устной или письменной. В отделе кадров завода сведений о получении от Котовой Н. П. объяснения по ссоре в цеху не было. Рокотову полировщица сказала, что до наложения на нее взыскания никто из администрации завода с ней о ее проступке не беседовал... И еще одно нарушение трудового законодательства было допущено администрацией: не выполнено требование пункта тридцать первого Типовых и заводских правил внутреннего трудового распорядка: об объявлении дисциплинарного взыскания Котовой не было объявлено под расписку в трехдневный срок со дня издания приказа».

На всякий случай Рокотов еще раз переспросил начальника отдела кадров: не отказалась ли Котова от росписи за ознакомление с приказом о наложении на нее взыскания? Тот подтвердил: приказ Котовой не показывали. Просто сняли портрет — и все...

— Вот он здесь, в кабинете у меня стоит. Не знаю, что с ним делать.

И он показал на аккуратно обернутый белой бумагой пакет на шкафу.

— Пусть стоит здесь. Там будет видно,— уверенно сказал Рокотов, припоминая второй пункт решения профсоюзного собрания цеха.

Постепенно все клеточки кроссворда, составленного жизнью, а конкретно — жалобой Котовой, оказались заполненными. Пора было переходить к выводам. Но Рокотов медлил: ему хотелось встретиться с директором завода. Оставался невыясненным очень важный вопрос: почему Котова до сих пор числится в списках ударников коммунистического труда?..

Начальник отдела кадров в ответ на этот вопрос только неопределенно пожал плечами:

— Мы об этом просто не подумали...

Директор завода приехал лишь к концу дня. Зайдя к нему, Рокотов поздоровался и попросил уделить ему несколько минут.

Не пригласив юриста сесть, Булков раздраженно сказал:

— Вы что тут без меня лазите по заводу? Людей допрашиваете... А кто вам разрешил читать приказы, протоколы? Я уже наказал тех, кто дал вам эти документы.

Рокотов наклонился, поднял с пола портфель.

— Как директор завода, входящего в объединение, вы обязаны знать, что старший юрисконсульт объединения, в соответствии с должностной инструкцией, имеет право осуществлять контроль за соответствием действующему законодательству нормативных документов, изданных на предприятиях объединения. В том числе и на вашем заводе... До свидания.

— Мне ваши советы не нужны,— выходя из кабинета, услышал он голос директора.

И все-таки некоторые советы юриста директору пришлось выслушать. Правда, в другом кабинете — генерального директора объединения.

Старший юрисконсульт кратко изложил результаты проверки жалобы полировщицы Котовой. Выводы, сделанные юристом, были таковы: проступок, совершенный Котовой, несовместим с тем, чтобы ее портрет находился на заводской доске Почета. Однако решение о снятии портрета принято с нарушением действующего законодательства. Поэтому он предлагает немедленно предложить директору Александровского завода приказ о наложении на полировщицу Котову дисциплинарного взыскания и снятии ее портрета с доски Почета отменить как противоречащий трудовому законодательству, и в частности Положению о доске Почета. Решение профсоюзного собрания полировочного цеха, на котором разбиралось поведение Котовой, должно быть передано в заводской комитет профсоюза. И вот если заводской комитет профсоюза придет к выводу, что портрет Котовой не может оставаться на доске Почета, то администрация завода и заводской комитет профсоюза должны принять по этому вопросу совместное решение. Решение должно быть объявлено приказом директора завода. Что касается выговора, объявленного Котовой этим же приказом, то его также следует считать объявленным с нарушением действующего законодательства: без получения объяснений Котовой и без учета того, что действия Котовой, за которые она наказана в дисциплинарном порядке,

не входят в понятие нарушения трудовой дисциплины, которое характеризуется как «неисполнение или ненадлежащее исполнение по вине работника возложенных на него должностных обязанностей».

Старший юристконсульт подчеркнул, что проверка жалобы выявила, что на заводе имеются серьезные недостатки в организации социалистического соревнования и рабочего процесса. Отсутствует Положение о порядке присвоения звания «Ударник коммунистического труда». В результате этого Котова до сих пор числится в числе ударников, хотя морального права на это она, безусловно, не имеет. Напомнил Рокотов и то, что косвенной причиной инцидента явилось отсутствие порядка в распределении заготовок в полировочном цехе. В заключение юрист добавил:

— Объективности ради следует сказать, что производственные показатели у Котовой выше, чем у других рабочих цеха. Высокие проценты, высокий заработок заслонили от нее весь коллектив. Администрация завода, профсоюзная организация завода, всячески поддерживая Котову как маяк, забыли, что на нее должны равняться другие, брать пример...

Генеральный директор объединения предложения старшего юристконсульта поддержал.

Через два дня в производственное объединение поступила информация от директора Александровского завода.

Он сообщал, что заводской комитет профсоюза, получив и рассмотрев решение профсоюзного собрания полировочного цеха от четырнадцатого апреля, решил обратиться к администрации завода с предложением о принятии совместного решения по проступку полировщицы Котовой. Совместным решением портрет Котовой с заводской доски Почета снят. Котова выведена из числа ударников коммунистического труда. На заводе разработано «Положение об ударнике коммунистического труда». К информации была приложена копия приказа об отмене приказа, которым на Котову накладывалось дисциплинарное взыскание...

«Теперь можно подготовить ответ на жалобу Котовой», — решил Рокотов, принимаясь за проект письма в областной совет профессиональных союзов.

Подписывая ответ на жалобу, генеральный директор, улыбаясь, спросил у юриста:

— Так как будем считать: подтвердилась жалоба или нет?

— Трудный вопрос! — ответил старший юристконсульт. — С точки зрения, как говорят, буквы закона — да! А по-человечески — нет! Но юридический урок получили хороший и мы, и Котова...

Спустя несколько месяцев в коридоре объединения Рокотов встретил Валентину Петровну — председателя завкома из Александровки.

— Как Котова поживает? Выводы сделала из истории с портретом?

— Сделала, и правильные... Трудится хорошо, наставницей стала. А портрет пока в отделе кадров. Подождем немного...

КНИЖНАЯ ХРОНИКА

**В Профиздате
вышли в свет
новые книги.**

ВОРОЖЕЙКИН И. Е.
Эстафета трудовой доблести.

Беседы
о социалистическом
соревновании.
Цена 35 коп.

В популярной форме рассказывается об истории и организации социалистического соревнования в СССР, истоках и основных этапах его развития, последовательной смене и преемственности его массовых форм.

**Главное —
конечный результат.**

Соревнование на основе
договоров содружества.
(Библиотечка
профсоюзного активиста).
Цена 30 коп.

В одиннадцатой пятилетке большое внимание будет обращено на повышение качества сельскохозяйственной продукции, улучшение ее переработки, совершенствование управления продовольственным комплексом страны. Осуществлению этой задачи способствует получившее широкое распространение в десятой пятилетке соревнование тружеников села и коллективов перерабатывающих отраслей промышленности по методу ямпольских свекловодов. В брошюре рассказывается о передовых починах свекловодов, льноводов, хлопкоробов, животноводов, овощеводов и работников перерабатывающей промышленности, торговли, транспорта, организовавших соревнование на основе договоров трудового содружества, за выход конечной продукции и повышение ее качества, об участии в этом профсоюзных организаций.

ДЕМИН И. П.
Ударный труд на благо Родины.
(Библиотечка
профсоюзного активиста).
Цена 10 коп.

Знатный строитель, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии

СССР рассказывает об опыте своей бригады. Показывается, как четкая организация труда, внедрение бригадного подряда, высокая производственная и трудовая дисциплина помогают коллективу успешно выполнить высокие социалистические обязательства.

ДИКАРЕВ П. Е.
**Коммунистическому
воспитанию —
повседневное внимание.**
(Библиотечка
профсоюзного активиста).
Цена 10 коп.

Первый секретарь Ждановского райкома КПСС г. Москвы рассказывает о том, как, воплотив решения партии и ее Центрального Комитета, партийные, профсоюзные и комсомольские организации района добиваются повышения эффективности воспитательной работы на предприятиях и по месту жительства трудящихся.

М Е Т Е Л К И Н Ю. А.
**Кадровые рабочие —
молодежи.**
(Библиотечка
профсоюзного активиста).
Цена 10 коп.

Герой Социалистического Труда, бригадир фрезеровщиков Ленинградского оптико-механического объединения имени В. И. Ленина рассказывает о шефстве своей бригады над учебной группой базового ПТУ, о работе других новаторов-наставников на ЛОМО.

Опыт работы ленинградских новаторов с юной сменой будет полезен активистам ВОИР, работникам изобретательских служб, профсоюзам предприятий и профессионально-технических училищ.

**Социалистическое
соревнование на селе.**
(Библиотечка
сельского
профсоюзного активиста).
Цена 25 коп.

В сборнике помещены статьи об организации социалистического соревнования на селе, о борьбе сельских тружеников за дальнейшее повышение эффективности сельскохозяйственного производства.

В кабинете главного инженера строительного управления Ивана Ильича Заморина довелось мне недавно стать свидетелем жаркой перепалки, разгоревшейся между хозяином кабинета и главбухом, женщиной, судя по всему, энергичной и требовательной.

— Когда наконец прекратится это безобразие? — возмущалась главный бухгалтер.

— О том надо вас спросить, — невозмутимо парировал Иван Ильич. И, видимо, больше для меня, чем для бухгалтера, объяснил: — Инженерные службы следят за тем, чтобы списание материалов происходило строго по нормам и точно стыковалось с объемами выполненных работ. А выводить остатки, — Заморин сделал паузу, желая подчеркнуть значение этих слов, — это уже забота работников бухгалтерии.

Однако главбух вовсе не собиралась соглашаться с таким выводом. Напротив, по ее мнению, вся вина за случившееся ложилась на работников, подчиненных Ивану Ильичу. Накал беседы двух работников СУ с каждой минутой нарастал. Я поспешил выйти в коридор, решив, что третий в такого рода столкновениях — всегда лишний.

На лестничной клетке столкнулся со знакомым прорабом. Он шел к Заморину. Был конец месяца. Процентки, наряды, материальные отчеты, разного рода справки, докладные и объяснительные записки — настоящая бумажная карусель кружится в эти дни в стенах любой строительной организации. Нужно успеть сочинить, подсчитать, подписать, заверить, состыковать, уточнить, вывести остатки, составить, утрясти, пробить, уговорить, уломать... Словом, хлопот полон рот.

— Как дела? — спросил я у прораба, замешкавшегося перед кабинетом Заморина.

— А-а-а, — недовольно протянул он в ответ. — О чем говорить. На недоделках сижу. Чужие дыры латаю. Два дома сдали в прош-

лом квартале. А там еще работы хоть пруд пруди! Месяц кончился, а у меня выполнение плана — сорок процентов. Выработка по производительности труда копеечная. А зарплату бери вон откуда...— он показал рукой на потолок.— Как хочешь, так и крутись. Опять же материалы,— мой собеседник с отвращением бросил в урну недокуренную сигарету.— Со склада беру и плитку, и линолеум, и краску. Исправлять чужой брак надо. А куда я все это потом списывать стану? Мои объекты сданы в эксплуатацию. Формально дел на них никаких не осталось. Следовательно, если по закону, то никаких материалов тратить здесь не полагается. Но я-то трачу! Вот и пришел к главному, пусть ищет, куда мои затраты «спрятать».

— Как ищет? — удивился я.

— Очень просто! — пояснил прораб.— Мы же не на двух объектах работы ведем, а на двадцати двух! Среди них непременно есть такие, где проект и смета по чьему-то приказу переделываются. Вот на эти дома мои материалы и отнесут. Засчитают их в дополнительную смету так, словно они были пущены не на ликвидацию брака, а на новое строительство. Все получится тип-топ. Заказчик допсмету подпишет. Стройбанк поломается малость, но оплатит. Дело проверенное. Не помню случая, чтобы материалы, израсходованные незаконно, не оказались в конце концов, списанными...

Рассказ строителя заставил меня по-новому взглянуть на спор Ивана Ильича с главным бухгалтером. Я знал, что вспыхнул он не на пустом месте. На днях в управлении прошла инвентаризация. Ежегодная проверка, проводимая работниками бухгалтерии на всех объектах, установила, что у одного из мастеров на приобъектном складе отсутствуют отделочные материалы, суммарная стоимость которых составляет несколько тысяч рублей. Возник вопрос: как же это могло случиться? И главное: кто виноват? Острота проблемы объясняется еще и тем, что по идее таких ситуаций на стройке, вроде бы, не должно быть вообще. Судите сами. По существующим правилам, прежде чем приступать к отделке, прораб по чертежам проекта и смете подсчитывает объемы предстоящих работ, и, пользуясь установленными нормами, определяет количество материалов, необходимое для их выполнения. Согласно этим расчетам, пишется заявка на получение линолеума, паркета, краски, обоев, которые затем завозятся на так называемый приобъектный склад. Отсюда прораб или мастер выдает их бригаде.

По мере выполнения тех или иных отделочных операций паркет и обои списываются как пущенные в производство. Все документы на получение материалов и их списание строго контролируются инженерами производственно-технического отдела по тем же чертежам и смете, затем проверяются бухгалтерами управления. Казалось бы, в этой действующей на стройке схеме продумано все до мельчайших подробностей. Любые случайности исключены. Спрашивается: откуда же взялась недостача?

Если списаны обои точно по норме, а списаны в полном соответствии с актом на выполненные работы, то и в документах, и фактически на складе должен быть полный ажур. Однако же материалы, особенно дефицитные, со стройки исчезают. И речь идет не о каких-то там копейках, а о тысячах рублей. Как и откуда такое возникает?

Среди основных причин неразберихи в получении и списании дефицитных отделочных материалов сами строители называют бесконечные недоделки-переделки, производимые на объекте то ли

из-за ошибок в проекте, то ли по требованию заказчика, то ли по такой «объективной» причине, как исправление брака, допущенного во время монтажа и отделки. Именно в тот момент, когда произносятся слова о необходимости переделок, рождается на стройке бесконтрольность в учете и хранении паркета и плитки. В самом деле, по каким чертежам и смете рассчитал потребность в материалах прораб, встреченный мною возле кабинета Заморина? Ведь дома, на которых он работал, по закону значились введенными в строй, а их смета — давно исчерпанной. По каким нормам он будет списывать использованные обои и краску? Тайна сия велика есть!

...В тот день мне удалось остаться с Замориным наедине только под вечер. Конечно же, я спросил его о судьбе мастера, допустившего перерасход материалов.

— Уволим,— спокойно, как о деле окончательно решенном, заявил Иван Ильич.

— И только? — удивился я.— Но ведь это практически пахнет уголовным делом. Строительные материалы расхищаются, уничтожаются, пускаются в брак, а спросить по всей строгости закона, выходит, не с кого. За все платит государство. Сколь же может продолжаться подобное безобразия?

— И-и-и! — безнадежно махнул рукой главный инженер СУ.— Пробовали мы у себя навести порядок. Только пока без особого успеха.

— Но почему? — не сдавался я.

— Причин много. Знаешь ли ты, например, что нам в целях экономии лимитированных ассигнований не положена должность сторожа? Те люди, которых мы, вопреки закону, все-таки берем на эту работу, числятся у нас или подсобниками, или штукатурами первого разряда.

— Так это же тоже незаконно! — заметил я.

— Не в этом суть,— отмахнулся главный инженер.— Понимаешь, со штукатуром, коим числится у нас сторож, я могу спросить лишь за то, как он штукатурит. А сохранность материалов, лежащих на складе, его не касается. Обратись я в суд, окажется, что за их исчезновение такой «охранник» не несет ни малейшей ответственности: ведь по документам он штукатур.

— Отвечать будешь ты,— уточнил я,— за то, что заставил штукатуру выполнять обязанности сторожа.

— Правильно! — воскликнул Заморин.— Но все-таки мы нанимаем, на свой страх и риск, таких сторожей. И делаем это лишь потому, что больно видеть, как расхищаются со строек совершенно безнадзорные ценности. А тут хоть и плохонький, да все же караул!

— Обратитесь к вневедомственной охране,— двинул я в бой свой главный аргумент.— Можно передать объект ей под надзор!

— Эк, куда хватил! — главный инженер, с насмешливым видом уставился на меня.— Да знаешь ли ты,— проговорил он, заметно возбуждаясь,— сколько нужно выполнить предварительных требований, прежде чем сдать строящийся объект под опеку этой организации? Замучаешься, а все равно со всеми ее условиями не справишься. Ну, а коли хоть одно из требований, поставленных вневедомственной охраной, останется тобою не выполненным, претензии

предъявлять ей не могли! Отмахнутся — «сам виноват!» Так посудите: есть ли толк в подобных сторожах?

— Тогда по случаям хищений надо обращаться в милицию! — не давался я.

Заморин в ответ лишь грустно покачал головой.

— Если на объекте не было законного сторожа, — принялся перечислять он, — если склад не передавался охране по всем правилам — значит, нет никакой возможности установить, были ли материалы украдены со склада, или их «взял» мастер. Во всяком случае, возбудить уголовное дело по такому поводу очень нелегко.

Надо признать, что для такого безнадёжного вывода у моего собеседника были некоторые основания.

В январе 1980 года корреспондент «Строительной газеты» потратил несколько дней на то, чтобы найти хотя бы в одном из народных судов Москвы дело по обвинению в хищении строительных материалов с объектов. В половине из потревоженных им органов правосудия таких процессов в течение года не проходило. В остальных подобные дела разбирались. Но, как правило, это были мелкие кражи. А ведь расхищается со строительных площадок и новостроек ежегодно на тысячи и тысячи рублей разных материальных ценностей.

— Знаешь что, — сказал мне напоследок Иван Ильич Заморин, — напрасно ты взялся за эту тему. Потому что, какую охрану ни заводи, какую систему норм ни придумывай, какой контроль ни организовывай, материалы с объектов будут исчезать.

— ?..

— Ведь есть спрос, — с ударением пояснил главный инженер СУ, — отсюда и предложение!

Конечно, с подобным утверждением можно и даже должно спорить. Однако нельзя при этом упускать из вида и другое: если обой воруют, значит, на них действительно есть спрос, который диктует предложение. Тут, как это ни горько признавать, мой собеседник во многом прав. Но откуда он взялся, этот спрос?.. Так мимолетная реплика, брошенная в разговоре строителем, как бы открыла другую сторону проблемы, подсказала новый путь поисков. Если причина, рождающая спрос, — плохая, нередко просто халтурная работа отделочников, то что же требуется для ее устранения?

Ответ на этот вопрос есть необходимость поискать именно сегодня, когда вся наша страна трудится над осуществлением решений XXVI съезда КПСС, в которых большое внимание уделено дальнейшему росту благосостояния советских людей.

Из года в год растет наш материальный достаток, меняются наши запросы. Если в первые послевоенные годы мы были рады любой крыше над головой, то теперь хотим, чтобы наше жилище все полнее соответствовало индивидуальному вкусу каждого, было красиво отделано, удобно распланировано, комфортабельно оборудовано. Для этого в нашем социалистическом обществе созданы все реальные предпосылки. На январь 1980 года только в городах у нас насчитывалось более двух миллиардов квадратных метров общей площади. Это в двенадцать раз больше того, что имела царская Россия на конец 1913-го. А ведь за прошедший срок на значительной территории страны отгремели три разрушительные войны —

первая мировая, гражданская и Великая Отечественная. Однако уже сегодня около 80 процентов городского населения живет в отдельных квартирах. В 1981 году средняя обеспеченность одного городского жителя составит 13 квадратных метров при постоянном улучшении качества квартир, архитектурного облика домов.

Показателен пример московской Олимпиады. Среди семидесяти с лишним объектов, подготовленных столичными строителями к этому незабываемому празднику спорта и дружбы, совершенно особое место заняла Олимпийская деревня. В первые же дни пребывания в ней зарубежных гостей книга отзывов была буквально переполнена восторженными записями иностранных спортсменов. А между тем восемнадцать нарядных домов-красавцев — типовые здания. Ключи от удобных комфортабельных квартир, аналогичных тем, в которых жили участники Олимпийских игр, получает сегодня в Москве каждый второй новосел.

Слагаемыми успеха тут надо назвать хороший типовой проект, высокий класс конструкций, оборудования и, наконец, безукоризненно, на «отлично» выполненные строительно-монтажные и другие работы. Но не будем забывать и о финансовой стороне вопроса.

Давайте посчитаем. Квартирная плата носит у нас, можно сказать, символический характер. Она остается в СССР неизменной с 1928 года и не превышает по размеру в среднем трех процентов дохода семьи рабочего. Таким образом, жилье достается каждому из нас практически бесплатно. Но ведь то, что нам дается почти даром, государству обходится в копеечку. Скажем, в 1965 году стоимость квадратного метра общей площади равнялась 119 рублям. В 1978-м она достигла уже 168 рублей. Показательно и другое. С каждым годом мы используем в строительстве все больше железобетона. Домá из него обходятся дешевле, чем из кирпича. И все-таки, несмотря на это, только за три года десятой пятилетки (1976—1978) стоимость квадратного метра увеличилась в среднем на 11 рублей. За прошедшее пятилетие построены жилые дома общей площадью 530 миллионов квадратных метров. Улучшены жилищные условия более чем пятидесяти миллионам человек. Признано необходимым сохранить взятые темпы жилищного строительства и в одиннадцатой пятилетке, в том числе и на селе, обратив особое внимание на качество.

Перспектива намечена четко. При этом особо подчеркнута: повышение качества жилья — неотъемлемая обязанность строителей. Особо остановиться на этом необходимо еще и потому, что в последнее время перед новоселом встала проблема «аранжировки» внутреннего убранства квартиры по своему вкусу и по материальным возможностям. Между тем в торговле отсутствуют самые ходовые отделочные материалы. Как явствует из сообщения в печати, сделанного заместителем начальника Главкультабторга Министерства торговли СССР В. Гудиным, потребность рынка в обоях на 1980 год была обеспечена лишь на 70 процентов.

— А у нас, — замечает по этому поводу инженер С. Акишин из города Волжский Волгоградской области, — бывает, что и мела, и извести днем с огнем не сыщешь. Белим потолок... зубным порошком.

Инженер предлагает наладить производство и продажу «комплектов материалов для ремонта». Скажем, у вас двухкомнатная квартира. Перед ее ремонтом вы идете в магазин и покупаете там в комплекте все необходимое для предстоящего ее обновления.

— Согласитесь,— замечает С. Акишин,— моя мечта не настолько фантастична, чтобы относить ее в далекое будущее. Она вполне реальна, осуществима сегодня, сейчас.

С таким утверждением трудно не согласиться.

Вообще предложений, связанных с желанием избавить квартиросъемщика от необходимости искать на стороне нужные ему материалы, высказывается довольно много. Вот лишь некоторые из них.

В городе Балаково Саратовской области одно время довольно серьезно обсуждалась идея создания специализированного магазина, условно названного «Дом новосела». Суть замысла такова. Получив ордер на вселение в доме, еще не отделанном строителями, будущий жилец отправляется в магазин, где с помощью специалистов по интерьеру выбирает себе мебель, цвет обоев, заказывает кухонное оборудование, линолеум для пола и так далее. Лишь после этого квартира, оформленная в полном соответствии с индивидуальным вкусом жильца, сдается ему в наем. Самостоятельный ремонт, а с ним и варварское уничтожение обоев, сдираемых сегодня со стен новой, зачастую только что полученной квартиры, таким образом, начисто исключается. В результате выигрывают обе стороны — и квартиросъемщик и государство. При этом сумма экономии получается немалая. Скажем, обои, по имеющимся статистическим данным, переклеивают 73 процента новоселов. Стоимость сорванных обоев ежегодно составляет почти тридцать миллионов рублей. А вынутые из дверей на свалку замки обходятся в десять миллионов рублей. Короче, остается лишь сожалеть, что до сих пор в Балакове «Дома новосела» все еще нет. И начнет ли он там действовать в ближайшие годы, пока неизвестно.

Правда, творческая мысль не стоит на месте. Недавно появилось сообщение об эксперименте, который специалисты по проектированию жилища наметили провести в Горьком. Ими внесено

Они живут в Олимпийской деревне.

Фото А. Князева.

предложение об организации здесь хозрасчетной экспериментальной фирмы по полному оборудованию и отделке квартир.

Создание всякого рода служб, облегчающих квартиросъемщику оборудование жилища, можно только приветствовать. Их успешное функционирование поможет, несомненно, снизить искусственно возникающий спрос на строительные отделочные материалы. Однако необходимо сказать, что деятельность хозрасчетных фирм, предлагающих свои услуги жильцу, ни в коей мере не должна сниматься с официального подрядчика ответственности за добротность отделки и надежность инженерного оборудования в каждой без исключения квартире.

Следовательно, отдавая должное инициативе по улучшению обслуживания новосела, мы, тем не менее, должны признать, что главная задача состоит как раз в том, чтобы заставить строителей в соответствии с законом обеспечить тот уровень благоустройства и качества, который заложен в проект и смету жилого дома.

А что происходит порой в действительности?

— Я шестнадцать лет работаю маляром,— поделился своими заботами житель Кировабада Ф. Ходжаев,— и хорошо знаком со всеми недугами нашего строительного производства. Но, честно говоря, только переступив порог своей комнаты, узнал, какими неприятностями оборачиваются они для новосела.

Да, истинную значимость проблемы недоделок можно до конца осознать, лишь столкнувшись с ними лицом к лицу.

— Несколько раз,— продолжает Ходжаев,— я собирался приступить к ремонту, но когда начинаю прикидывать, с какого конца взяться за дело, руки опускаются.

Знаменательное признание. Оно, мне думается, проливает дополнительный свет и на вопрос о загадочной неистребимости недоделок, и на проблему хранения и учета материальных ценностей на стройках. Создается впечатление, что все негативные явления, которые здесь пока наблюдаются,— лишь следствие явной незаконной попытки взвалить на квартиросъемщика расходы, связанные с доводкой жилого дома до требуемой кондиции.

Что же помогает строителям уйти от ответственности за качество своих работ? Какая волшебная палочка-выручалочка позволяет им благополучно сбыть с рук недоделанное строение? Имя ей — гарантийные обязательства. Что это такое? Есть ли у таких обязательств хоть малейшее законное основание для существования?

— Кто и когда,— спрашивает архитектор С. Буйнов,— установил порядок сдачи строительных объектов с помощью гарантийных писем? — И сам же отвечает: — Официально — никто! Больше того, постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 мая 1969 года № 392 и постановление Совета Министров СССР от 13 июля 1970 года № 538 запрещают сдачу в эксплуатацию жилых домов и гражданских зданий, если по ним не закончены полностью все работы, предусмотренные проектом и сметой.

Таково требование закона. К сожалению, оно слишком часто нарушается строителями.

— Возникла эта порочная практика,— поясняет С. Буйнов,— не без взаимной заинтересованности в ней и подрядчиков, и заказчиков: строителям нужно любыми путями выполнить план, а управле-

ниям капитального строительства (УКСам) горисполкомов — не потерять планируемое на год количество жилья.

Могут возразить, сказав, что приемку готовых зданий кроме заказчика осуществляют еще представители ряда солидных учреждений. Неужели и они заинтересованы в том, чтобы сбыть потребителю бракованное изделие? Что ж, давайте выслушаем тех, кому законом дано право поставить свою подпись в акте о сдаче объекта в эксплуатацию.

— К замечаниям авторского надзора, — свидетельствуют проектировщики — главный инженер института Иркутскгражданпроект В. Бух и начальник 5-й мастерской института И. Котков, — указывающим на крупные конструктивные нарушения, строители, как правило, прислушиваются. Но когда речь заходит о «мелочах» — недоброкачественной обработке стыков панелей, балконных ограждений, дверей, полов, то есть о дефектах, создающих неудобства для жильцов, — эти замечания они считают придирками. И не торопятся исправлять дефекты.

Понять поведение подрядчика нетрудно. Плохо установленная железобетонная конструкция может привести к аварии, за которую судят. А вот небрежно вставленная в проем дверь ничем строителю не грозит. Но почему? Разве государственные интересы страдают от брака, допущенного строителями, в меньшей степени, чем карман новосела?..

Даю справку. Ученые подсчитали: на исправление дефектов в строительстве расходуется два с половиной процента стоимости строительно-монтажных работ. Еще до пяти процентов уходит на преждевременный ремонт новых жилых домов. В сумме примерно семь с половиной процентов. Это же сотни миллионов рублей!

Но вернемся к свидетельствам очевидцев событий.

— Призывы к повышению требовательности государственной приемочной комиссии, — считают начальник Госстройинспекции Госстроя БССР А. Лахтанов и ведущий инженер Ф. Бобинский, — повышают в воздухе, поскольку многие ее члены прямо заинтересованы в том, чтобы отчитаться за ввод, создать видимость хорошей работы.

— Другие, — тонко подмечают белорусские специалисты, — не будучи обременены какой-либо ответственностью за подписание акта и занимая в силу своего служебного положения нейтральную позицию, не могут устоять против дружного натиска лиц, заинтересованных в том, чтобы побыстрее «прокрутить» процедуру сдачи объекта.

— Почему, — недоумевает Ф. Бобинский, — за включение в отчетность объекта, не оформленного актом, установлена уголовная ответственность заказчика и подрядчика, но если тот же самый незавершенный объект прикрыть актом, то комиссия ответственности не несет?..

Да, недостатки в работе правового механизма, призванного следить за неукоснительным выполнением всеми участниками строительного производства своих обязанностей, как говорится, видны невооруженным глазом. Их наличие не может не влиять, в свою очередь, и на четкость отношений хозяйственных, экономических. Вот какими наблюдениями на этот счет поделился инженер-строитель В. Черняков.

— В настоящее время,— говорит он,— заказчик не заинтересован удерживать с подрядчика стоимость работ, выполненных с браком. Почему это происходит? Оказывается, дело в том, что при расчетах сразу за законченный объект или этап работ средства целиком переходят от заказчика на счет подрядчика. Вычесть из них стоимость недоброкачественно сделанных работ заказчик не в состоянии. Отсюда его противозаконная тактика при сдаче дома в эксплуатацию.

Главное для заказчика сегодня — не портить отношения с подрядчиком, который, получив деньги за испорченный дом, дает все же обещание в будущем его исправить. В результате такой полюбившейся, но противоправной договоренности сторон, именуемой гарантийными обязательствами, остается надежда довести жилье до кондиции. Но эта надежда исчезнет, как только брак будет в соответствии с законом зафиксирован приемочной комиссией. В этом случае Стройбанк снимет с подрядчика деньги за допущенные дефекты, и они целиком идут в бюджет. Тогда-то уж рассерженных строителей никакими силами не заставишь вернуться к оставленным в корпусе недоделкам. И они в первоначальном виде достанутся квартиросъемщикам, которым один на один придется бороться с перекосившейся дверью и вздувшимся волнами линолеумом. Словом, недоделки пока выгодны строителям. Именно поэтому они до сих пор и существуют.

Перед нами, по сути, пример того, сколь велика роль права в регулировании хозяйственной деятельности, как оно влияет на экономику, хозрасчет и так далее. Вот еще тому доказательство.

У директора Московской экспериментальной фабрики обоев В. Тугая спросили:

— Кому нужны заведомо бросовые обои, выпускаемые вашим производством?

— О, это любимые обои строителей,— ответил Валентин Петрович.— И название у них есть: «безраппортные» — без рисунка.

Скажут: странные же случаются вкусы. Верно, странные! Если вести разговор в эстетической плоскости. Зато все становится на свои места, как только мы вспомним о хозяйственном расчете. Безликие обои снижают трудозатраты, так как с ними проще работать. Следовательно, растет производительность, быстрее сдается жилье, для строителей, а не для новоселов — прямая выгода.

При этом общая картина вырисовывается на удивление затейливая. На основной работе строителей ценят, в общем-то, за быстроту. Ее требуют от них условия сдельной системы начисления заработной платы. Главный специалист Калужского филиала института Росоргтехстрой В. Данский сделал любопытные расчеты. По ним получается, что в оценке «отлично» за продланную работу сдельщики-строители заинтересованы лишь в том случае, если им удалось перекрыть положенную норму выработки на 20 процентов. Но вот они поднажали и дали выполнение на пять процентов выше. При таком перевыполнении сдельщикам достаточно оценки «хорошо», чтобы получить ту же премию, которую им вручили за работу «на отлично». Ее максимальный размер определен сорока процентами от сдельного заработка. Отделочники, между тем, не остановились на достигнутом и выжали уже 135 процентов нормы. Прав-

да, качество их работы заметно упало. Теперь они удостоились за нее оценки «удовлетворительно». Но на их зароботке эта потеря в качестве никак не отразилась. Сдельщики опять получили ту же веселую премию, полагающуюся им по закону за сокращение нормативного времени.

Как видим, «безрапортные» обои строители кое-как лепят на стену вовсе не потому, что им вдруг изменил эстетический вкус. Причина здесь другая — материальная. Кстати, этот вывод легко проверить, пригласив тех же мастеров клеить обои в вашей квартире, но уже в качестве «шабашников». На этот раз, будьте уверены, они все сделают с величайшим вкусом и старанием. Правда, заодно сдерут с новосела и приличную сумму вознаграждения.

Впрочем, стоп! Зачем звать их в частном порядке? Разве не обязаны они, согласно закону, бесплатно исправить допущенный на работе дефект? Конечно же, обязаны! Тогда почему же они этого до сих пор не делают?

Конечно, было бы ошибкой утверждать, что все наши строители заражены духом «шабашничества». Большинство из них, несомненно, настоящие мастера своего дела. Работа без брака — для таких людей дело рабочей чести, вопрос профессиональной гордости. Они сурово осуждают бракоделов в своей среде.

— Некоторые, — говорит бригадир монтажников Мурманского ДСК С. Шитов, — привыкли видеть в понятии «выработка» только тонны, кубометры или проценты. И забывают о том, что если на жильца в построенном нами доме каплет дождевая вода, то высокие проценты — не доблесть.

Не менее сурово осуждают примиренческое отношение к нерадивым работникам и другие строители.

— На мой взгляд, — заявляет бригадир комплексной отделочной бригады Донецкого ДСК-1 Ф. Белов, — баллы, выставляемые комиссией при приемке дома, заметно упали в цене. Когда видишь, что откровенно плохую работу оценивают наравне с хорошей, даже у опытного мастера появляется вредная для дела мысль: а нужно ли так стараться, коль даже явный брак сходит с рук?

Организаторам нашего строительного производства не мешало бы прислушаться к этим откровенным словам рабочего человека и разработать наконец систему материального поощрения строителей таким образом, чтобы они все, от руководителя до подчиненного, были заинтересованы не только в количественных, но и высоких качественных результатах.

Требованиями такого рода не следует пренебрегать. В них — проявление присущей советскому человеку искренней заботы о своем деле, о том, чтобы наше общество богатело, а государство крепло. Думается, и правоохранительным органам пора серьезно отнестись к тому, чтобы положение советского закона, требующее от бракодела бесплатного устранения допущенного в работе дефекта, соблюдалось всеми без исключения. Нет ни малейшего повода к тому, чтобы делать для строителей какие-либо поблажки. Его неукоснительное исполнение, кстати сказать, поможет лучше функционировать и нашей экономике.

В системе хозяйственного расчета брак перестает быть выгодным производителю лишь в том случае, если пропадает возможность для его сбыта. Последнее достигается при таком юридически

сбалансированном равенстве интересов, при котором производитель не имеет возможности диктовать свою волю потребителю. Лишь в этих условиях каждая недоброкачественно сделанная вещь собирается прямым убытком для тех, кто ее выпустил. Следовательно, настоящее воспитание хозрасчетом возможно на производстве лишь в том случае, если оно будет подкреплено надежно действующим юридическим механизмом, защищающим интересы квартиросъемщика от давления местного и ведомственного характера. Такая защита личных интересов гражданина в социалистическом обществе гармонически сочетается с заботой об интересах государства. Иначе и быть не может в нашем общенародном государстве. Совершенно обоснованно требование, записанное в Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года, о совершенствовании форм хозрасчетных отношений, о взаимной экономической заинтересованности и ответственности за выполнение плановых заданий и договорных обязательств между поставщиком и потребителем. Его выполнение невозможно без улучшения правового регулирования отношений подрядчика, заказчика и новосела. Пора поставить их взаимоотношения на единственно прочную основу — на основу закона. При этом должны быть максимально учтены положения нашей Конституции, которая закрепила право каждого советского человека на жилище. Ситуации, при которой торжествует принцип «бери, что дают», должны быть навсегда исключены из нашей жизни. Сделать это как можно быстрее надо еще и потому, что перекокс, возникший во взаимоотношениях подрядчика, заказчика и новосела под влиянием перевеса ведомственных интересов строителей, грозит превратиться в норму, почти закрепленную хозяйственной практикой.

— Могут спросить, — рассуждает о проблеме повышения ответственности бригадир монтажников СМУ-1 Кемеровского ДСК Б. Репа, — а где же система управления качеством, без которой сегодня уже не обходится строительное производство? Формально она есть. На участках — первичные посты качества, в управлениях — комиссии по качеству, на заводе — отдел технического контроля и лаборатория ДСК. Но беда в том, что эта разветвленная структура контроля качества сплошь и рядом «пробуксовывает», не выполняя своего прямого назначения.

Действительное положение вещей хорошо видно, скажем, из такого сравнения. Существует показатель — процент работников службы контроля качества к общей численности работающих на предприятии. Так вот, если в машиностроении он равен 20 процентам, то в строительных организациях — 0,1—0,2 процента. Показательно и другое. Если в промышленности каждый случай выпуска бракованных изделий становится, как правило, чрезвычайным происшествием, то в массовом строительстве, к сожалению, брак становится чуть ли не привычным. Среди многих причин подобного попустительства бракоделам ученые и специалисты называют отсутствие четкой правовой основы оценки качества строительных работ. Суть дела в том, что сегодня добротность строительно-монтажных работ регламентируется требованиями Строительных норм и правил (СНиП). Однако положения этого документа сформулированы под-

час весьма расплывчато, часто переплетаются с необязательными рекомендациями по технологии производства работ. Но даже не в этом главное. Существенно важно то, что сам СНиП не находится под правовой защитой закона. В Уголовном кодексе РСФСР есть статьи, устанавливающие уголовную ответственность за выпуск нестандартной продукции, попросту — брака. Регулируется это и законами других республик. Однако данные правовые нормы не распространяются на тот брак, который произошел вследствие отступлений от требований СНиПа. Причина такого юридического казуса в том, что главы Строительных норм и правил не считаются государственными стандартами и не включены в Государственную систему стандартизации. Поэтому бракоделов-строителей привлекают к уголовной ответственности лишь в том случае, если нарушения нормативных требований привели к аварии. Отступления же от указаний СНиПа, приводящие к снижению надежности эксплуатационных качеств строений, ухудшению внешнего вида зданий или внутреннего благоустройства квартир, по существу, остаются безнаказанными.

Сложившееся положение можно исправить, создав систему государственных стандартов типовых технологических процессов в строительстве. Это создаст основу для появления единых требований к качеству строительного-монтажных работ, будет способствовать повышению ответственности исполнителей за качество своего труда.

Между тем разработка стандартов на типовые технологические процессы в строительстве сейчас поручена отдельным отраслевым министерствам. Нетрудно представить, что в результате это приведет к ведомственному решению проблемы качества, к еще большему разнобою в определении требований к одним и тем же технологическим процессам, значительно снизит ответственность за их соблюдение.

Чтобы в этом убедиться, достаточно познакомиться с цифрами статистического учета. Сегодня за работой строителей следит множество ведомственных и местных проверяющих организаций. Добротность зданий оценивают рабочие и приемочные комиссии. Во многих городах создана служба единого заказчика. Наконец, с 1978 года введена в действие новая инструкция по оценке качества работ СН 378-77.

И что же? Увы, результат всей этой гигантской работы куда как невелик: в 1979 году отделения Стройбанка СССР не оплатили по причине недоделок свыше трех тысяч домов общей площадью примерно 11 миллионов квадратных метров. А количество жалоб жильцов на качество домов не снижается.

— А что,— предложил я в тот раз главному инженеру СУ Ивану Ильичу Заморину,— если взять и ввести в состав приемочной комиссии новосела в качестве ее полноправного члена. Тогда, может быть, спрос на отделочные материалы, украденные со стройки, и прекратится. Ведь как сейчас получается,— продолжал я.— Жилой дом принимают в эксплуатацию люди, сами в нем жить вовсе и не собирающиеся. Зато будущий жилец, которому выделили квартиру в не отделанном еще здании, станет принимать от строителей свою будущую жилплощадь с величайшим пристрастием. Уж тогда

он спросит не только со штукатура и плотника, но и с проектировщика, и с заказчика. Заставит исправить каждую оплошность, допущенную ими в работе.

— Ну, меня-то,— не торопясь, возразил Заморин,— таким контролем не очень напугаешь. Ко мне в кабинет эти самые новоселы ежедневно приходят десятками. А вот тех, кто планирует стройку, отвечает за обеспеченность моего плана материалами и финансами, твоё предложение вряд ли устроит. Ведь наши недуги,— заключил главный инженер, вставая из-за стола,— как раз и происходят из-за нерешенности этих вопросов. Так что для осуществления твоей идеи пришлось бы менять всю организацию планирования и управления строительством. Вряд ли кто на это когда-нибудь согласится.

Нет, он, определенно, оказался неисправимым пессимистом, этот Заморин. А между тем сама жизнь дает убедительные ответы на вопросы, зачисленные им в разряд безнадежных. Вот вам конкретный пример. Всей стране известен опыт работы бригады московского строителя, лауреата Государственной премии СССР за 1980 год В. Затворницкого. Этот коллектив трудится в составе СУ № 6 треста Мосстрой № 1. Уже много лет он работает по принципу: каждой квартире — гарантийный паспорт.

— Дом обходится государству в сотни тысяч рублей,— рассказал прославленный бригадир,— а гарантии на него никакой. Вот мы и решили, что будем вручать каждому из новоселов персональное гарантийное обязательство: «Если в течение года в какой-либо из квартир обнаружится изъян, бригада, виновная в нем, немедленно, без оплаты, устранит дефект». В паспорте наш адрес и телефон. Каждый новосел может им воспользоваться в случае необходимости.

Ну, чем не образец реального привлечения новосела к оценке проделанной строителями работы? Чем не пример настоящего, неформального включения его в состав приемочной комиссии? Показательно и то, что коллектив этой бригады выполнил задание десятой пятилетки за три с половиной года. За этот срок монтажники сдали в эксплуатацию более 42 тысяч квадратных метров жилья. А всего за годы работы в строительном управлении бригада В. Затворницкого передала заказчикам свыше 450 тысяч квадратных метров жилой площади. Целый город! И все это при высоком качестве и высоких темпах работ.

Значительных успехов в борьбе за качество достигли работники Мурманского ДСК. Здесь наводить порядок начали с организации нормального снабжения объектов материалами, то есть с точного соблюдения договорных обязательств.

— С тех пор,— рассказывает уже знакомый нам С. Шитов,— как наш ДСК был переведен на централизованную комплексную систему снабжения непосредственно с территориальной госснабовской базы, трудиться стало намного легче.

Интересно начинание 3-го Московского домостроительного комбината. Здесь организовали собственную систему управления качеством, которая включает в себя специальный отдел технического контроля, осуществляющий строгий надзор за проведением всех строительных работ — монтажных, отделочных и специальных.

Каждое замечание контролера ОТК отмечается в специальном журнале. Без немедленного исправления допущенного брака прораб не имеет права продолжать работы на объекте. Конечно же, не следует упрощать проблему. На том же ДСК-3 встречается еще немало трудностей.

— Работать лучше можно,— считает, например, лауреат Государственной премии СССР, бригадир комплексной бригады монтажников Владимир Солозобов,— резервы есть. Еще не всегда от подразделений Мосфундаментстроя мы вовремя получаем фронт работ, трест Мосстроймеханизация № 5 зачастую не может обеспечить четкую работу кранов, ну и, конечно, нужно продолжать совершенствовать внутрибригадную организацию труда, чтобы было качество.

Короче, надо работать. Однако можно считать доказанным и другое, то, что высокоэффективная, высококачественная работа строителей— вещь не такая уж невозможная. Достижение цели вполне реально при условии выработки комплексных единых требований к проектировщикам, производственникам, монтажникам и отделочникам. Все должны сдавать свою работу без брака. Тогда и переделывать ничего не придется. Материалы, расходуемые на объекте, пойдут полностью в дело, а списание затрат будет производиться в рамках, определенных законом. Ликвидация недоделок устранил незаконный спрос на отделочные материалы, а строгий контроль за расходом помешает их расхищению.

— Следует установить порядок,— считает, например, прокурор РСФСР Б. Кравцов,— согласно которому состояние законности в хозяйственных отношениях учитывалось бы при оценке деятельности предприятий и объединений.

Это правило, закрепленное законодательно, будет способствовать повышению ответственности каждого работника и всего коллектива за положение дел на производстве. В системе мер, ведущих к усилению спроса с подрядчиков, огромную роль сыграло бы, несомненно, и наделение будущих жильцов определенным правом участвовать в приемке зданий в эксплуатацию. Такая законодательно установленная мера дополнит влияние хозрасчетных рычагов, направленных на то, чтобы заинтересовать строителей работать быстро и с высоким качеством. Усилить контроль за результатами хозяйствования в различных звеньях экономики призывают принятые съездом Основные направления экономического и социального развития СССР. Решить эту задачу возможно, лишь объединив усилия хозяйственников, экономистов, юристов, работников правоохранительных органов и самых широких кругов нашей общественности.

Современный жилой дом — кирпичный или крупнопанельный — должен служить минимум 130—150 лет и эксплуатироваться без капитального ремонта 25—30 лет. Юридические службы обязаны следить за безусловным исполнением этого требования с рвением не меньшим, чем эксплуатирующие жилье организации и квартиросъемщики.

Неустанная забота партии и правительства о быте советских людей обязывает строителей трудиться так, чтобы каждый рубль капиталовложений был истрочен с наивысшей отдачей. А повышение экономической ответственности может быть достигнуто лишь путем совершенствования законодательства.

Предоставленные самим себе...

В обиходе эти воспитательно-трудовые колонии (ВТК) называют девичьими, так как здесь отбывают наказание «несовершеннолетние осужденные женского пола», в возрасте от 14 до 18 лет.

Заранее предвижу недоуменные вопросы: неужели у нас так серьезно обстоит вопрос с девичьей преступностью, что это надо громогласно обсуждать?.. Кто-то даже подсчитал: процент правонарушительниц-девушек настолько ничтожен, что и говорить-то об этом вроде бы не стоит. Но вспоминается и другое: свидетельства участковых инспекторов инспекций по делам несовершеннолетних, сотрудников исполкомов, педагогов. Они говорят, что хотя «трудных» девушек-подростков несравнимо меньше, чем педагогически запущенных юношей, они-то зачастую доставляют больше хлопот и забот. Если уж девушка переступила грань дозволенного, если сорвались скрепы, удерживающие от безнравственного поведения, то ее перевоспитывать гораздо труднее. Вот почему так важно определить, когда, как, почему начинается падение.

...Прежде чем пойти в ВТК, я решила ознакомиться с приговорами — последними актами трагедий, приведших их «героинь» в места лишения свободы

Картина только на первый взгляд рисуется пестрая. Но когда читаешь один приговор за другим, начинают проявляться и закономерности

«Алевтина С., Лариса В., Маргарита Р. вечером 28 августа остановили возвращавшуюся домой с работы потерпевшую Н-ву. Алевтина С., приставив к груди потерпевшей нож, потребовала, чтобы та отдала им деньги, кольцо, серьги. Потерпевшая пыталась сопротивляться. Алевтина С. ударила ее ножом, нанесла менее тяжкие телесные повреждения. Подсудимые отобрали ценности на сумму 311 рублей», — читаю в одном из приговоров.

В другом рассказывается, как пятнадцатилетняя девушка пьянствовала с двадцатипятилетними друзьями, потом они шли к входу в кинотеатр и там грабили малышей, отбирая по двадцать-тридцать копеек. Выручка доходила до 5—6 рублей ежедневно, количество обиженных — до тридцати-сорока.

А вот еще: «Воспользовавшись тем, что в квартире был только восьмилетний ребенок, подсудимая похитила из шкафа 284 рубля и два золотых кольца... а также золотой кулон и две пары серег». И так далее — всего 28 случаев.

Более 90 процентов юных осужденных совершили преступления ради денег. И уж все же не для того, чтобы утолить голод. Такой несчастной в колонии нет ни одной. Да и не только в колонии. Мне приходилось разговаривать с юными правонарушительницами во время судебных процессов, в следственных изоляторах. На мой вопрос: «Зачем вам были нужны деньги?» — отвечали так:

- Я хотела модно одеваться.
  - Привыкла жить, чтобы не считать рубли.
  - Хотела порадовать своего друга, подарить ему японский магнитофон.
  - Мне нравилось широко жить, тратить не задумываясь.
  - Любила ходить в ресторан, было приятно восхищение приятелей, подруг, когда я говорила: «Плачу за всех!»
  - Дружки отца, тоже воры, хвалили меня, когда я «брала» квартиру. Мне нравились похвалы взрослых мужчин.
- ...Нет, не ради куска хлеба пошли они на преступления. Но ради чего? Какая же сила заставила этих девушек забыть о полной потере себя?

Об этом мы говорим с чачальником ВТК Галиной Зиновьевной Цибульской. Вопросы эти кровно волнуют ее, да и весь состав воспитателей. У них богатый опыт, много наблюдений. Предложение раздать анкеты воспитанницам они приняли с пониманием.

Мы вошли на территорию колонии во время завтрака. Было теплое летнее утро, и столы из ремонтирующейся столовой выставили на открытую площадку. Воспитанницы чинно сидели за столами, только дневальные споро разносили еду да дежурные женщины-офицеры стояли в стороне, наблюдая за порядком. Я внимательно вглядываюсь в сидящих за столами воспитанниц. Отличает ли их что-то от сверстниц там, на свободе? Пожалуй, нет. Так же, как и школьницы или учащиеся ПТУ, они с любопытством разглядывали постороннего человека, может быть, лишь чуть сдержаннее, чем их сверстницы «на воле», несколько более скованны в жестах, чуть сдержаннее в движениях. А в остальном на первый взгляд обычные девочки.

Воспользовавшись, что все в сборе, Г. З. Цибульская объявила об анкете, предупредила, что она будет анонимной. Нам было важно, чтобы воспитанницы отвечали искренне.

Одним из первых был задан вопрос: как вы совершили преступление? Мы специально не расшифровывали этого «как». Ответы были неожиданными.

— Вначале у меня все было правильно. Я училась на «хорошо» и «отлично». Меня в школе хвалили. Но после шестого класса летом я познакомилась с ребятами. Они были старше. Мне было весело и интересно... А закончилось все плохо, — ответила шестнадцатилетняя воспитанница, осужденная за грабеж.

— Я стала обманывать мать. Если мне надо было уйти, я что-нибудь придумывала, стала врать. Я шла на все, только бы пойти в нашу компанию. Это была дурная компания. Но поняла я это слишком поздно. На учет в милицию меня поставили в 13 лет. Но я уже не хотела остановиться, — строки из анкеты осужденной, совершившей неоднократно квартирные кражи.

— У меня появилась подруга. Она была старше. Жила в нашем доме. Она мне говорила, что я очень красивая. Мне было приятно это слышать. У нее в квартире собирались парни и девушки. Я не хотела казаться маленькой, скрывала, что мне нет 14. Стала краситься, курить. Брат меня бил, выгонял из дома. Я шла к Жене,— рассказывает воспитанница, отбывающая наказание за злостное хулиганство.

— Мать плакала, говорила: «Что с тобой произошло?» Я и сама не знала. Сейчас тоже не знаю. Только дома мне стало все безразлично. Никого не хотелось видеть, а хотелось скорее к моему другу. К нему приходили парни. Всем им было больше двадцати пяти. Все они раньше сидели. Мне тогда казалось — это здорово. Они никого не боялись. Матери моей они сказали, чтобы меня не обижала. В восьмой класс я учиться не пошла,— пишет воспитанница, осужденная по статье, которая предусматривает уголовную ответственность за заражение другого лица венерической болезнью.

Приведенные ответы — самые распространенные. Осужденные еще не полностью разобрались, откуда пришла опасность, но очень точно отметили — когда: что-то произошло с ними в возрасте 12, 13, 14 лет. Отчего стали лгать, отчего им стало неинтересно дома, с прежними подругами, отчего стремились к другим ощущениям?..

Возраст, который воспитанницы единодушно выделяют как какую-то грань, в педагогике известен как переходный. Василий Александрович Сухомлинский, замечательный советский педагог, в своей книге «Рождение человека» разбирает особенности подросткового возраста. Много внимания уделяет он периоду полового созревания человека, предупреждая, что этот период проходит различно у мальчиков и девочек. Он пишет: «Это самый бурный, важнейший и для них и для воспитателя период становления женщины». Обращаясь к родителям и воспитателям, он советует им быть предельно внимательными, прежде всего к девочкам, тактичными, предупредительными и разумно строгими, ибо от этого периода во многом зависит, как сложится дальнейшая их судьба.

Что же за семьи, в которых воспитывались будущие осужденные девушки? Кто из родителей и насколько внимательно наблюдал, направлял этот важнейший процесс? Кто помогал девочке в семье?

Вот как рассказывают о взаимоотношении в семьях воспитанницы:

— Мать и отец разошлись, когда мне было 7 лет. Я люблю их, и маму и папу. Всегда хотела, чтобы мы жили вместе. Я ждала, что папа вернется и мы будем вместе, но мама начала встречаться с другим. У мамы есть муж, дочка, у папы есть жена и сын. Меня забрала бабушка. Я приезжала к маме погостить. Взаимоотношения между мамой и ее новым мужем были плохие. Он очень пил, мать бил. Свои ссоры и обиды они вымещали на мне. Меня они не били. Я была для них пустым местом. Всю ласку, какая у них была, они обрушили на мою сестренку, их общую дочь. А я не помню, чтобы мама приласкала меня. С 7 до 17 лет я не видела ласки материнской, завидовала девчонкам и мальчишкам, у которых все было хорошо.

— Взаимоотношения с мамой были плохие. Если у меня все хорошо, то и она ко мне по-хорошему, а если что натворю, то она

только кричит, никогда не расспросит, не пожалеет. А сестру она любила. С отчимом жила плохо, он пьяница. Он вообще деспот, хотел властвовать над нами. Когда я была поменьше, часто бил меня. Я его до сих пор ненавижу.

— Меня и моих братьев и сестер воспитывал отец и его мама — моя бабушка. А мать нас бросила. Отец часто пил. Разговаривать с нами ему не хотелось.

— Отчим бил всех подряд, даже своих дочек, которым было 1 год и 3 годика. Он бил и маму, но когда я за нее вступалась, он начинал драку со мной, а мама не заступалась, только потом еще на меня кричала, что из-за меня ее бросит муж. Маме я никогда не рассказывала про свои дни хорошие, да и плохие, ничем не делилась, потому что знала, что она продаст в любую минуту отчиму. А он будет меня высмеивать, — пишет осужденная и далее рассказывает, что первую кражу она совершила в 13 лет, украв у отчима 5 рублей, деньги она потом порвала и выбросила.

Конечно, нельзя толковать, что приход отчима или мачехи в семью — всегда зло. Но это всегда ломка сложившихся взаимоотношений, и, как каждая ломка, каждая операция, — болезненна. Пойдет ли она во благо, зависит от многих обстоятельств: от ума, такта, любви родителя, который должен ввести в семью нового воспитателя; от предельной доброжелательности, необходимой меры справедливости и строгости этого нового «родителя», от окружающих семью людей, их умения быть объективными.

Но всегда ломка. Зачастую последствия бывали неожиданными и опасными, несмотря на умение и такт, проявленные новыми родителями. Вот что рассказывают о хороших отчимах сами воспитанницы, вот как оценивают семейные обстоятельства:

— Отец умер, когда мне было два года. Его я не помню. Раньше я даже не знала, что у меня не родной отец, а отчим. Сказала об этом мать. Отчим был строгий. Но теперь я понимаю, что справедливый. Он никогда не наказывал зря. Но мать всегда вмешивалась, упрекала его, говорила, что он меня не любит, потому что я неродная. Я тоже стала так думать. Мне нравилось, когда меня жалели, — так по-новому оценивает события шестнадцатилетняя осужденная.

— Мать за меня заступалась, выгораживала перед отчимом, хотя знала, что я неправа. Я убедилась, что мне можно делать что угодно, все равно простят, — написала воспитанница, осужденная за злостное хулиганство.

Конечно, читая эти ответы, надо сделать поправку на то, что воспитанницы ВТК в плохих семейных взаимоотношениях ищут для себя защитительный момент, оправдывая «тяжелыми семейными обстоятельствами» свои проступки. Росли-то они не в безвоздушном пространстве, чего-чего, а статей, телепередач, радиоочерков, призывающих родителей во избежание беды быть чуткими к детям, слушались. Наслушались — и взяли «на вооружение».

Но кроме ответов анкет есть цифры. 24 процента воспитанниц ВТК росли в неполной семье, 5 процентов — полные сироты, в 29 процентах семей один из родителей был неродным. Лишь в 42 процентах семья была полной. Но и в этом случае нельзя сказать — благополучной. Уже одно то, что в семье выросла дочь-правонарушительница, говорит о многом! Но давайте прислушаемся, что и как повествуют воспитанницы о таких семьях.

— Отец все время был пьяный. Мать плакала. Разговор дома

был только об этом. Отец нас с братом не замечал, он даже не знал, в каком классе я учусь.

— Между родителями отношения были хорошими, ссор никогда не было. Но в доме было как-то скучно. Мама все время брала больничный, всем рассказывала, что у нее болит. Однажды врач ей сказал, что она должна бодриться, тогда поправится. Мама больше обращала внимание на свои болезни, чем на меня. Если я приходила румяная, веселая, она меня упрекала.

— Отцу я не доверяла. Он пил, потом бросил. Умоляя исправиться, плакал. Но я уже привыкла не приходить домой. Маму, конечно, было жалко.

— Родители меня любили, старались мне во всем угодить. Они ходили очень бедно, а меня наряжали. Я думала — так и должно быть. Они были старые, я их стыдилась, а дома командовала.

— У меня есть отец и мать, но жила я у бабушки. Бабушка мне все позволяла, ее легко было обманывать.

...Осужденные не обвиняют в своих грехах собственных родителей, но, попав в колонию, начав трудный путь переосмысления жизни, они размышляют об условиях, в которых жили.

Положительное влияние семьи почти отсутствовало, потому что не было (как это стало видно даже при первом знакомстве с семьями осужденных) целенаправленного, умного, заинтересованного воздействия. Зато отрицательное... То, которое вроде бы и не желаемое («Что мы, разве плохому учили?» — сетуют родители). Но воспринимают дети, подростки все виденное, все слышанное. Оно оставляет след. Хотят этого окружающие или нет. Нельзя командовать ребенку: этому учись, а вот это (виденное, слышанное) — не для тебя!

Особенно зримо это видно на двух направлениях воздействия. На влиянии осужденных родственников и пагубности, заразительности «пьяных» уроков.

В 40 процентах семей девушек-осужденных кто-то из родственников тоже был осужден. Причем воспитанницы говорят о близкой связи, о большем влиянии на них осужденных родственников, а значит, о вреде, наносимом несложившейся психике подростка.

— Когда отца осудили, мама ездила на свидания в колонию со мной и братом. Мне было боязно, но любопытно. Я писала отцу, он мне подробно обо всем рассказывал, велел следить за матерью, чтобы у нее не появился мужчина. Я приобрела власть, — рассказывает одна из воспитанниц.

— Отца моего все знали, у него было много друзей, в основном судимые, он был для них авторитет. А милиционеры говорили о нем как об опасном рецидивисте. Я считала, что он сильный. Я гордилась, что он такой известный. Хотела походить на него. Его друзья приходили в гости, приносили мне подарки и хвалили меня за смелость, — написано в анкете осужденной за злостное хулиганство и грабежи.

— Мне нравилось, что меня знали все жулики города, что меня боялись; приходили ко мне с вином, так приказал им мой брат, он был раньше, чем я, осужден за убийство и разбой, — признается шестнадцатилетняя осужденная.

Я читала анкеты, и мне вспоминались встречи в ИТК, где отбывают наказание взрослые. В день свидания на встречу с папами,

мамами зачастую привозят и детей. Однажды начальник женский ИТК Тамара Павловна Рукавишникова пригласила к себе в кабинет прибывших на свидание с женами мужей, которые приехали с детьми.

— Я не могу запретить вам эти встречи,— обратилась Тамара Павловна к мужчинам,— но, дорогие папы, неужели вашим детям будет легче, если они узнают, что их мамы совершили ошибки, что они справедливо, но жестко наказаны государством, что они не так уж хороши, их мамы? Подумайте о детях! О том, какую рану им нанесет это свидание. Да и не известно, как оно может подействовать на их дальнейшую судьбу. Не захочется ли кому-нибудь взять пример с мамы?

А начальник ИТК строгого режима Герой Советского Союза Роман Романович Бабушкин как-то при мне пытался растолковать плачущей женщине, что, написав ей письмо, где не рекомендовал брать на свидание с отцом десятилетнего сына, он думал прежде всего о мальчике:

— Ребенок должен быть уверен, что у него хорошие, добрые, честные родители. Подумайте, каково будет вашему мальчику, если он узнает, что у него папа — рецидивист. Да, да, понимаю: папа соскучился,— прервал он возражения,— понимаю, соскучился... Что ж, выбирайте, кого будете жалеть: папу или сына, все его будущее. Выбирайте!

Воспитанниц ВТК, как видно, не смогли оградить от пагубного влияния осужденных родственников. Папы, мамы не подумали о силе дурного примера, легкомысленно предположив, что их дети не воспримут плохих уроков.

Семейные драмы, неурядицы, свидетелями и участницами которых были юные, еще душевно не окрепшие девушки, давали свои горькие плоды. Стоит только вдуматься, что почти все воспитанницы девичьей ВТК уже до осуждения частенько выпивали. Легко можно представить, как трудно было это скрыть от тех, кто жил рядом. А они и не скрывали. Более того: большинство осужденных пишут, что выпили впервые в кругу семьи. В анкетах говорится:

— Взрослые заставляли выпивать, потому что был праздник...

— Выпила впервые, когда мне было лет пять. Отец налил, а мама не возражала.

— Впервые выпила в пятом классе. Были гости. Мне было плохо, и я уснула в ванной.

— Когда было двенадцать лет. Со старшими братьями. Мама говорила: «Ничего. Мужикам меньше достанется».

— С десяти лет, с отцом. Он, когда пил, повторял: «Пусть никто не говорит, что я плохо к тебе отношусь. Все — поровну».

— Смотрела, как отец пьет, и тоже стала. Вначале ему назло. А потом втянулась.

Конечно, встречаются и другие ответы. Осужденные отмечают, что впервые приобщились к зелью в 10—14 лет, выпивали с подругами, друзьями, в походах. «На танцы идти — и не выпить?» — вопросом ответила одна из девушек. Родители или знакомые приобщали к выпивке — неважно, важно — в семьях об этом знали. Но остановить девушек уже никто из близких не мог. Или не хотел. Или не считал нужным.

Недаром зачастую время своего падения воспитанницы отмечают внешними признаками: «А потом я начала пить, курить». Юноши-осужденные тоже упоминают о выпивке как спутнице преступ-

ления. Но есть и существенное отличие. Парни и преступление почти все совершили в нетрезвом состоянии, для многих побудительным мотивом послужило желание выпить. Девушки на преступление шли на трезвую голову. Побудительным мотивом было желание одеться, наряжаться «фирменно», как выражаются осужденные, выглядеть независимо, по-взрослому. Этому желанию, подчас мощному, ничто не противостояло. Семья не научила ни сдержанности, ни умению считаться с возможностями, ни доброте.

Каждая несчастная семья была несчастна по-своему. Но одно их делало похожими: во всех семьях подраставшие девочки были предоставлены самим себе, они в семье не смогли найти опору и не искали ее. К тому возрасту, особенности которого в дальнейшем определяют их ошибки, они подходили незащищенными, не имея понятия о семейном долге, об ответственности каждого члена семьи за спокойствие всех близких, о девичьей чести и достоинстве.

Итак, плохая семья... Но тут самое время подчеркнуть: как ни велико влияние семьи на личность ребенка, подростка — оно не единственное. Есть еще школа, вся система школьного образования.

Учителя школы ВТК свидетельствуют: подготовка их учениц катастрофически слаба. Воспитанницы не имеют элементарных знаний по программам пройденных классов, где, судя по документам, учились.

Воспитанницы спокойно объясняют, что, да, они почти не занимались в школе, уроков домашних не готовили, не утруждали себя приобретением знаний.

— Я знала, что все равно в конце четверти поругают-поругают, а тройку выведут, — писала одна из осужденных.

— Нужно было только не раздражать учителей, тихо сидеть на уроках. Я так и поступала. Меня вроде не замечали, а тройки ставили. Мать была рада даже тройкам, считала, что я не сбилась с пути, раз хожу в школу, — это уже из другой анкеты, но как поже!

И председатель совета коллектива колонии Ольга Ларикова* (она не захотела воспользоваться предложением об анонимности анкет и подписала свою исповедь) так рассказывает об отношении к себе школы:

— До шестого класса я училась на 4 и 5, была председателем совета отряда, вожатой, в редколлегии школы. Но вот в семье у нас произошел огромный переворот: отец мой был в очередной раз осужден к 12 годам. Из его колонии пришел освободившийся дружок, и мама передала ему что-то для отца. Не знаю, что там случилось дальше, но маму арестовали. Это было в 1975 году, я осталась со старшим братом, ему тогда было 17 лет, я перешла жить к бабушке. Но во время каникул, почувствовав, что я вольна (мамы не было, бояться было некого), стала выходить на улицу и приходила поздно, я сдружилась с группой ребят и девчат года на два, на три старше меня, научилась курить, выпивать, стала похаживать на танцы. Бабушка сначала ничего не знала, я приходила

* Фамилия изменена.

домой поздно, она не ругалась. Стала приходиться выпившей, она тоже сначала молчала. Но когда ко мне стали приходиться друзья и подруги, бабушка стала выгонять их и не пускать меня на улицу. Я стала ночевать то у бабушки, то дома, а иногда и у подруг или у друзей. Начался учебный год, я снова стала жить у бабушки, в школе продолжала вести себя примерно, так же хорошо учиться и заниматься своей школьной работой. За эти летние каникулы меня поставили на учет в милицию. Когда в школе узнали, что я на учете в милиции, со мной даже никто не поговорил, учителя стали относиться ко мне заметно хуже. Меня исключили из вожатых, из редколлегии, а также председателем совета отряда я уже не была.

Ольгу до глубины души задело именно это равнодушие учителей. Девочка активная, бывшая до случившейся в семье беды хорошей помощницей учителям, была ими оставлена на бабушку, то есть без всякой помощи. В своей исповеди она подробно рассказывает, что не раз была возможность помочь ей. Ольга ждала, надеялась: вот придут, вот спросят. После летних каникул, когда девочку, оставшуюся без матери, поставили на учет в милиции. В начале года, когда ученица обратилась к завучу с просьбой поручить ей как всегда какую-либо общественную работу. Когда «исключили» из вожатых. Даже когда ранее не доставлявшая хлопот отличница вдруг стала плохо учиться, грубить учителям. После окончания бывшей отличницей седьмого класса на сплошные «тройки». В восьмом классе, который Ольга стала посещать спустя месяц после начала учебного года. Наконец, по завершении Ольгой неполного среднего образования. Ни разу этой возможностью школа не воспользовалась. Не было сделано даже попытки помочь девочке, оставшейся без материнского контроля, без родительской заботы. Школа, где училась Ольга, не только сама не искала путей к девочке, более того — когда ученица шла за помощью, ей отказывали. Так Ольга была оставлена школой. И трагические последствия не заставили себя долго ждать. Ольга совершила преступление. А ведь Ларикова, как никто другой, могла бы рассчитывать на помощь педагогов: она ранее им не доставляла хлопот, наоборот — была верной помощницей, активисткой. Что уж говорить о судьбах других учениц — нынешних воспитанниц ВТК, которые до «трудного» возраста не блистали отметками, не были отличницами, не состояли в пионерском активе! Их судьбами не были обеспокоены учителя. Судя по анкетам, эти трудные дети их только раздражали.

...Действительно, случаи девичьей преступности чрезвычайно редки, но стоит все-таки обратить внимание на этот брак школы. Потому что это не просто брак, а приведший к трагическим развязкам, к скамье подсудимых. Стоит вспомнить, что учителя, в классах которых выросли правонарушительницы, прежде всего заботились о собственном спокойствии. Проставляя в итоговых графах серенькие «троечки», они избавлялись от дополнительных занятий, от объяснений с директором, завучем, представителем роно о причинах неуспеваемости своих учениц. А главное — оставляли без внимания сигнал неблагополучия, когда еще можно было что-то предпринять для исправления судьбы ученицы.

Предоставленные самим себе, не обласканные ни школой, ни семьей, чем же они стали заниматься, эти девочки с нелегкими характерами? Какие интересы, увлечения были у нынешних воспитанниц ВТК там, на свободе?

Кино? Лишь немногие отметили, что, да, бывали в кинотеатрах, постоянно.

Театры? Единицы написали, что два-три раза посетили спектакли.

Спорт? Ольга Ларикова, к примеру, ответила, что занятия легкой атлетикой оставила в седьмом классе, так как из-за курева случались приступы удушья. Еще несколько воспитанниц отметили: «в детстве занималась гимнастикой», «в первом-третьем классе ходила на фигурное катание», «когда было все нормально в семье, посещала волейбольную секцию». А потом детство прошло, и увлечение спортом (даже такое неглубокое) — тоже.

Книги? Большинство вообще не ответили на этот вопрос. Некоторые написали: «читать не любила», «читала, но если приходили друзья, сразу же бросала и шла с ними». Учителя же школы ВТК, воспитатели отрядов отмечают, что иные воспитанницы читать-то бегло не умеют и не любят.

Но чем же все-таки интересовались? Оказывается, у этих девушек, живших ранее весьма далеко друг от друга, круг увлечений — один.

— Вечерами постоянно находилась в баре, нравилась музыка, сигареты и вся эта обстановка.

— Мои увлечения: наша компания, ресторан и все остальное... Ресторан посещала года полтора, танцы — с 14 лет.

— Очень любила компанию, шум, курить...

— Свободное время проводила в кругу девчат и парней, парни были старше, играли на гитарах, пили. Вначале мы с ними не выпивали, а для выпивок собирались девчата отдельно, но парни догадались, тогда мы уже стали выпивать все вместе.

— Любила красивых парней, проводить с ними время, нравилось, что они хорошо одевались, курили, если нужно, дрались, пили, хамили.

И так далее во всех почти остальных анкетах: парни, танцы, выпивки, компании, загулы.

Теперь молодые правонарушительницы отбывают наказание за те преступления, к которым их привели кривые дорожки шумных увлечений. Но необходимо разобраться, как, почему, когда эти девушки свернули с верного пути. Кроме того, выявить виновников их падений.

В. А. Сухомлинский в своей книге «Рождение гражданина» предупреждает: «Берегите девочек в этот период (10—13 лет.— Т. К.) от нескромных, слишком любопытных, а иногда и развращенных взглядов взрослых. Нескромный «оценивающий» взгляд взрослого девочка переживает как что-то странное, не совсем понятное, но в то же время она догадывается (больше чувствуя, чем понимая), кого в ней видят и разглядывают, и это сначала пробуждает в ней смятение, а потом — мысли о взаимоотношении полов». Это предостережение обращено к родителям и воспитателям. Мы же выявили, что мамы, папы, отчимы, мачехи, бабушки — иные не могли, иные не хотели, иные не считали своим долгом подготовить дочерей и внуков к будущей жизни со всеми ее сложностями. Не беспокоились об этом и школьные наставники. Так девочки оказались без поддержки родителей, педагогов. Но природа не терпит пустоты. Девочки искали, к кому бы прилепиться, кто бы их пригрел, приголубил, кто бы защитил. И находили. Процесс поисков был обоюдным. Девочки искали защитников, «защитники» высмат-

ривали и находили этих одиноких, беспризорных девчонок... Воспитанницы ВТК их называют по-разному — «дружок», «парень», «друг», «приятель», «тот, кого любила», — но все эти молодые люди, оказавшиеся рядом с девочками-девушками, были гораздо старше их, и направленность их влечений — вполне взрослая.

Среди других вопросов в анкете был и такой: назовите ваш самый несчастный день. В ответах были рассказы о дне ареста, поступления, смерти отца, кончины бабушки. Но один ответ повторялся почти во всех анкетах. Вот что в них записано:

— Самый несчастный день в моей жизни, когда я стала женщиной. Это 6 мая 1979 года.

— Несчастный день был тогда, когда я, проснувшись однажды утром, вдруг поняла, что я лишена девичьей чести.

— День, когда я потеряла девичью честь, самый страшный и несчастный для меня.

— Когда меня изнасиловали.

А одна из осужденных, отбывающая наказание за грабеж, призналась:

— После того дня, когда я стала женщиной, я очень злилась на всех и на себя тоже. После этого мне уже стало ничего не стыдно, даже как-то безразлично. Может быть, поэтому я совершила преступление.

Почти все воспитанницы, с которыми я разговаривала в ВТК, присоединяются к выводу подружки: да, после того несчастного дня что-то сломалось в их душе, они считали себя уже презираемыми, опозоренными. Чувство унижения, презрения к себе отодвигало стыд, коржило нравственные устои, трансформировало понятия о дозволенном и недозволенном. Запретное не существовало, недозволенного тоже.

Девять из десяти осужденных девушек совершили корыстные преступления. Не ради куска хлеба шли они на хищения, грабеж, разбой. Чтобы вызывать дорого одетых, модно обутых, накрашенных дорогой косметикой, сбрызнутых французскими духами.

Неестественно быстро совершился, как мы видели, их переход из мира детства в мир взрослых отношений. И они не просто хотели не отстать от сверстниц своих новых друзей, а перещеголять взрослых женщин.

Убогость, бездуховность их идеалов и желаний? Да, безусловно. Модное красочное тряпье заслонило от них чистые радости дружбы, верности, даже хорошо выполненной работы. Но прежде чем вынести свое строгое осуждение этому моральному убожеству, не стоит ли послушать их оправдания?

...— Вы считаете, что в таком костюме было что-то неприличное? — спросила одна из осужденных, когда мы с ней после долгого разговора как раз затронули тему скромности. — А вы случайно не были на концерте сестер... — и она назвала известный западноевропейский эстрадный дуэт, гастролировавший года три назад в Москве. — Так вы помните их серебристые в обlipочку комбинезоны. Помните? А заметили, что под ними ничего-ничего не было надето? Так это же специально было сделано, чтобы все-все подчеркнуть, выделить... Ну понятно, что? Это же... — тут она потупилась, — мужчинам нравится... Кровь бурлит... Вот. — Она перевела дух и закончила: — Это же модно, современно. Сцена — пример,

как надо одеваться и себя вести. Плохое же не будет рекламироваться. Так?

В разговоре с этой москвичкой я смогла поколебать ее убеждения... Но сколько других молоденьких москвичек, киевлянок, ленинградонок, побывавших на концертах того эстрадного дуэта и подобных ансамблей, вынесли превратное представление об эталонах моды и приличия! Наши молодежные газеты, к сожалению, недостаточно глубоко касаются этих тем, не дают противоядия распространяемому яду. Таким образом, равновесие нарушается.

Воспитанница ВТК привела мне иной довод в «оправдание» своего преступления (она отбывает наказание за квартирные кражи).

— Фильм «Школьный вальс» помните?

Я уж подумала, что она начнет разговор о душевных переживаниях, ранних браках и большой любви.

— Помните, в какие джинсы девочки там одеты? Вы когда-нибудь в магазине белые американские джинсы встречали? И я не встречала. А у нас в городе на толкучке такие знаете сколько стоят? Если бы я свою зарплату только на штаны копила — полгода надо было ждать. Состаришься, пока сможешь по-человечески одеться.

Третий разговор произошел с воспитанницей, которая своим идеалом (был и такой вопрос в анкете) назвала известную певицу. Кстати, артистка пользуется очень большой популярностью среди девушек, отбывающих наказание в ВТК. Мне захотелось выявить истоки этой любви, и я попросила воспитанниц подробнее ответить. Ответы были такие:

— Ходит так, что на нее все обращают внимание.

— Уверенная. Одеты как в журнале. Я тоже хочу одеваться как она.

...Так что прежде чем осудить девушек за незначительность их жизненных установок, за мизерность стремлений, давайте подумаем: а не ставим ли мы, взрослые, на их пути соблазны, способствующие выработке именно таких взглядов?

Предчувствую, что мне будут возражать: не ратую ли я за то, чтобы всех одеть в серое рубище, в платя, застегивающиеся до самого ворота, в бесформенные, скрывающие формы одежды. Нет, не ратую. Не призываю ли к лакировке действительности в фильмах, на эстраде? Нет, не призываю.

Но и забывать о целомудрии, о разумной мере скромности тоже нельзя. Искусство всегда несло огромный нравственный заряд, всегда было воспитывающей силой. Это надо помнить.

Сейчас во «взрослом» кинематографе, театре все больше внимания уделяется так называемым производственным темам. «Премия», «Сталевары», «Мы — нижеподписавшиеся» шли и идут с неизменным успехом. Это и понятно. Проводя большую часть времени на работе, мы не можем обходить вниманием возникающие в процессе труда конфликты и коллизии. Решая вопрос будто бы чисто производственный, художники всегда поднимают нравственные проблемы. Герои их произведений проверяются прежде всего своим отношением к делу, творчеству, труду.

Лучшие педагоги всегда знали и брали на вооружение именно воспитательное свойство настоящего дела. Макаренко-педагог, решая вопрос о производстве в колонии, строит завод фотоаппаратов, где точнейшую технику стали производить вчерашние воры, хулиганы, грабители. Об этом страстно написал Макаренко-писатель. Ребята в Павлышской школе обрабатывали поля, сажали сады,

ухаживали за молодняком, о чем поведал писатель Сухомлинский. Гайдар в своей книге «Тимур и его команда» рассказал, как ребята взяли на себя обязанность помогать семьям красноармейцев. Сила убежденности этой книги была такова, а дело показано столь необходимым, что ребята целой страны «заиграли» в эту игру.

Всегда ли нынче силой искусства раскрывается перед ребятами красота дела, великая радость труда, свершения? Или мы их оставляем одних перед строем соблазнов, наряженных в красивые, подчас заграничные тряпки?

...На наших дорогах встречается знак — в треугольном поле изображены бегущие ребяташки. Этот знак называется «Осторожно, дети!» Он предписывает водителю ехать с предельной осторожностью и максимальным вниманием, предупреждая, что в зоне этого знака могут выскочить на дорогу расшалившиеся, заигравшиеся ребяташки. Никакие самые важные задания, никакие ответственные поручения не могут разрешить водителю пренебречь предупреждением знака и увеличить скорость, а значит, снизить осторожность. Никакие. Потому что речь идет о жизни и спокойствии наших детей.

Ну, а разве не о судьбе, не о характере, а порой о самой жизни девушек идет речь в рассказанных случаях? И, наверное, деятели искусств должны иметь внутренний ориентир, на котором значится «Осторожно, дети!», чтобы по нему выверять пользу и вред своих произведений.

Каждая отдельно взятая анкета весьма субъективна, но сопоставление приведенных ответов всех осужденных девушек, их анализ помогает выявить определенные закономерности, приведшие воспитанниц ВТК на скамью подсудимых.

Так одиночество в семье, собственная неприкаянность и равнодушные педагогов, нравственная незовитанность, подкормленная иной раз неглубокими фильмами и телепрограммами, толкнули девушек в круг взрослых парней, мужчин, зачастую уже побывавших на скамье подсудимых. А там уж был всего один шаг до собственных преступлений.

...Бытует мнение о несчастье родителей, в семьях которых «появляются» девушки-правонарушительницы. А стоит поговорить не о несчастье, а о вине этих родителей, своим примером поведения, безответственностью толкнувших девушек на путь преступления. Хотя этот толчок иной раз весьма отдален по времени от свершившегося позднее преступления.

Не предъясняется строгий счет и школе, ПТУ, рабочему коллективу, где жили, учились, работали девушки. Рассматривая приговоры в ВТК, я не нашла ни одного (!) частного определения, вынесенного в адрес руководителей педагогического коллектива. Зато мастера и преподаватели порой выступали свидетелями, а иной раз и общественными обвинителями, высказывая возмущение противоправным, циничным, разнузданным поведением девушек. Но если заглянуть вглубь — выявится, что первопричиной надломленности явилось равнодушие старших товарищей — воспитателей.

Сейчас лучшие сотрудники инспекции по делам несовершеннолетних не только ставят на учет педагогически запущенных ребят, но не обходят вниманием семьи, где есть конфликты, где один родитель или глава семейства пристрастился к выпивке... Присмат-

риваются они к шумным компаниям молодежи, дружба в которых замешана на выпивке, любовных влечениях, не подкрепленных чистотой помыслов, в которых взрослые парни соседствуют с девчонками.

...В данной статье затрагиваются судьбы девушек-осужденных, иными словами — крошечной части нашей молодежи, но, думается, даже судьба одной-единственной девушки, попавшей в ВТК, должна бы переворачивать души родителей, педагогов, наставников молодежи. Хотя нельзя забывать и о личной ответственности каждого гражданина за свои дела. Судьи строго и справедливо спросили с правонарушительниц: они наказаны, приговорены к различным срокам лишения свободы. Но... когда совершают преступления несовершеннолетние, нельзя не задумываться о тех, кто их окружал. Кто мог, должен был их предостеречь, остановить, удержать от правонарушений. И не сделал этого. В преступлениях, правонарушениях ярче всего отражается зависимость следствий от причин. Хотя зависимость эта может быть непрямой, опосредованной, важно ее выявить и оценить ее воздействие на формирование характеров подростков.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

В отделении милиции раздался телефонный звонок, и взволнованный женский голос сообщил, что ограблен кассир. Прибывшим на место происшествия сотрудникам милиции кассир автоколонны треста «Ленстройтранс» О. Я. Парамонова заявила, что, когда она выходила из конторы с деньгами для выдачи зарплаты рабочим, на нее напали двое мужчин и отобрали сумку с деньгами. По данному случаю было возбуждено уголовное дело. При расследовании установили, что ограбление организовала сама потерпевшая. С целью хищения денег она подговорила знакомых Ю. М. Плавникова и К. В. Межарауниса инсценировать нападение на нее, после

чего решено было деньги раз делить. Ленинградский городской суд за хищение государственных средств в особо крупном размере приговорил Парамонову к 11, Плавникова — к 9, Межарауниса — к 8 годам лишения свободы.

Учащиеся ПТУ-28 города Грозный (Чечено-Ингушская АССР) И. Алимхаджаев, Р. Цумаев и М. Мамаев напились и стали бесцельно бродить по улицам. На трамвайной остановке в поселке Черноречье они увидели гражданина, который, как им показалось, «не так взглянул» на них. Попросив закурить и получив отрицательный ответ, подростки набросились на него и избили. Выездная сессия Заводского районного народного суда проходила в училище. Суд признал виновными в злостном

хулиганстве и приговорил: Алимхаджаева и Цумаева к 3 годам, Мамаева — к 2 годам лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду.

Передвижная механизированная колонна № 590 треста «Бурятцелинстрой» Бурятской АССР ежегодно добивалась высоких показателей в работе. Себестоимость возводимых объектов постоянно снижалась, прибыль возрастала. Начальник колонны И. И. Орлов считался одним из энергичных и передовых руководителей. Однако проверка выявила, что в ПМК царило очковтирательство, успехи ее оказались липовыми, достигнутыми за счет обмана государства. Орлов в течение двух лет завывал объемы выполненных строительно-монтажных работ и представлял фиктивные отчеты в статистические органы. За искажение отчетности Кабанский районный народный суд приговорил Орлова к 2 годам лишения свободы. В адрес руководства треста в связи с отсутствием должного контроля за деятельностью ПМК направлено частное определение суда о принятии мер к устранению недостатков.

Исполняющая обязанности директора столовой № 57 треста общественного питания № 2 города Саратов М. Д. Косякова получила для нужд предприятия 117 килограммов цыплят по цене 2 рубля 20 копеек за килограмм. Вместо того чтобы пустить их в производство для приготовления разных блюд, Косякова выписала фиктивную накладную, в которой цыплята

были обозначены как куры, по по цене 3 рубля 20 копеек за килограмм. Она стала их продавать через ларек, находящийся недалеко от столовой. Мшеница была разоблачена работниками милиции. Стараясь избежать наказания, она пыталась дать взятку сотруднику БХСС. Волжский районный народный суд Саратова признал Косякову виновной в обмане покупателей и покушении на дачу взятки и приговорил к 5 годам лишения свободы.

Рабочий биологического комбината в г. Алма-Ате А. Петров загружал автомашину стружкой. Заметив, что водитель автомобиля отлучился, он положил под стружку 109 пустых мешков, чтобы затем продать их. Однако в воротах комбината машина была задержана и похищенные мешки изъяты. Советский районный народный суд Алма-Аты приговорил Петрова к одному году исправительных работ с удержанием 10 процентов заработка ежемесячно в доход государства.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

НАШИ КОНСУЛЬТАЦИИ

Комиссии по делам несовершеннолетних

Конституция СССР 1977 года возлагает на граждан нашей страны обязанность заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества.

Однa из серьезных задач партийных и государственных органов, различных общественных организаций — предупреждение правонарушений несовершеннолетних. И тут большая роль принадлежит комиссиям по делам несовершеннолетних.

Эти комиссии создаются при Советах Министров союзных и автономных республик, при исполнительных комитетах районных, городских, окружных, областных, краевых Советов народных депутатов. В порядке исключения, с разрешения исполкома областного, краевого Совета или Президиума Верховного Совета автономной республики, комиссии могут быть созданы при испол-

комах поселковых Советов, находящихся на значительном расстоянии от районных центров.

К участию в работе комиссий широко привлекается общественность: профсоюзные и комсомольские активисты, члены родительских комитетов при школах, представители добровольных народных дружин, уличных и домовых комитетов. Из числа активистов выделяют общественных инспекторов и общественных воспитателей по работе среди несовершеннолетних.

Комиссии по делам несовершеннолетних взаимодействуют с постоянными комиссиями Советов народных депутатов, и прежде всего — с комиссиями по делам молодежи и по социальной законности и охране общественного порядка. Поддерживаются контакты с органами юстиции, прокуратуры, внутренних дел, судами.

Главные задачи комиссий —

это предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; устройство подростков и охрана их прав; координация усилий государственных органов и общественных организаций в данной области; рассмотрение дел о правонарушениях несовершеннолетних; контроль за условиями содержания и воспитанием подростков в учреждениях МВД СССР и специальных воспитательных учреждениях

Расскажем главным образом о том, как выполняют эти задачи районные (городские) комиссии — основное звено в системе комиссий по делам несовершеннолетних.

Районные (городские) комиссии объединяют и координируют усилия органов и учреждений народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, культуры, внутренних дел, других учреждений, предприятий и организаций, на которые возложены обязанности по воспитанию детей и подростков. Чтобы предупреждать правонарушения, комиссии — как непосредственно, так и с привлечением соответствующих государственных органов и общественности, — организуют культурный досуг детей и подростков, помогают наладить воспитательную работу на предприятиях, в школах, профессионально-технических училищах, общежитиях.

Районные (городские) комиссии совместно с органами народного образования, профессионально-технического обучения, социального обеспечения, милиции и при активном участии общественности выявляют и берут на учет несовершеннолетних: оставшихся без родителей; имеющих родителей или лиц, их заменяющих, которые, однако, не обеспечивают нор-

мальных условий для воспитания детей; оставивших школу и не работающих, а также других, нуждающихся в помощи. Таких детей и подростков комиссии устранивают в школы, детские дома и другие воспитательные учреждения, в семьи трудящихся для установления опеки, попечительства или для усыновления. Несовершеннолетние могут быть также направлены в профессионально-технические учебные заведения или на работу.

Подчеркнем, что из общеобразовательной школы или другого учебного заведения несовершеннолетний может быть исключен только с согласия районной (городской) комиссии.

Администрация предприятий, организаций обязана соблюдать режим и условия работы, установленные законодательством для подростков, создавать для них необходимые материально-бытовые условия, вести с ними воспитательную работу, заботиться об их производственном обучении. Контроль за тем, как все это практически осуществляется, возложен на комиссии.

Предусмотрено такое правило: лиц моложе 18 лет администрация может уволить по своей инициативе не только с соблюдением общих норм трудового законодательства, но, кроме того, лишь с согласия районной (городской) комиссии по делам несовершеннолетних. А если подросток подал заявление с просьбой освободить его от работы по собственному желанию? Тогда администрация обязана сообщить об этом в трехдневный срок в комиссию. И та обязательно разбирается, по какой причине подано заявление, а затем либо принимает меры к тому, чтобы оставить несовершеннолетнего

на прежней работе, либо трудоустраивает его на другом месте.

Комиссии наделены широкими полномочиями. Они постоянно контролируют воспитательную работу, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение, условия содержания и организацию труда в находящихся на территории района (города) специальных учебно-воспитательных учреждениях, воспитательно-трудовых колониях, инспекциях по делам несовершеннолетних. Проверяется постановка воспитательной работы с детьми и подростками в общеобразовательных школах и других учебных заведениях, культурно-просветительных учреждениях, жилищно-эксплуатационных конторах, домоуправлениях, а также на предприятиях и в организациях, где трудятся несовершеннолетние.

Комиссии имеют право требовать необходимые им сведения от администрации предприятий и учреждений, заслушивать на своих заседаниях сообщения администрации по вопросам, связанным с воспитанием подростков.

Комиссии ведут личный прием несовершеннолетних, рассматривают их жалобы и заявления. Для обеспечения трудоустройства несовершеннолетних входят в исполкомы соответствующих Советов народных депутатов с представлениями о выделении определенного числа рабочих мест в счет брони, установленной законодательством.

Одно из эффективных средств предупреждения правонарушений — рассмотрение районными (городскими) комиссиями конкретных дел об антиобщественных поступках, общественно опасных действи-

ях и некоторых преступлениях несовершеннолетних.

Например, комиссия рассматривает дела о лицах, совершивших в возрасте до 16 лет мелкое хулиганство или в возрасте до 18 лет мелкую спекуляцию и другие административные нарушения. Может быть рассмотрено и дело о мелком хулиганстве, совершенном в возрасте от 16 до 18 лет, если начальник органа милиции или народный судья с учетом личности нарушителя и характера проступка найдет целесообразным передать материалы в комиссию.

Районная (городская) комиссия имеет право применять к несовершеннолетним такие меры воздействия: обязать извиниться перед потерпевшим публично или в иной форме; вынести предупреждение; объявить выговор или строгий выговор; передать нарушителя под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо под надзор общественного воспитателя; передать виновного на поруки коллективу, общественной организации по их ходатайству.

Подростка, достигшего 15 лет и имеющего самостоятельный заработок, комиссия вправе обязать возместить причиненный материальный ущерб, если он не превышает 20 рублей, или устранить этот ущерб своим трудом. На виновного, достигшего 16 лет и имеющего заработок, можно наложить штраф в случаях и в размерах, предусмотренных общесоюзным и республиканским законодательством, решениями местных Советов народных депутатов и их исполкомов.

Комиссия может направить подростка в специальное лечебно-воспитательное учреждение.

Если подросток совершит общественно опасные действия или будет систематически и

злостно нарушать правила общественного поведения, его могут поместить в специальное учебно-воспитательное учреждение. Несовершеннолетний в возрасте от 11 до 14 лет может быть направлен в специальную школу, а в возрасте от 14 до 18 лет — в специальное профессионально-техническое училище. Эту меру воздействия комиссия может применить и условно — с годичным испытательным сроком.

Комиссия полномочна также вносить в орган опеки и попечительства предложения об ограничении или лишении несовершеннолетнего в возрасте от 15 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своим заработком или стипендией.

Комиссиям предоставлено право применять меры воздействия к родителям и заменяющим их лицам, если они злостно не выполняют обязанности по воспитанию и обучению детей, а также за доведение несовершеннолетних до состояния опьянения, за употребление несовершеннолетними наркотических веществ без назначения врача. Предусмотрены такие меры: общественное порицание; возложение обязанности возместить причиненный несовершеннолетним ущерб, не превышающий 20 рублей; штраф до 30 рублей.

Комиссии могут передавать дела о родителях или лицах, их заменяющих, в товарищеский суд. Комиссии вправе также обращаться в районный (городской) народный суд с заявлениями об ограничении дееспособности родителей, о лишении их родительских прав, о выселении из квартир лиц, лишенных родительских прав или создающих невозможные условия для совместного проживания с ними детей, по основаниям, предусмотренным законом.

Комиссии входят в соответствующие государственные органы или общественные организации с представлениями о привлечении к ответственности лиц, которые создают условия для совершения подросткам правонарушений, подстрекают или вовлекают их в преступления.

Комиссии принимают по вопросам, отнесенным к их компетенции, постановления, которые обязательны для государственных учреждений, предприятий, общественных организаций, должностных лиц и граждан. Причем учреждения, предприятия, организации и должностные лица обязаны в двухнедельный срок сообщить комиссии о мерах, принятых во исполнение ее постановления.

Полномочия комиссий, их права и обязанности изложены в этой консультации в соответствии с Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1967 года (позднее в него внесены некоторые изменения и дополнения). В других союзных республиках действуют аналогичные положения.

Е. НОВИКОВ,
юрист

ЧИТАТЕЛЬ НА ПРИЕМЕ У ЮРИСТА

На вопросы читателей отвечают юристы Е. Андреев, Е. Евдокимова и М. Карышев.

В. Завьялова из Курска просит рассказать о льготах, установленных для участников Великой Отечественной войны из числа вольнонаемного состава Вооруженных Сил СССР.

Льготы, установленные постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1978 года № 907 (СП СССР, 1978, № 27, ст. 164) для участников Великой Отечественной войны из числа военнослужащих и партизан, распространены на лиц вольнонаемного состава Советской Армии, Военно-Морского Флота, войск и органов Министерства внутренних дел СССР и Комитета государственной безопасности СССР, занимавших штатные должности в воинских частях, штабах и учреждениях, входивших в состав действующей армии в период Великой Отечественной войны либо находившихся в этот период в городах, участие в обороне которых засчитывается в выслугу лет для назначения пенсии на льготных условиях, установленных для военнослужащих частей действующей армии.

Постановлением от 10 ноября 1978 года установлены следующие льготы:

— 50-процентная скидка со стоимости проезда один раз в год (туда и обратно) железнодорожным транспортом, а в районах, не имеющих железнодорожного сообщения,— водным, воздушным или междугородным автомобильным транспортом;

— право на получение беспроцентной ссуды на индивидуальное жилищное строительство в порядке, предусмотренном для инвалидов Отечественной войны;

— право на использование очередного отпуска в удобное для них время, а также на получение дополнительного отпуска без сохранения заработной платы сроком до двух недель в году;

— право пользования при выходе на пенсию поликлиниками, к которым они были прикреплены в период работы;

— преимущественное право на обеспечение по месту работы путевками в санатории, профилактории и дома отдыха, а также на прием в садоводческие товарищества (кооперативы), на установку телефона.

Лицам вольнонаемного состава льготы предоставляются на основании удостоверений, которые выдаются Министерством обороны, Министерством внутренних дел СССР и Комитетом государственной безопасности СССР.

Решения о праве лиц вольнонаемного состава на эти льготы принимаются специальными комиссиями, создаваемыми Министерством обороны, Министерством внутренних дел СССР и Комитетом государственной безопасности СССР, на основании документов, подтверждающих их работу в воинских частях, штабах и учреждениях действующей армии.

Распространение льгот, о которых идет речь, на вольнонаемный состав действующей армии предусмотрено постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 27 февраля 1981 года № 220 (СП СССР, 1981, № 12, ст. 70).

Г. Уфимцева из Саратова и П. Павлова из Москвы интересуется, предоставляются ли льготы участникам Великой Отечественной войны при вступлении в садоводческие товарищества.

Неработающим участникам Великой Отечественной войны и других боевых операций по защите СССР из числа военнослужащих, проходивших службу в воинских частях, штабах и учреждениях, входивших в состав действующей армии и партизан, а также ветеранам Вооруженных Сил СССР — неработающим пенсионерам из числа лиц офицерского состава, безупречно прослуживших на военной службе не менее 25 календарных лет, уволенных с действительной военной службы по возрасту, болезни, сокращению штата или ограниченному состоянию здоровья, предоставлено право на вступление в организуемые садоводческие товарищества (кооперативы), независимо от их ведомственной принадлежности.

Прием этих лиц в садоводческие товарищества (кооперативы) производится по представлениям исполкомов городских (районных) Советов народных депутатов в пределах 10 процентов количества членов садоводческого товарищества.

К. Будаев из Кемеровской области спрашивает, вправе ли администрация не оплатить работнику время, в течение которого он был в суде как свидетель, если этот работник не получил у своего начальника разрешения уйти с работы в связи с вызовом в суд.

Закон четко определяет права и обязанности свидетеля. Первейшая его обязанность — вовремя явиться по вызову следователя, прокурора, суда. В случае неявки без уважительных причин свидетель может быть доставлен приводом.

Согласно статье 106 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (и соответствующим статьям УПК других союзных республик), свидетелю сохраняется средний заработок по месту его работы за все время, затраченное им в связи с вызовом к следователю, прокурору или в суд. Администрация не вправе лишать работника среднего заработка за это время.

Законом не предусмотрено, чтобы работник, вызванный свидетелем, обращался к администрации за разрешением явиться в орган следствия или суд. Целесообразно, однако, предупредить заранее администрацию о вызове в качестве свидетеля, если есть возможность (а она обычно есть — повестки посылаются заблаговременно). Это позволит администрации заменить — при необходимости — отсутствующего работника, чтобы не нарушать производственный процесс.

В. Парамонова из Алтайского края просит разъяснить, обязательно ли присутствие обоих супругов при регистрации расторжения брака в органе загса, если они оба согласны на это, и как взыскивается в этих случаях государственная пошлина.

Регистрация расторжения брака между супругами, не имеющими несовершеннолетних детей, производится в органе загса на основании их совместного заявления об этом, как правило, в их присутствии. Регистрация расторжения брака может быть произведена в таких случаях и в отсутствие одного из супругов, если он по уважительным причинам (например, из-за болезни) не может явиться в орган загса и от его имени будет представлено надлежащим образом заверенное заявление, подтверждающее его согласие на расторжение брака.

За регистрацию расторжения брака в органах загса в этих случаях взыскивается государственная пошлина в размере 50 рублей. Вопрос о том, как распределить эту сумму между супругами, решают сами супруги.

Н. Белова из Красноярска спрашивает, с какого времени считается прекращенным брак, расторгнутый по решению суда.

Брак, расторгнутый судом, считается прекращенным со времени регистрации развода в книге регистрации актов гражданского состояния по требованию супругов или одного из них (статья 40 Кодекса о браке и семье РСФСР и соответствующие статьи КоБис других союзных республик).

Развод регистрируется в органе загса на основании заявления обоих или одного из супругов по представлении копии решения суда (либо выписки из него) о расторжении брака и квитанции об уплате установленной судом суммы государственной пошлины.

До регистрации расторжения брака в актовой книге загса брак не считается юридически прекращенным, несмотря на судебное решение, и по-прежнему порождает все правовые последствия, в частности является препятствием для вступления любого из супругов в новый брак.

А. Гришаева из Вологды интересуется, какие меры поощрения предусмотрены законодательством за активную работу в товарищеских судах и кто их применяет.

Председатели, заместители председателей, секретари и члены товарищеских судов, принимающие активное участие в рассмотрении дел и проведении профилактической работы в коллективах трудящихся, могут быть поощрены: объявлением благодарности; награждением Почетной грамотой, ценным подарком или денежной премией; предоставлением дополнительного оплачиваемого отпуска сроком до трех дней; предоставлением льготной путевки в санаторий или дом отдыха.

Перечисленные меры поощрения применяются исполнительным комитетом местного Совета народных депутатов, фабричным, заводским, местным комитетом профсоюза или, по их представлению, администрацией предприятий, учреждений, организаций.

Это предусмотрено Положением о товарищеских судах, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 года. Аналогичные нормы, касающиеся поощрения за активное участие в работе товарищеских судов, предусмотрены и законодательством других союзных республик.

И. БЛИЩЕНКО,
доктор юридических наук,
профессор,
Н. ЖДАНОВ,
кандидат юридических наук

ТАК КТО ЖЕ НАПРАВЛЯЕТ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ?

В январе 1981 года президент Италии А. Пертини, выступая по французскому телевидению, ничтоже сумняшеся заявил, будто так называемые «красные бригады» «управляются»... из Советского Союза. Эта ложь была тут же разоблачена в итальянском парламенте, который обсуждал вопрос о «возможных связях итальянских террористов с заграницей». Были доказаны международные связи итальянских террористов с правой французской организацией «аксьон директ», с западногерманскими анархистами, с промаоистскими «леваками» и масонскими ложами Италии, Соединенных Штатов Америки и других стран. Обнаружить «руку Москвы» итальянскому министерству внутренних дел не удалось ни в одном террористическом акте «красных бригад».

Тем не менее 28 января 1981 года в эту провокационную кампанию включился государственный секретарь США А. Хейг, прямо заявивший, что Советский Союз «подготавливает, финансирует и оснащает международный терроризм». В дальнейшем А. Хейг не раз повторял этот досужий вымысел.

И это далеко не первая попытка мировой реакции обвинить Советский Союз в мнимых связях с «международным терроризмом».

КОММУНИСТЫ ПРОТИВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ТЕРРОРА

Вся история коммунистического движения говорит о последовательном и решительном неприятии коммунистами террора в качестве метода революционной борьбы. Тем более террора, носящего международный характер, что прямо связано с осуждением марксизмом-ленинизмом экспорта революции и контрреволюции. Коммунисты всегда исходили и исходят из того, что насилие возникает только там, где реакция и империализм поддерживают режим угнетения, эксплуатации и репрессий. И, как писал еще Ф. Энгельс, «когда нет реакционного насилия, против которого надо бороться, то не может быть и речи о каком-либо революционном насилии».

Будучи юношей, еще не вступившим на путь революционной борьбы, В. И. Ленин, будущий вождь мирового пролетариата, решительно отверг народовольческую тактику индивидуального террора:

— Мы пойдем другим путем...

Терроризм как форма политической борьбы — это явление, присущее реакционным, фашистским, расистским, левацким и анархическим группировкам. Критикуя эсеровскую тактику террора, В. И. Ленин писал: «Социал-революционеры наивно не замечают того, что их склонность к террору связана самой тесной причинной связью с тем фактом, что они с самого начала стали и продолжают стоять в стороне от рабочего движения». Когда есть и действуют, говорил он, «вулканы революционного возмущения в рабочих массах, как нелепы и претенциозно смешны точки зрения об искусственном возбуждении, агитации, дезорганизации посредством выступлений».

В. И. Ленин связывал террористические акты с отсутствием поддержки масс, с условиями отчаяния и маловерия.

Можно вспомнить сегодня историю национально-освободительной борьбы индийского народа против английских колонизаторов. В 20-х годах в Индии террористические методы были популярны среди молодежи, и такие организации, как Социалистическая республиканская ассоциация во главе с Бхагат Сингхом, Читтагонская республиканская армия и ряд других, активно использовали индивидуальный террор как метод борьбы против колониализма.

Когда в 1929 году Б. Сингхом и его товарищами была брошена бомба в Законодательном собрании, коммунисты выступили с заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Мы не верим в террористические акты, хотя питаем большое уважение к террористам, которые жертвуют своей жизнью за свободу. Удаление нескольких плохих чиновников не может удалить всей системы эксплуатации и угнетения».

В ту же эпоху (точнее, в 1925 году) огромное впечатление на борцов национально-освободительных движений на полуострове Индостан произвело обращение Коммунистического интернационала молодежи (КИМ) к Бенгальской революционной организации молодежи. Там, в частности, отмечалось, что «индивидуальный террор не может служить средством освобождения индийского народа, так как, во-первых, террористический акт, направленный против определенного лица, не устраняет систему в целом, во-вторых, террор отвлекает от основных задач организации и революционного просвещения масс».

В наши дни коммунистическое и рабочее движение ни на йоту не отошли от этой принципиальной позиции марксизма-ленинизма.

Когда в ноябре 1963 года был убит президент США Д. Кеннеди, реакцией была предпринята попытка обвинить в этом коммунистов. Коммунистическая партия США решительно отвергла подобную клевету, заявив, что «такие акты насилия и террора диаметрально противоположны политике и программе коммунистической партии».

В дальнейшем оказалось, что следы убийц, как ни заматали их участники этого «заговора века», вели в ЦРУ, ФБР, к боссам американской мафии, главарям контрреволюционной кубинской эмиграции...

Один из руководителей коммунистов Аргентины Орестес Гиольди в вышедшей совсем недавно работе «Против кампании, вводящей

в заблуждение» пишет, что «ультралевый терроризм не является методом революционной борьбы и, как свидетельствуют факты, только льет воду на мельницу правого терроризма».

В книге аргентинского же публициста Фернандо Надры «Размышление о терроризме» есть такая не оставляющая никакого места для кривотолков фраза: в «действительности террор как метод не имеет ничего общего с марксизмом... Это антипод нашего научного учения о мире, обществе и революции... Террорист есть террорист, а марксист-ленинец есть марксист-ленинец. Они диаметрально противоположны в идейно-политическом плане».

Даже в условиях чрезвычайно тяжелых для демократических сил в Чили (в 1973 году) Коммунистическая партия Чили в обращении к чилийскому народу подчеркивала: «Коммунисты не встанут на путь индивидуального террора. Как всегда, мы будем делать упор на организацию, на единство и на борьбу масс, на постоянное повышение их политической сознательности».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ — ОРУДИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА

Особенность сегодняшнего момента — это активное использование террористических акций империализмом, и, в частности, такими специальными службами, как ЦРУ США. Итальянский журнал «Панорама» еще в 1978 году писал: «Из США в адрес христианско-демократической партии были направлены открытые предупреждения не включать компартию в правительственное большинство. Но ХДП на это пошла, и Моро, именно Моро, осуществил это». Как известно, Моро был убит. Журнал продолжал: «ЦРУ является единственной разведывательной службой, прямое вмешательство которой в итальянскую политику было доказано американским конгрессом, а ее насильственные и кровавые акции с целью изменения внутриполитической обстановки широко продемонстрированы в других странах — от Греции до Чили». Разоблачения, которые имели место в связи с вмешательством США во внутренние дела Чили, дали много примеров политики террора, организуемой и проводимой ЦРУ на территории Чили. Бывший сотрудник американского центра исследований национальной безопасности США Джон Маркс писал: «На протяжении последних 35 лет наше правительство регулярно использовало терроризм в качестве орудия внешней политики». И администрация Рейгана уже официально возвела экспорт контрреволюции и террора в ранг государственной политики США.

На территории Аргентины фашистскими бандами были убиты чилийский генерал-антифашист Карлос Пратс, бывший президент Боливии генерал Хуан Хосе Террес, бывшие депутаты парламента Уругвая Гутьерс Руис, Микелини, ряд парагвайских демократов.

Интернационализация террористической деятельности империализма основывается на концепции, которая достаточно определенно изложена в так называемом «Конфиденциальном учебнике» вооруженных сил США и послужила в 1973 году руководством чилийским фашистам к действию. В этом учебнике, в частности, говорится, что гарантией успеха переворота и ликвидации неугодного правительства является крайнее насилие в отношении народных сил, применение массовых облав, налетов, любых, даже самых жестоких средств в целях устрашения народа, создания у него своего рода

шока. Член военно-фашистской хунты Чили генерал Густаво Ли прямо публично заявлял, что необходимо было бы «перебить треть из 10 миллионов чилийцев, чтобы покончить с марксизмом».

Такой же вывод могла бы сделать нынешняя салвадорская хунта, вдохновителем и соучастником преступлений которой является Вашингтон.

Методы терроризма империализм постоянно применяет и на африканском континенте. В скорбном списке героев борьбы за свободу Африки, ликвидированных агентами ЦРУ, стоят имена П. Лумумбы, Э. Мондлане, А. Кабрала... На счету ЦРУ свержение правительства К. Нкрумы в Гане, засылка террористических банд в Анголу, поддержка агрессии против Эфиопии. Недавно разоблачен заговор ЦРУ против жизни президента Народной Республики Мозамбик С. Машела и других руководителей этой страны. Всего же агенты ЦРУ работают под «крышей» посольств США в 40 странах Африки!

В Африке США являются не только союзником, но и партнером расистов ЮАР. Эти две страны совместно осуществляют террор против цветного населения ЮАР, уничтожают патриотов Намибии, вторгаются в соседние с ЮАР страны.

В самых широких масштабах терроризм практикуется Израилем и международным сионизмом. Убийства потенциальных вожаков арабского населения Израиля; покушения на выборных представителей палестинского населения оккупированных Израилем арабских территорий; охота за палестинскими руководителями в странах Западной Европы, Америки, Азии; бесчинства сионистских террористов по отношению к советским дипломатам и другим представителям СССР за рубежом; террористические действия израильской военной против народа Ливана — таковы реальные дела сионизма.

Виновниками насилия и сеятелями терроризма являются и неофашисты всех мастей, которые используют монополистическим капиталом с тем, чтобы путем террора сбить накал нарастающих классовых битв, деморализовать трудящиеся массы, остановить процесс окончательной ликвидации империализма. Об руку с ними действуют подыгрывающие реакции анархо-левацкие террористические группы, не имеющие ничего общего ни с коммунистическим, ни с рабочим, ни с национально-освободительным движениями. Как пишет и сама буржуазная печать, вылазки, скажем, итальянских и португальских террористов, выступающих под маской ультралевых, на самом деле инспирируются и финансируются крайне правыми.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Клеветнические выпады лидеров империалистических стран, в первую очередь представителей администрации президента США Р. Рейгана, расценены мировой общественностью как новая провокация, которая призвана занять главное место, в частности, в американской политике по отношению к СССР. Она преследует сразу несколько целей. Во-первых, ее инициаторы пытаются опорочить миролюбивую политику Советского Союза, приписать ему то, чего нет, поскольку СССР всегда и последовательно выступал против террора во всех его формах и проявлениях.

Во-вторых, они стремятся извратить сущность национально-освободительного движения, навесить ему ярлык «международного

терроризма» и, следовательно, помощь ему со стороны прогрессивных государств квалифицировать как поддержку «международного терроризма». В-третьих, под предлогом борьбы с «международным терроризмом» они хотели бы развязать себе руки для вмешательства во внутренние дела других государств, прежде всего тех, где реакционные и фашистские режимы рушатся под нажимом народных масс.

Еще в 1972 году на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН обсуждался вопрос о «международном терроризме». В повестке дня Генеральной Ассамблеи он был сформулирован так: «Меры по предотвращению международного терроризма, который угрожает жизни невинных людей, или приводит к их гибели или ставит под угрозу основные свободы, и изучение коренных причин этих форм терроризма и актов насилия, проистекающих из нищеты, безысходности, бед и отчаяния и побуждающих некоторых людей жертвовать человеческими жизнями, включая и свои собственные, в стремлении добиться радикальных перемен».

Различия в позициях государств в отношении террора, широта формулировки этого пункта повестки дня привели к тому, что на XXVII сессия, ни последующая XXVIII сессия не смогли выработать конкретные меры борьбы с террористическими актами, ставящими под угрозу нормальный ход международных отношений. Специальный комитет, созданный на основании резолюции Генеральной Ассамблеи № 3034/XXVII от 18 декабря 1972 года, также не смог представить XXVIII сессии ни одного рабочего документа.

Тем более что представители империалистических государств попытались распространить понятие «международный терроризм» на национально-освободительную борьбу и на различные формы классово-борьбы трудящихся за свои права. Очевидно, это была попытка с негодными средствами.

13 января 1978 года бывший Государственный секретарь США Г. Киссинджер в интервью по программе Эн-Би-Си прямо пытался возложить на коммунистов ответственность за действия террористов в ФРГ, Италии, других странах. Он говорил: «Кто-то явно финансирует и обучает их, и коммунистический мир, несомненно, принимает в этом участие».

А некто Мариано Грондона в статье «Новая война» в мексиканском журнале «Визион» свалил в кучу «хиппи, наркоманов», террористов всех оттенков, «подрывные элементы» в Латинской Америке и на юге Африки, членов Ирландской республиканской армии (ИРА), палестинских отрядов освобождения без всяких ограничений, даже договорился до того, что все они, якобы, направляются Советским Союзом.

Истории известно немало провокаций, целью которых было опорочить отдельные отряды борцов за национальное и социальное освобождение.

Вспомним хотя бы серию убийств и диверсий на железных дорогах Японии в те годы, когда эта страна служила оперативным тылом американской армии, вторгшейся в Корею. Чтобы покончить с антиамериканским и антивоенным движением в Японии, агенты ЦРУ совершили ряд кровавых террористических актов, ставших поводом для репрессий против японских коммунистов и всех демократических сил страны.

В 1977 году прокатилась очередная серия террористических актов в Западной Германии. Террористы убили генерального проку-

рора ФРГ З. Бубука, председателя правления банка «Дрезденер банк» Ю. Понто и, наконец, выкрали западногерманского промышленника Г. М. Шлейера. В самой тесной связи с этими террористическими акциями оказалось похищение пассажирского самолета авиакомпании «Люфтганза», на борту которого находились 91 человек.

Командир корабля Ю. Шуман сообщил по радио, что воздушные пираты, якобы арабы по национальности, предъявили те же требования, что и «команда имени Хаузнера», захватившая Шлейера,— освобождение 11 осужденных участников анархо-террористического подполья во главе с их вожаком Баадером и выплата 15 миллионов долларов выкупа. Воздушные пираты именовали себя «организацией борьбы против мирового империализма».

Предводитель воздушных пиратов, назвавший себя Вальтером Мохамедом, потребовал вывезти на обмен заключенных террористов из ФРГ в одну из трех стран — Сомали, южный Йемен или Вьетнам. Но правительства этих стран категорически отказались их принять. Советский Союз и ГДР, руководствуясь соображениями гуманности, выразили готовность выступить в интересах ФРГ перед правительством Народной Демократической Республики Йемен в случае необходимости.

На аэродроме Ларнака (Кипр), куда приземлился самолет, представитель Организации освобождения Палестины (ООП) предложил террористам освободить заложников. В ответ на это вожак террористов на плохом арабском языке разразился в микрофон истерической бранью... в адрес ООП. А ведь западногерманская пресса в те дни твердила о связи ООП с терроризмом вообще и этим пиратским актом, в частности.

В Могадишо, где самолет совершил очередную посадку, с согласия президента Сомали С. Барре была проведена операция по освобождению заложников. Прибывшее туда из ФРГ специальное подразделение штурмом взяло самолет. Террористы были обезврежены.

Характерно, что тотчас в Штамхеймской тюрьме (земля Баден-Вюртемберг, где многие годы у власти бессменно стоит партия ХДС, бывший лидер которой Фильбингер громче других требовал принятия все новых антидемократических репрессивных законов), главари анархо-синдикалистского подполья А. Баадер, Я. К. Распе и Г. Энаин покончили жизнь самоубийством. Это произошло в тюрьме, где их содержали в строжайшей изоляции. Тем не менее в их камерах были обнаружены в тайниках огнестрельное оружие, взрывчатка, аппаратура для радиоперехвата и внутренней связи и еще многое другое.

Нужны ли иные доказательства сговора между анархо-террористическим подпольем в ФРГ и крайне правыми силами, рвущимися к власти в этой стране?

В 1980 году вспышки терроризма наблюдались в разных капиталистических странах, и везде можно проследить переплетение правого и левого терроризма, по существу объединившихся против демократии и социального прогресса. В частности, в Италии и Турции терроризм стал обычным явлением внутривластной жизни. В 1980 году, например, многие месяцы 20 из 67 вилайетов Турции находились на военном положении, там были введены различные меры безопасности, вплоть до комендантского часа. Однако сбить волну террора не удавалось.

За первые шесть месяцев 1980 года печать писала об убийстве 1700 человек. Причем жертвами террористов в основном стали члены таких демократических организаций, как Рабочая партия Турции, Социалистическая рабочая партия, Конфедерация революционных рабочих профсоюзов (ДНСК), представители прогрессивных слоев интеллигенции и студенчества.

Хотя полиция редко «обнаруживала» преступников, в Турции широко известно, что вдохновителями и организаторами террора всегда были правые силы. Молодчики — так называемые «командос» и «серые волки», — объединенные в прошедшие специальную подготовку военизированные отряды, находящиеся в подчинении неофашистского толка Партии националистического движения, являясь главной ударной силой терроризма. 3 июня 1980 года лидер Народно-республиканской партии (НРП) Б. Эджевит на пресс-конференции отмечал, что ультраправые силы держали под ружьем 200 тысяч человек.

В конце мая 1980 года при загадочных обстоятельствах был убит один из деятелей Партии националистического движения Г. Сазак. И, как по команде, в стране была развернута серия хорошо организованных террористических действий, сопровождаемых убийствами, грабежами магазинов, банков, налетами на государственные учреждения и демократические организации.

Характерно, что в эту волну терроризма активно включились различного рода экстремисты левацкого, маоистского и троцкистского толка, прикрывающие свои безответственные акции фразами «истинных революционеров». Вполне очевидно, что реакционные круги сразу же попытались использовать авантюристические акции маоистов с тем, чтобы взвалить ответственность за беспорядки на неугодные им демократические организации, усилить против них репрессии. В законодательство под предлогом усиления борьбы с терроризмом были внесены поправки, серьезно ущемляющие демократические права и свободы. Турецкий еженедельник «Юрююш» имел поэтому все основания писать, что цель терроризма предельно ясна — подорвать национально-демократическое движение и открыть путь к власти тем реакционным силам, которые потопили бы в крови борьбу турецкого народа за свободу и мир, против участия страны в НАТО и авантюрах международного империализма.

ЧТОБЫ ПОКОНЧИТЬ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Реакционная печать разных стран усиливает кампанию запугивания обывателя, рассказывая о «войнах и партизанских выступлениях», которые марксисты-ленинцы будто бы «продолжают вести в мире». Все время делаются попытки поставить их на одну доску с маоистами, троцкистами из пресловутого «четвертого Интернационала» и ультралевыми всех оттенков с тем, чтобы сделать вывод о существовании некоего глобального заговора, имеющего целью «навязать марксистско-ленинскую идеологию посредством террора».

Но факты — упрямая вещь. И что бы ни писали и ни заявляли буржуазные дельцы от науки и политики, им никогда не удастся бросить тень на глубоко гуманистическую позицию коммунистов, последовательно выступающих против террора, последовательно проводящих политику сотрудничества государств в борьбе против

международного терроризма на основе общепризнанных принципов и норм международного права.

Марксисты-ленинцы считают, что любая разумная антитеррористическая политика должна сопровождаться осуществлением серии соответствующих мер, направленных на разрешение острых экономических, социальных и политических проблем, от которых страдают народы. Успех этой политики в немалой степени будет зависеть и от готовности государств сотрудничать в работе по предотвращению террористических актов международного характера, преследуя и наказывая лиц, виновных в их совершении.

Очевидно, что борьба против международного терроризма требует последовательных действий всех государств. Поэтому, когда США, с одной стороны, вдруг выступают соавтором резолюции, осуждающей воздушное пиратство, а с другой — берут под защиту уголовных преступников Бразинскасов, убивших бортпроводницу Н. Курченко, тяжело ранивших двух членов экипажа и угнавших советский самолет в Турцию, то такая позиция США создает серьезные препятствия на пути выработки и осуществления эффективных мер по борьбе с терроризмом. Очевидно также, что возможные юридические меры против терроризма должны прежде всего охватывать те формы и виды международного терроризма, по которым еще нет международно-правового регулирования, и при всех обстоятельствах исключить возможность такого толкования «международного терроризма», которое могло бы применяться к национально-освободительным движениям, сопротивлению агрессору на оккупированных им территориях и борьбе трудящихся против эксплуататоров.

Должны быть приняты во внимание прежде всего преднамеренные акты насилия и акты насилия, направленные против иностранных граждан, в том случае, если они совершаются по политическим мотивам. Следует обратить первостепенное внимание на то, что может вызвать ухудшение отношений между государствами. В этом смысле принципиальное значение в борьбе против терроризма имеет выдача преступников для суда в том государстве, против которого совершено тяжкое преступление.

Сотрудничество народов и государств должно способствовать, наконец, разоблачению и изоляции тех агрессивных и реакционных сил, которые сделали терроризм инструментом своей политики.

Вот реальный путь к скорому и полному освобождению человечества, международных отношений от посягательств и угроз международного терроризма.

ПЛАВУЧИЙ МАЯК

На беззвездной черноте горизонта виднелись огни приближающегося судна, они медленно перемещались все выше, поднимаясь, будто перископ всплывающей подводной лодки, постепенно, с трудом, так, что, казалось, судно всплывает со дна морского. Луч плавучего маяка протянулся ему навстречу, как указующая рука, погас и снова вспыхнул.

— Видят они нас оттуда? — спросил доктор Каспари.

— Мы для них ориентир, — сказал Фрайтаг. — Они видят нас с расстояния пятнадцати морских миль.

— Значит, мы их направляем.

— Их направляет сигнал маяка, — сказал Фрайтаг.

— Прекрасно, — сказал доктор Каспари, — я вас понял. Другие суда ориентируются по сигналу, который вы подаете. Им безразлично, кто на борту, лишь бы получить ваш сигнал, по которому они определяют курс. Пока на этой башне вспыхивает свет, команды на других судах спокойны, полагая, что на море, стало быть, царит порядок. Так ведь?

— Да, — ответил Фрайтаг, — примерно так.

— Значит, другим нет дела до того, кто подает им сигнал?

— Они получают нужный сигнал, — сказал Фрайтаг, — сигнал, который проведет их мимо банок в порт, — остальное их не касается.

— Превосходно, — сказал доктор Каспари, — тогда другим должно быть все равно, если они получат сигнал не от вас, а от моих людей.

— Что вы задумали?

— Ничего. Я просто пытаюсь уяснить себе, пытаюсь представить все значение того, что другие ожидают от вашего плавучего маяка лишь сигнал и ничего больше. А кто позаботится о сигнале — им безразлично.

— Пока курс точен и обеспечена безопасность, это может им быть безразлично.

— А если курс вдруг перестанет быть точным, если сигнал неожиданно переменит место, тайно, без извещения — что они станут делать? Вероятно, то, к чему привыкли: примут сигнал, по нему ориентируются и, не меняя скорости, врежутся в мель. Лишь сев на киль, они заметят, что упустили кое-что: не поинтересовались теми, кто обеспечивает сигнал.

— На то мы здесь, — сказал Фрайтаг, — и там знают, что могут на нас положиться. До сих пор мы их безопасно проводили.

— Но теперь вы не одни на борту,— сказал доктор Каспари.

— Это я успел уже заметить,— усмехнулся Фрайтаг.

— Но там-то об этом никому не известно,— сказал доктор Каспари и указал на судно; ярко освещенное, с мерцающей носовой волной, оно все приближалось, чтобы на траверзе пройти мимо.— Сны у нас в руках, и нам требуется сущий пустяк, чтобы послать их на песчаные банки. Они ведь наверняка будут ориентироваться по тьме, что мы им передадим?

— Да,— подтвердил Фрайтаг.— Они будут по этому ориентироваться.

— Это все, что я хотел узнать, капитан. Сигарету?

Фрайтаг пальцем указал на погасший окурок в уголке рта, покачал головой, поднял к глазам бинокль и поглядел на судно. Это был пассажирский пароход с освещенным шкафутом, двумя рядами освещенных иллюминаторов, будто цепочки хрустальных лун, плавно и празднично скользящих мимо в темноте. Пароход уже миновал бакен у потонувшего корабля и шел теперь на траверзе, Фрайтаг различил скрещенные золотые ключи на трубе — эмблему пароходства; различал тени, двигавшиеся за иллюминаторами: женщина расчесывала волосы, матросы стаскивали брезент с носового люка,— и он представил себе, что произойдет, если киль со скрежетом врежется в песок, как содрогнется все судно и винт, бешено хлеща, словно хвостовые плавники выброшенного на берег кита, будет все дальше всгнать его в вязкий грунт; представил себе крики, беготню в коридорах, когда погаснет свет, и затем треск стекла, дерева, снастей и шипение в машинном отделении, откуда донесут, что их заливают. Он опустил бинокль, вложил его в футляр и повернулся к доктору Каспари.

— Пока мы на борту,— сказал он,— другие могут на нас положиться.

— Хорошо, что вы в этом так убеждены,— сказал доктор Каспари.— Вы тем более позаботьтесь, чтобы все оставалось по-старому и нам починили нашу шлюпку.

Фрайтаг закрыл глаза, положил руки на мокрые поручни мостика, молча постоял, словно делая над собой усилие, и немного погодя сказал:

— Что бы ни случилось на этом судне, оно никогда не покинет свой пост. Все может произойти, только не это. Судно останется здесь.

— Все в ваших руках,— сказал доктор Каспари.

Фрайтаг не ответил, перегнулся через поручни мостика и по-мгновенно вниз на палубу, где, вздыхая и шаркая, двигалась какая-то фигура; фигура — в ней Фрайтаг узнал великана с заячьей губой — прешла под ними к штурмтрапу, с секунду постояла, перелезла через борт и скрылась из виду; затем привязанная за фалинь шлюпка гулко ударилась о корпус судна, слышно было, как в нее прыгнули, и Фрайтаг подумал, что сейчас всего двое остались на плавучем маяке: стоящий рядом с ним доктор Каспари и Эдди в кают-компании.

— Это был Ойген,— сказал доктор Каспари,— спустился зачем-то в шлюпку,— и, склонив голову набок, посмотрел на Фрайтага: — Теперь нас только двое на борту: полагаю, вы тоже сейчас об этом подумали, капитан.

— Да, я об этом подумал,— сказал Фрайтаг.

— И что же, решились?

— Решился на что?

— Я безоружен,— сказал доктор Каспари.— Терпеть не могу расхаживать с оттопыренными карманами; к тому же я не отличаюсь физической силой и никогда не был драчуном. За всю свою жизнь мне ни разу не пришлось драться, даже мальчишкой на школьном дворе.

— Прикажете мне за это вас жалеть? — спросил Фрайтаг.— Чего, собственно, вы от меня ждете?

— Чтобы вы поступили как мужчина, ежедневно ведущий бухгалтерию на этом судне.

— Что вы имеете в виду?

— Вы сейчас могли бы позаботиться о том, чтобы лишь один из нас остался на борту: Эдди в кают-компании.

— Послушайте,— сказал Фрайтаг,— я много встречал в своей жизни людей, наблюдал, как они возвышались, становились значимыми, и видел их падение, и мне все в них было понятно, даже то, как они умирали; но вас я никак не пойму. Вы первый, о ком я не знаю что и подумать. Вы не подходите к тем двум. Вы особый случай.

— Вы правы,— ответил доктор Каспари,— и я всегда стремился к такой своей особенности. Все для этого делал.

— И вам это вполне удалось,— сказал Фрайтаг. Вдруг он выхватил бинокль, приставил к глазам и стал смотреть за корму, где на свинцово-сером море, слегка покачиваясь, длинной цепочкой плыли какие-то бумажные прямоугольнички; в предрассветных сумерках они слабо белели у самой поверхности воды, и их медленно несло к берегу — ни дать ни взять бумажные флажки, которые рассыпают на охоте для маркировки следа. Когда вспыхивал огонь плавучего маяка, вода над бумажками искрилась; некоторые, подхваченные водоворотами течения, кружились за кормой, а из тех, что уплыли всех дальше, многие, размокнув, погружались на дно и, погружаясь, все еще тянулись в сторону берега, светясь в темной глубине, как снулая рыба. В брезжущем рассвете покачивающаяся цепочка бумажных прямоугольников далеко растянулась по морю, и Фрайтаг в бинокль прослеживал ее путь туда и обратно, туда и обратно; потом, не опуская бинокля, взглянул уголком глаз на доктора Каспари и увидел, что, облокотясь с подветренной стороны, тот тоже наблюдает качающуюся бумажную процессию.

— Вы видите это? — спросил Фрайтаг.

— Да,— ответил доктор Каспари.

— Что это такое?

— Письма Мои друзья принесли целую сумку писем в шлюпку. По-видимому, Ойген сидит в шлюпке и таким путем их отправляет.

— Если ветер не переменится, они, может быть, уже завтра усеют весь пляж,— сказал Фрайтаг,— или какая-то часть их, по меньшей мере.— И вспомнил о том, что рассказал ему Ретхорн,— о почтальоне, которого один из них пристрелил, и о его пропавшей сумке; и он подумал также, что первый же человек, кто найдет письма на пляже, уж конечно, заподозрит неладное и всем письма покажет, после чего на берегу примут решение выслать поисковые команды в бухту.

— Вы правы,— сказал доктор Каспари. И Фрайтаг испугался, потому что тот снова прочел его мысли.— Если ветер и течение не переменятся, завтра пляж будет усеян письмами, и, вероятно, первый же, кто их найдет, позаботится о том, чтобы поинтересоваться их отправителем.

Доктор Каспари поспешно спустился с мостика, на этот раз Фрай-

таг последовал за ним; они подошли к штурмтрапу, перегнулись через поручни и увидели сидящего на дне шлюпки великана; рядом с ним лежал обрез, а между вытянутыми ногами была навалена груда свертков и писем, которые он брал по порядку, надрывал, распахиwał, как конверт с получкой, и, пошарив внутри указательным и средним пальцем, одним движением запястья швырнул за борт. В некоторые конверты он лишь просовывал пальцы, другие разрывал до конца, разворачивал письмо, поворачивал его так и эдак, и раз прервал свою деятельность, чтобы засунуть что-то в нагрудный карман. Фрайтаг не разглядел, что именно великан спрятал, но понимал, что Ойген ищет банкноты и, по меньшей мере, одну нашел.

Доктор Каспари некоторое время наблюдал за великаном, прежде чем окликнуть и вежливо уговорить больше писем за борт не бросать.

— Это нехорошо, Ойген,— сказал он,— там, на берегу письма найдут и станут искать отправителя, а чтобы добраться сюда, достаточно посмотреть, откуда письма плывут.

Ойген внимательно слушал, а доктор Каспари очень вежливо сверху его убеждал, делал ему комплименты: «Такой человек, как ты, сразу это поймет»,— и в конце концов великан утвердительно кивнул, стал засовывать письма и свертки обратно в почтовую сумку, а затем с сумкой и обрезом взобрался на борт плавучего маяка, где передал письма доктору Каспари.

— Может, это выглядит так, будто мы собираемся открыть почтовое отделение,— сказал доктор Каспари,— но вам нечего опасаться, капитан: здесь, на борту мы не откроем филиала. К тому же у нас нет особого штемпеля, что необходимо в подобном случае.

— Вы за это заплатите,— сказал Фрайтаг.— Все, кто написал эти письма и кто должен был их получить, когда-нибудь предъявят иск.

— Вы ошибаетесь,— сказал доктор Каспари,— почте никто не может предъявлять претензий; что вверено почте, уже не может быть истребовано обратно: мой друг это знает.

Он замолчал, что-то темное прыгало по палубе у самых их ног, так что мужчины невольно расступились, и сразу же они услышали шаги Гомберта и его улещивающий голос.

— Эдит,— звал он,— иди сюда, Эдит, иди сюда!

И пока он, наклонившись, прищелкивая пальцами, приближался, птица подпрыгивала и крутилась у их ног, причем одно ее вяло опущенное подрезанное крыло волочилось по палубе.

— Иди сюда, Эдит, иди сюда,— звал Гомберт, и Ойген, как эхо, повторял: — «Иди, иди» — и подталкивал ворону стволом обреза.

— Это грач,— сказал доктор Каспари.

— Осторожно,— крикнул Гомберт,— не наступите ей на крыло.

Ворона приткнулась между параллельно стоящими ступнями великана, ее расщепленный на конце клюв цвета графита был открыт, а отливающие синевой перья распушились.

— Осторожно,— в свою очередь, предостерег Фрайтаг,— это счень ценная ворона, она умеет говорить.

— Ценность речи в ее содержании,— заметил доктор Каспари.

— Что ж ты умеешь? — спросил великан.— Знаешь наизусть псалмы или можешь рассказать сказку? Валяй, шепни мне что-нибудь на ухо.

— Что она наверняка усвоила, так это справочник «Огни и знаки»,— сказал доктор Каспари.

— Ну иди же, Эдит, иди сюда,— манил ее Гомберт.

Ойген наклонился, медленно опустил руку с расставленными наподобие щипцов пальцами, будто хотел всадить их в шею вороны, как вилку, но прежде чем он коснулся ее, птица выпрямилась, подскочила и вонзила расщепленный клюв в подушечку большого пальца великана, который испуганно отпрянул, вместе с рукой рванул вверх и вцепившуюся в нее ворону. Острый клюв порвал мякоть большого пальца; ворона плюхнулась назад на палубу, вытянула шею, сглотнула и, хорошенько отряхнувшись, спокойно села.

Ойген уставился на свою кровоточащую руку, удивленно сдвинул и ощупал ее, вдруг его желтоватые козы глаза сузились в щелочки, и на этот раз рука опустилась так молниеносно, что ворона пригнулась, как пойманная курица. Он схватил ее за шею и выбросил за борт. Подрезанные крылья захлопали в лихорадочной и безнадежной попытке взлететь, и еще раз захлопали, когда пернатое тельце шлепнулось в воду. Ворона не ушла под воду — раскрытые крылья удержали ее на поверхности, она начала отчаянно бить ими, тогда как коготки, бешено загребая, бежали по воде, как маленькие лапки лысухи, которая силится подняться в воздух и не может, потому что гересчур тяжела. Узкая дорожка пены и пузырей возникала там, где ворона, трепыхаясь и гребя, продвигалась по воде, дорожка, которая сначала удалялась от судна по прямой, потом описывала дугу и кончалась все уменьшающимися кругами; напоследок билось лишь одно крыло

— Она даже не зовет на помощь,— сказал доктор Каспари.

«Заячья губа» поднял обрез и выстрелил, заряд дробы хлестнул по тельцу вороны и по воде, подняв небольшой фонтанчик. Крыло птицы вытянулось, погрузилось в воду и обвисло.

— Ей это даже не пришло в голову,— сказал Ойген, зарядил обрез, молниеносно повернулся к Гомберту и увидел, что тот спокойно приближается к нему с раскрытыми, чуть выставленными вперед руками.

— Берегись,— крикнул Фрайтаг.

— Иди сюда, Эдит, иди сюда,— приговаривал великан, подражая голосу Гомберта.

— Остановись,— сказал Фрайтаг.

— Иди сюда,— звал великан,— еще, еще поближе.

Он приставил обрез к бедру, ствол направил на живот Гомберта и держал палец на спуске, глаза его сузились.

— Назад, Гомберт,— сказал Фрайтаг.

— Еще два метра,— сказал Ойген и откинул голову, кончиком языка провел по раздвоенной губе, кровоточащая рука подхватила снизу ствол.

— Гомберт! — резко сказал Фрайтаг.

Гомберт в нерешительности остановился, опустил руки; обвисшие мускулы его лица дернулись. Он взглянул на ствол обреза, повернулся, подошел к поручням и посмотрел вниз на черное, послушно качающееся на волне тело вороны, которое медленно уносило за корму, вслед белеющей цепочке писем.

— Боюсь, капитан,— сказал доктор Каспари,— что нам пора отсюда уходить; мои друзья уже потеряли терпение. Позаботьтесь, чтобы подготовили нашу шлюпку, и помните, что мы поставили себе определенный срок. К чему лишние неприятности, себе дороже станет.

Пелена тумана над длинной бухтой: в полдень, когда туман по-

тянулся от островов к судну, вода сделалась будто полированный черный мрамор, нос плавучего маяка отражался в ней четким огненно-красным силуэтом, на море полнейший штиль, а над пеленой тумана стояло поблекшее тусклое солнце. Звонкое постукивание молоточка разнеслось над судном, а через определенные промежутки — низкий, предостерегающий вой сирены с мостика, рев которой врывался в белое месиво и лишенными эха колебаниями расходился по бухте. Туман лежал над судном будто колокол, будто постоянно меняющийся свод, он скрывал башню и мачты, растекался и плыл над настройками и, клубясь, опускался на воду.

Фрайтаг стоял на мостике и прислушивался к трамбуящему машинному стуку какого-то судна, стуку, который сначала все приближался и приближался, некоторое время звучал рядом, а сейчас отдалялся в открытое море, однако самого судна ни он, ни Цумпе, стоявший из-за тумана на носу, так и не разглядели. Трамбующий, дробящий стук все слабел, превратился в еле слышное тараканье, в одно воспоминание и наконец вовсе смолк.

— Ушел,— тихо произнес Фрайтаг.

Из штурманской рубки за его спиной, будто только и ожидая этой реплики, вышел Филиппи. Безучастно кинул окурок в воду, безучастно встал рядом с Фрайтагом, засунул руки в карманы и наклонил голову.

— У нас все,— сказал Фрайтаг,— больше от тебя ничего не требуется: не передавай ничего кроме обычных своих сводок, попрощайся, как прощаешься, чтобы в дирекции чего не заподозрили. Никаких особых событий на борту.

— Когда тебя слушаешь и закрываешь глаза, этому еще можно поверить,— сказал Филиппи.

— Я знаю, как мне поступать,— сказал Фрайтаг.

— Сердечно поздравляю,— сказал Филиппи.

— А теперь иди и передай свои сводки.

— Но сперва попрошу вашу подпись.

— Зачем? До сих пор ты все сводки подписывал сам.

— Но мне незачем было закрывать глаза, когда я их передавал.

— Хорошо, я подпишу,— сказал Фрайтаг.

Филиппи кивнул и, не прощаясь, с иронической усмешкой на ястребином лице покинул мостик; раздвижная дверь в радиорубку с грохотом распахнулась и захлопнулась с такой же силой, а Фрайтаг вошел в штурманскую, сел за стол и лег грудью на настольное стекло. Щекой и виском он ощущал холодную твердость стекла, ощущал на тыльной стороне руки собственное дыхание, и под низкие воюющие звуки сирены его охватила какая-то знобкая усталость. Он встал, открыл дверь, закрепил ее на крючок, потом, положив крест-накрест руки, снова лег грудью на стол и попытался уснуть.

Он не уснул. Лежал с открытыми глазами, рассматривая свои усталые пальцы, отсвечивающие медью мягкие волоски на тыльной стороне руки, запотевшее конусом от его дыхания толстое настольное стекло, и думал о старом белом городке там на юге, в Эгейском море. Он поймал себя на том, что о нем думает, испугался, оттого что долго считал его уже давно забытым, а сейчас город вновь поднимался террасами в предгорье и стоял перед ним, озаренный страшным светом, явственнее, чем когда-либо: город, в котором память его навсегда пустила корни. Со штурмтрапа до него донсались крики, над судном, будто от вереницы быстро летящих

уток, повеяло ветром. Он думал о городе, покоряющем голую гору, все выше засылающем свои лачуги, вплоть до лиловой тени под самой вершиной, и видел его отражение в светло-зеленой воде: приземистую ослепительную церковь, белые лачуги с крышами-садами, на которых сохло белье; пакгауз, пирс, протянувшийся в море оберегающей рукой; ему даже казалось, что он слышит грохот поезда, идущего по ущелью в глубь острова. И в то самое время, когда ему казалось, что он это слышит, к штурманской приближались шаги, шаги, звучавшие будто из страшного далека, топ-топ, топ-топ, приближавшиеся невыносимо медленно, так, словно они не решались достигнуть цели или им не доставало силы и уверенности; тяжелые и глухие на палубе, волочащиеся вдоль левого борта и, наконец, решительные на железных ступеньках трапа — так приближались они, а Фрайтаг думал о древнем белом городке и слышал мучительные шаги, но продолжал лежать на холодном стекле стола с морскими картами, пока шаги не раздались на мостике. Тут только он устало выпрямился и посмотрел на открытую дверь: в проеме стоял Фред.

— А, это ты, — сказал Фрайтаг. — По звуку казалось, ты идешь от самого берега и никогда сюда наверх не доберешься.

Мальчик не ответил, окинул старика молчаливо-враждебным взглядом, вошел в штурманскую, отцепил от двери крючок и затворил ее за собой.

— Может, сядешь? — спросил Фрайтаг.

— Мне еще никогда так хорошо не стоялось, — сказал Фред.

Фрайтаг усмехнулся и качнул окурком в уголке рта.

— Могу я тебе чем-нибудь помочь? — спросил он.

— Мне твоя помощь не нужна, — сказал Фред. — Я хочу тебе что-то сказать.

— Знаю, — сказал Фрайтаг. — Я так и предполагал.

— Что-то, о чем я уже давно хотел сказать тебе.

— Да, я знаю: ты давно дожидался этой минуты и теперь думаешь, что она наступила.

— Надо же когда-нибудь выговориться.

— Да.

— Долго разговаривать незачем. Я хочу тебе только сказать, что теперь верю тому, что рассказывали тогда и до сих пор продолжают рассказывать. Теперь мне все ясно. Вначале я этому не верил и все старался забыть то, что говорили люди, но сейчас я знаю: все — правда.

— Что, по-твоему, правда? — спросил Фрайтаг.

— Что ты тогда бросил Нацмера в беде. Ничего не предпринял, чтобы его освободить и взять на борт; ты без него вернулся на судно, потому что ты...

— Потому что?..

— Ты трус, — выкрикнул Фред. — Ты оставил Нацмера в беде, потому что боялся, как бы с тобой чего не случилось; да, это так, теперь я знаю наверняка: ты ничего не предпринял, чтобы его вызвать, как и сейчас ничего не предпринимаешь, потому что ты вооружены.

— Тогда ты знаешь больше моего, — сказал Фрайтаг, — а вот я при этом присутствовал.

— Не обязательно присутствовать, чтобы иметь все данные.

— И какие у тебя данные?

— Я достаточно часто об этом слышал, — сказал Фред, — и всю

историю, и ту роль, какую ты сыграл в ней, тогда, когда еще плавал на «Клинтье».

— Мы шли с грузом зерна,— сказал Фрайтаг.— Тысяча двести тонн пшеницы, и мы крейсировали между островами там, на юге, в Эгейском море.

— Когда ты вернулся на борт без Нацмера, вся команда хотела сойти на берег и его вызволить, но ты воспротивился, и вы отплыли без него.

— Это так рассказывают? — спросил Фрайтаг с горькой усмешкой.

— Я знаю, что так оно и было,— сказал Фред.— Вы долго крейсировали в виду города, а когда пришвартовались, вас встретили камнями и досками, в которых торчали гвозди. Никто из вас не осмеливался сойти на берег, и ты тоже, но когда тебя вызвали в комендатуру, тебе все же пришлось покинуть судно, тайком, на рассвете, и ты прихватил Нацмера и Любиша, своего штурмана.

Мальчик прервал свой рассказ, ожидая, что старик что-то скажет, опровергнет его, и вызывающе, с откровенным презрением, посмотрел на отца, однако Фрайтаг сидел молча, в апатичной позе, только время от времени неприметно кивая, и мальчик продолжал:

— Вы втроем сошли на берег — не так ли? — на рассвете, когда жители еще не собрались возле судна с камнями и досками; было слишком рано, комендатура была еще на запоре, и вы рассчитывали где-нибудь поблизости от комендатуры спрятаться и там дожидаться открытия. Скажи, если что не так; я хочу, чтобы ты услышал все, что мне известно, чтобы между нами была полная ясность: вы пробрались к комендатуре, она была закрыта, и поблизости, нарушив все ваши планы, не оказалось никакого укрытия, куда можно бы спрятаться; зато там ждала засада, вас схватили и повезли в ущелье; скажи, если что не так. Там, в ущелье, они связали Нацмера и насильно влили ему морской воды; он лежал на скале под палящим солнцем целых два дня, а вы все это время сидели рядом и видели, как его мучит жажда, и слышали его крики о помощи. Через два дня они привели тебя и Любиша назад, судно уже снялось со швартовов и бросило якорь на внешнем рейде, они показали на судно, бросили вас в воду и велели туда плыть. Ты поплыл, а Любиш нырнул и попытался тотчас вернуться на берег, чтобы пробраться в ущелье, где все еще лежал связанный Нацмер. Любиш до тех пор пытался, пока они не стали в него стрелять и не попали ему в плечо, это плывущему-то: скажи, если что не так. А когда вся команда хотела сойти на берег, чтобы вызволить Нацмера, ты воспротивился; приказал поднять якорь; ты оставил Нацмера в беде, потому что испугался их ружей. Ты трус.

Не страшась того, что сказал, Фред впился глазами в отца; он ждал ответа, не зная, как этот ответ выразится: встретят ли его слова резкий отпор, ожесточение или гнев; он приготовился к тому, что отец инстинктивно начнет оправдываться, приведет ряд обеляющих его причин. Но ничего такого не последовало, старик сидел все так же апатично, сгорбившись и положив руки с узловатыми пальцами перед собой на стекло, и Фред незвольно приблизился к нему на шаг, наклонился и спросил:

— Ты все слышал? Я кончил; больше мне сказать нечего, да больше и не скажешь.

Фрайтаг зашевелил губами, будто, прежде чем начать говорить,

хотел удостовериться, что то, что он собирается сказать, может быть услышано; потом спросил:

— Так рассказывают?

— Да,— сказал Фред,— так рассказывают; я это уже много лет назад слышал и от сына Нацмера, и от Элке Любиш, и всякий раз, как я видел самого Любиша с его негнущейся рукой, я вспоминал об этом и никогда не проходил мимо его дома, когда он сидел на лавочке.

— Ты это от них слышал? — спросил Фрайтаг.

— Я это слышал от всех,— сказал Фред,— в моем классе все это знали.

— Ты их спрашивал?

— Они меня спрашивали.

— И ты им рассказывал то, что слышал от людей, которые при этом не присутствовали?

— Этого было вполне достаточно.

— Возможно,— сказал Фрайтаг,— возможно и достаточно, если узнаешь правду частично. Кто знает половиину, тоже что-то знает.

— Мне незачем было еще и тебя расспрашивать,— сказал Фред.

— Любиш тоже присутствовал,— сказал Фрайтаг.— Ты мог бы его спросить, когда он сидел на лавочке перед домом, и тебе незачем было бы его избегать.

— Он рассказал бы то же самое.

— Он не мог бы рассказать то же самое, никто не может рассказать то же самое, что рассказал кто-нибудь до него; от Любиша ты услышал бы другой рассказ, потому что он сам был тому свидетелем.

— Он лишь подтвердил бы то, что я уже знал, а я боялся подтверждения.

— Нет,— сказал Фрайтаг,— Любиш начал бы иначе, чем ты, и иначе бы закончил. Он сказал бы тебе, что у нас на борту было тысяча двести тонн пшеницы, когда мы на «Клинтъе» пошли на юг, тысяча двести тонн, которые предназначались для голодающего района. Любиш это знал; и он знал также, что незадолго до прибытия в порт мы получили от пароходной компании новый приказ: крейсировать вне видимости порта и ждать. Тебе незачем было бы меня спрашивать, чтобы это узнать; Любиш тоже тебе бы это сказал, и от него бы ты также услышал, что у нас на борту находился грек, уроженец этого голодающего района на острове; мы звали его Какси, потому что его настоящего имени, звучащего примерно так, никто не мог запомнить. Какси был самым сильным матросом на борту, и работал он, как никто на моей памяти не работал; когда мы грузили пшеницу для острова, он не давал себя сменить и работал, пока все не было погружено.

— При чем тут этот грек, никакой роли он тут не играет,— сказал Фред.

— А ты погоди,— сказал Фрайтаг.— Если б ты спросил Любиша, то знал бы, какую роль сыграл Какси; потому что когда мы изменили курс, не доставили пшеницу на берег, а должны были крейсировать между островами, он пришел ко мне и просил войти в порт. Я сказал ему, что получил приказ пароходной компании крейсировать, а он сказал, что пароходная компания только потому хочет ждать, чтобы пшеница еще больше поднялась в цене; я ничем не мог ему помочь.

Мы крейсировали уже несколько дней, и как-то вечером грек

словно обезумел; он пришел ко мне и спросил, войду ли я в порт, если ему удастся одолеть всю команду в борьбе,— он просто сходил с ума, думая о своих земляках. И Любиш рассказал бы тебе, что я в кают-компании огласил предложение Какси и все были «за», потому что нет ничего томительнее, как крейсировать в ожидании новых приказов.

Светило солнце, и море было тихое, на палубе расстелили маты, Нацмера избрали судьей, да, и вечерами, когда становилось свежее, из команды объявлялись охотники помериться силами с греком.

Он поборол всех, кто вызвался, и когда остался лишь я один, я понял, что наш уговор имеет силу обещания и мне придется это обещание выполнить, если я не справлюсь с ним.

— Ты его поборол? — спросил Фред.

— Не знаю,— сказал Фрайтаг.— Любиш рассказал бы тебе, что почти вся команда собралась на палубе, когда я с ним схватился. Сначала я его под себя подмывал, потом он сидел на мне верхом и пытался разнять мне руки, а я его душил, и когда ему удалось освободиться, я его приподнял и перекатился на бок, взяв его простым нельсоном, но ему удалось высвободиться рынком плеча и шеи, так что я уже думал, он выдернет мне руку. Потом, когда я зажал его в ножницы и надавил на сонную артерию, случилось то, что видела вся команда и что видел также Любиш: Какси наполовину лежал на мне, так что могло показаться, он берет верх, и в этот миг Нацмер его ударил. Я не видел, но Любиш видел, как Нацмер ударил грека доской по затылку, я не был от этого в восторге, хотя понимал, что Нацмер только хотел мне помочь. Какси сразу перестал сопротивляться, он остался лежать ничком, и мы трое несли его вниз и, окатив морской водой, призвели в чувство. На следующее утро, когда ненадолго показался берег, грек выпрыгнул за борт.

— И он доплыл?

— Да,— сказал Фрайтаг,— а спустя сутки мы получили приказ войти в гавань и разгрузиться и были встречены, как ты сказал: камнями и досками с торчащими в них гвоздями. Какси еще до нас попал в город, и они знали, что мы с пшеницей на борту крейсировали; они знали все — как подтвердил бы тебе Любиш, если бы ты не избегал его, и от него ты мог бы также узнать, что жители острова охотнее всего высыпали бы нашу пшеницу в море, потому что для них это была грязная пшеница. Если бы комендатура не отрядила на пирс вооруженных солдат, ни один центнер груза не попал бы на берег, но я должен тебе сказать — и Любиш, конечно, тоже бы это упомянул,— что солдаты комендатуры втайне думали то же, что и все остальные, и для них это была грязная пшеница, и, охраняя разгрузку, они не разговаривали с нами и поворачивались к нам спиной. Мы все им не доверяли. А когда разгрузка кончилась, нас вызвали в комендатуру — Нацмера, Любиша и меня, причем назначили утренний час, хотя прекрасно понимали, что утром нам и двух шагов не пройти по пирсу, как в нас полетят камни и нас пришибут досками, так что мы сошли на берег спозаранок в предрассветных сумерках, когда город еще спал и жители еще не собрались на пирсе. Сейчас я думаю, что вызов исходил не от комендатуры, даже если вручил его жандарм, потому что потом комендатура нами больше не интересовалась, хотя не могла не знать о случившемся. Любиш был с нами, когда мы сошли на бе-

рег, и на улице, где находилась комендатура, вооруженные люди принудили нас взобраться на грузовик и повезли в пустынное ущелье, где не стояло ни единого дома. Над железнодорожной насыпью дорога обрывалась, грузовик остановился, а когда мы спрыгнули, нас там уже поджидал Какси с доской. Ни слова не говоря, он вернул Нацмеру его удар: по его знаку того связали, влили ему соленой воды и растянули на скале на самом солнцепеке. Там он лежал два дня и одну ночь, а мы, вместе со всеми, сидели, поджав ноги, полукругом возле него и все это время ничего не ели и ничего не пили — они сами тоже не ели и не пили и при малейшем нашем движении хватались за лежавшие у их ног допотопные револьверы. За эти два дня и одну ночь ни они, ни мы не обменялись ни словом, никто не смел отлучаться — кому надо было справлять нужду, справлял ее там, где сидел; нет, мы не услышали ни одного слова, единственное, что мы слышали, был грохот поезда, проезжавшего вечером по ущелью, да крики хищных птиц, круживших в небе высоко над ущельем, больше ничего. Они заставили нас сидеть и смотреть на Нацмера, лежавшего связанным на раскаленной скале, — Любиш был рядом со мной, и он бы тебе об этом рассказал, если б ты спросил его. И если б он мог вынести свои воспоминания, тогда бы ты теперь знал, что он делал то же, что и я: сидел, поджав ноги, и молчал, и, может быть, думал об ударе, которым Нацмер разделался с греком в тот миг, когда мое положение было лучше, чем тот предполагал. Я рассказываю тебе лишь то, что рассказал бы тебе Любиш, если только у него не отшибло память. Он сказал бы тебе, что на вторую ночь нас погрузили в машину — его и меня, но не Нацмера, — повезли обратно в город, потом по шоссе вдоль моря к скалистому берегу, где нас погнали вниз по откосу и показали огни нашего судна, которое стояло теперь на внешнем рейде. Какси уже не было с ними. Сопровождающие сбросили нас со скалы в воду, стояли наверху со своими допотопными револьверами и наблюдали, как мы плывем. Любиш плыл за мной, и когда мы оказались достаточно далеко, чтобы нас не услышали, он заговорил о том, что надо плыть к берегу и вернуться на розыски Нацмера, но я знал, что они стоят на скале и только того и ждут, я не согласился. И был совершенно уверен, что и он тоже отказался от этой мысли, пока вдруг не обнаружил, что он уже не плывет за мной, и тут я услышал выстрелы, услышал его крик; я повернул обратно и нырнул за ним, а они тем временем стреляли в нас. Мы плыли больше трех часов. Когда нас подняли на борт, Любиш был без сознания.

— Но Любиш попытался, — сказал Фред.

— Да, — сказал Фрайтаг, — и потом на борту они тоже хотели попытаться, высадиться всем на берег и вызволить Нацмера, хотя уже был получен приказ идти в Роттердам. Некоторые думали даже, что комендатура поможет нам в поисках — то есть те самые солдаты, которые куда охотнее пустили бы в ход доски с гвоздями, чем винтовки, предназначенные для нашей защиты. Мы были безоружны, а я и тогда считал бессмысленной всякую попытку убедить револьверное дуло. Я все сообщил пароходной компании и нашему агенту — больше я ничего не мог сделать; у нас был новый приказ, и я хотел, чтобы команда вернулась.

— Но Нацмер не вернулся, — сказал Фред. — Пароходная компания заполнила соответствующие бланки, агент передал бланки в комендатуру, а это было все равно, что выбросить их за борт.

— Нацмеру уже нельзя было помочь. Всегда можно попасть в положение, когда тебе ничего другого не остается, как заполнить бланки и передать их дальше, хотя знаешь наверняка, что этим достигнешь не больше, чем выбросив их за борт.

— Это на тебя похоже,— сказал Фред.— Ты ничем не рисковал, да и не собирался ничем рисковать. Прежде чем предпринять что-либо, ты требуешь гарантий и никогда не попытаешься задержать преступника, если он не даст тебе честное слово, что у него вышли все патроны: вот тогда наступает твой час.

— Как ты все хорошо продумал,— сказал Фрайтаг.

— Это так,— сказал Фред,— теперь я наверняка знаю.

— Ничего ты не знаешь,— сказал Фрайтаг.— Пока ты считаешь, что единственная возможность для безоружного человека — это подставлять лоб под пулю, всем твоим знаниям грош цена. Я вот что тебе, мальчик, скажу: я никогда не был героем и вовсе не стремлюсь стать мучеником; и то, и другое было мне всегда подозрительно: уж слишком просто они умирают, уверенные в своей правоте, слишком уверенные, на мой взгляд, а это не выход. Я знавал людей, умиравших, чтобы этим что-то решить: они ничего не решили, все оставили нерешенным. Их смерть помогла только им самим, но никому другому. Тот, у кого нет оружия и нет силы, все же имеет другие возможности, и порой мне кажется, что за желанием во что бы то ни стало подставить лоб под пулю кроется наилучший вид эгоизма.

— Это меня не интересует,— сказал Фред.— Я хочу знать только одно: почему ты отослал Ретхорна и остальных, когда они собирались схватить тех троих?

— Я только что тебе объяснил.

— А если бы они этого добились?

— Тогда бы Гомберт зашивал их сегодня в парусину; вот чего бы они добились.

— Значит, ты ничего не хочешь предпринимать?

— Я хочу, чтобы судно простояло свою последнюю вахту и чтобы все были на борту, когда мы войдем в порт,— больше ничего; и потому ничего на этом судне не будет делаться без моего согласия.

— Это все,— сказал Фред.— Я кончил.

— Я так и предполагал,— сказал Фрайтаг.

— Значит, избавил себя от неожиданностей.

— Кому-то здесь, на борту, их не избежать,— с горькой усмешкой проговорил Фрайтаг и, когда мальчик покинул штурманскую, встал, вышел вслед за ним на мостик, спустился по трапу и, оставившись внизу у левого борта, смотрел, как Фред сквозь туман шел на нос, выпрямившись, быстро, чеканным, без отголоска, шагом; стоял и ждал, пока тот не исчез в лениво ползущем тумане, и тогда прошел к штурмтрапу и перегнулся через борт.

Линь, которым была закреплена потерявшая аварию шлюпка, провис в воду и мягко покачивался из стороны в сторону, как длинное серое щупальце морской твари, бесшумно, змееобразно, будто обшаривая заросший водорослями корпус судна. Фрайтаг посмотрел вдоль линя, туда, где должна была находиться скрытая туманом шлюпка и откуда, когда они стояли с Филиппи на мостике, доносилось звонкое туканье молоточка. Теперь все было тихо, он не увидел ничьей тени, никакого силуэта, и, насколько он мог разглядеть, линь не поднимался из воды к носу шлюпки. Он тихонько по-

звал, окликнув Золтова по имени, однако ответа не последовало. И на палубе плавучего маяка тоже никто не появился на его зов, тогда, подозрительно посмотрев на мягко покачивающийся в воде лить, который, казалось, погрузился все глубже, он вдруг перешагнул через поручни на штормтрап и спустился вниз. Он поймал лить, медленно стал выбирать слабину, ожидая, что сейчас последует рывок, даст о себе знать шлюпка; но лить с легким шуршанием свободно скользил к нему вдоль корпуса судна долго, слишком долго, и, еще прежде, чем конец очутился у него в руке, Фрайтаг понял, что с потерпевшей аварию шлюпкой что-то случилось, и когда потом показался конец — распутившиеся, будто расщепленные ударом топора волокна, — он вытащил его, оглядел и прислушался, словно ожидая, что отрезанная шлюпка еще плавает где-то поблизости в тумане. Потом размахнулся, кинул конец подальше в море и услышал, как он с плеском упал в воду. «Ретхорн, — решил Фрайтаг, — он, никто другой, как он, отрезал шлюпку, а если все же Золтов, то все равно надоумил его Ретхорн. Решил захопнуть ловушку, потому и лишил их шлюпки. Он станет отрицать, но это он один сделал. С самого первого дня он был против меня». Фрайтаг взобрался по штормтрапу на палубу, там опять обернулся и прислушался, вглядываясь в пелену тумана, накрывшую судно и бухту, и тут подумал о докторе Каспари и тех двух, и попытался предугадать, как они поступят, когда заметят исчезновение шлюпки: ему представился доктор Каспари в его пятнистых темных очках, машинально полирующей о бедро массивное кольцо-печатку, и ему показалось, он слышит его голос, этот мягкий, отчетливый голос, звучавший особенно вежливо, когда угрожал. Фрайтаг медленно направился к кают-компани.

Он постучал, и тут же за иллюминатором возникло широкое лицо, оно появилось так же механически, как на стрельбище механически появляются над бруствером картонные силуэты солдатиков, дверь осторожно приоткрылась, в проеме показался великан с заячьей губой и, усиленно кивая, предложил Фрайтагу войти. Доктор Каспари сидел за столом и раскладывал пасьянс; в углу кают-компании на сдвинутых стульях спал Эдди с автоматом у изголовья, так, чтобы он лежа мог достать его и лежа стрелять. Ойген вернулся на свое место за столом, где стояла эмалированная чашка с дымящимся кофе и откуда он, ухмыляясь, следил за игрой.

Фрайтаг сразу увидел, что доктор Каспари играет его картами, и увидел также, что застекленный шкафчик, где он держал их, открыт.

— Не выходит, — немного спустя сказал доктор Каспари, — нет, не выходит. Но какая же это игра, если в ней нет шанса на проигрыш.

— Мне надо с вами поговорить, — сказал Фрайтаг.

— Наша шлюпка готова?

— Нет.

Доктор Каспари спокойно собрал карты, постучал, выравнивая колоду, и вложил ее в обложку.

— Я к вашим услугам, — сказал он.

— У вас нет возможности покинуть судно, — сказал Фрайтаг.

— Разрешите узнать, на чем основывается ваше предположение?

— Ваша шлюпка исчезла, — пояснил Фрайтаг, — кто-то перерезал лить.

— Я полагал, ваши люди намеревались ее починить; и Ойген тоже так полагал, не правда ли, Ойген?

— Ее в тумане куда-то относит,— сказал Фрайтаг,— и теперь уже бесполезно ее искать. Нам ее все равно не найти.

— Вы словно бы этим озабочены, капитан.

— Просто я счел уместным вам это сообщить.

— Весьма ценю, но я был к этому подготовлен. Больше того, я этого давно ожидал.

Сбитый с толку Фрайтаг оглянулся, обвел взглядом кают-компанию, словно надеясь там найти какое-то объяснение равнодушию доктора Каспари или хотя бы намек на объяснение, потом обернул носовым платком руку и, сжав пальцы, натянул ткань.

— Я не знаю, понесло ли вашу шлюпку к берегу или течением в открытое море.

— Какое это имеет значение, если шлюпки уже нет,— сказал доктор Каспари.

— Для вас все зависело от этой шлюпки,— сказал Фрайтаг.

— Но мы оставили за собой право выбора.

— Теперь у вас нет никакой возможности покинуть судно.

— Раскройте пошире глаза, капитан, вы упустили из виду вашу шлюпку и не подумали о том, что само судно, ваш плавучий маяк, в крайнем случае, тоже способно ходить под парусом, хоть и было построено, чтобы стоять на цепи.

— Я вам уже говорил, что, пока я на борту этого судна, оно никогда не оставит свой пост.

— А если бы вы могли советовать, что бы вы нам сейчас посоветовали?

— Признать, что все пропало,— сказал Фрайтаг,— и сдаться. Даже если б у вас еще была шлюпка, шанс добраться до Фоборга или куда бы то ни было настолько мал, что не стоит риска, и от часа к часу шанс этот становится все меньше.

— Видите ли, капитан, в этом мы с вами расходимся: вы не цените опасность, а я не очень-то ценю безопасность; чем меньше, на ваш взгляд, наш шанс, тем более склонен я сделать на него ставку. То же самое подсказывает мне и некоторый опыт. Среди моих клиентов был контрабандист, который даже во время войны продолжал заниматься своим нелегким делом, причем намеренно избирал для перехода через границу наиболее обстреливаемые участки фронта. Он всегда благополучно проскакивал, тогда как его компаньона, предпочитавшего тихие участки, пристрелил солдат сторожевого охранения, у которого разыгрались нервы. Я думаю, мы, по обыкновению, друг друга поняли, и вы теперь не станете ожидать, чтобы мы отказались от шанса, ценность которого в том и состоит, что он чрезвычайно мал. Надеюсь, вы тотчас распорядитесь отремонтировать вашу шлюпку и по праву предоставите ее в наше распоряжение.

Фрайтаг вынул изо рта погасший окурок, раздавил и растер в пальцах, а потом спросил:

— Вы были адвокатом?

— Помимо всего прочего я и адвокат,— сказал доктор Каспари и отвесил Фрайтагу изысканно-шутовский поклон.

Гомберт скрючился на носу шлюпки, висевшей на шлюпбалках, и наблюдал ночную грозу над побережьем: похожие на прожилки в горной породе изломы молний, вспыхивавшие в темноте, глубоко-

кую черноту горизонта, светло-лиловый край туч; тускло, без глянца, расстилась море под удалявшимся ливнем, даже пенистые гребни волн не белели, прокатывали серые, туманно-серые по водной пустыне, а огонь плавучего маяка словно утратил всю свою резкость, жесткость и силу и неуверенно мигал над бухтой, подобно фонарику с уже использованной старой батареейкой. Гомберт, скрючившись в своей промасленной спецовке, дал пролиться над собой двум неистовым ливням: он прекрасно видел, как поднялся ветер, натянувший якорную цепь и разогнавший туман, и все это время держал в руке, будто неуклюжий кинжал, тяжелую металлическую свайку. Никто на борту не знал, что он тут притаился, терпеливо и наготове, держа перед собой свайку — благодаря своей шиповидной форме она удобно умещалась в руке; сразу же после ужина он незаметно забрался в шлюпку, втянул голову в плечи и в такой позе — пригнув верхнюю часть туловища и вытянув перед собой ноги — стал ждать. Судно с размаху ныряло, не зачерпывая, однако, воду, башня маяка и мачты раскачивались, в качке вычерчивая на небе короткие острые письма: однообразные сигналы, тайнопись, которыми обмениваются в море все мачты. Время от времени Гомберт осторожно приподнимал голову над планширом и смотрел в сторону кают-компания и шкафута, и если слышался шум, становился на колени и сжимал в руке мокрый металл свайки. Он думал о записке, которую адресовал Ойгену и через вентиляционный люк кинул в кают-компанию незадолго до ужина, когда доктор Каспари с Фрайтагом находились на корме; он не мог проверить, нашел ли Ойген сразу записку и сразу ли ее прочел, однако знал, что записка в люке не застряла, а упала вниз, в кают-компанию. Гомберт не был уверен, сохранит ли Ойген в тайне то, что он ему написал; может, тотчас показал записку доктору Каспари, и тогда он напрасно ждет. А может, Ойген переговорил с братом — возможность, которую Гомберт предусмотрел, — и тогда к шлюпбалкам придет не великан, а скорее всего Эдди, удостовериться, правду ли написал Гомберт. Он написал Ойгену, что доктор Каспари хочет попытаться один выйти из западни; человек из команды, которому он заплатил, поможет ему спустить шлюпку на воду. Как только доктор Каспари ночью выйдет из кают-компания, пусть Ойген, вместо того, чтобы следовать за ним, сразу же идет к шлюпке и ждет. Гомберт делал ставку на то, что они все друг другу не доверяют.

Уже четыре часа сидел он, скрючившись, в шлюпке и прислушивался, но слышал только, как Цумпе в «вороньем гнезде» разговаривает сам с собой, шаги Ретхорна вдоль левого борта, ветер и всплеск воды, когда судно ныряло. Он смотрел на свои часы, ставил себе срок и срок этот снова и снова отодвигал. Он уже не думал о подробностях того, что ему предстоит сделать, едва один из них — либо тот, с заячьей губой, либо его брат — появится под шлюпкой; сперва он об этом думал и мысленно много раз репетировал каждое движение: вот он молниеносно поворачивается, приподнимается на колени, заносит руку со свайкой и, вложив в удар всю тяжесть своего тела, бьет, — но теперь он посмотрел на часы и назначил себе последний срок.

Гроза разразилась где-то далеко над сушей, так что он только видел молнии, а грома не слышал. С притушенными огнями и на большой скорости мимо прошел военный корабль, прорезав длинную бухту бело-зеленой полосой. Его низкие надстройки быстро

исчезли во мраке. Над островами лежал неверный свет, первая белесоватость наступающего холодного утра. На судне ничто не шевелилось.

Гомберт поднялся и спрыгнул на палубу. Сунул свайку в карман спецовки, направился на корму измерить течение, вернулся по правому борту назад, пригнувшись, прошел под темными иллюминаторами кают-компания и затем вниз по коридору в галлюн. Стоя перед поцарапанной переборкой, он услышал, как позади качнулась открывающаяся в обе стороны дверь, раздался скрежещущий звук шагов по рифленным плиткам, и чья-то фигура выросла у соседней раковины. Гомберт узнал профиль доктора Каспари.

— Гроза прошла? — спросил он.

— Да не похоже,— сказал Гомберт.
— Но вроде бы тихо.
— Стасдет душу на берегу, а потом сюда вернется.
— Самая погода, чтобы идти под парусом,— сказал доктор Каспари.

— Да,— сказал Гомберт.
— Вы не помогли бы нам? Нам нужно в Фоборг. Вы могли бы ссадить нас где-нибудь поблизости у берега и вернуться на свое место стоянки.

— Это вам нужно поговорить с капитаном,— сказал Гомберт.
— Я спрашиваю вас.
— Я здесь не распоряжаюсь.
— А если бы распоряжались?
— Если б распоряжался, так вздернул бы вас на мачте всех троих, и висели бы вы там, пока мы не войдем в порт. А с одним бы я еще особо распорядился.

— Так,— улыбнулся доктор Каспари,— значит, мне незачем гоним, что вы еще не капитан. Очень сожалею, но при данных обстоятельствах я, пожалуй, лучше воздержусь и не стану желать вам удачи в вашей карьере.

— На вашем месте я пожелал бы совсем не этого,— сказал Гомберт.

— Я так и делаю,— сказал доктор Каспари.

Оба одновременно повернулись, оторопело, будто только теперь встретившись, посмотрели друг на друга, и Гомберт поступил, как бы повинувшись рефлексу, вызванному полнейшей неожиданностью: рука его дернулась кверху, правый кулак треснул доктора Каспари по челюсти, левый ударил вслеп и угодил прямо в лицо, так что доктор, раскинув руки, опрокинулся назад, причем, падая, чуть не задел затылком край раковины. Он упал на спину, темные очки разлетелись на рифленых плитах, тело согнулось и, сгибаясь, повернулось на бок.

Гомберт опустился возле него на колени и прислушался, нет ли шагов в коридоре, лишь затем он пропустил руку под шею лежащего и приподнял из тени его голову. Один глаз был закрыт, другой, сильно слезившийся, смотрел на него жестко и безучастно, расплывающимся взглядом, и Гомберт понял, что глаз стеклянный. Он снова прислушался: лишь дверь качалась взад и вперед, а в коридоре было тихо. Только теперь он осознал, что произошло, и подумал о том, что может произойти, если один из тех двоих — или даже Фрайтаг — войдет в галюнь, и на какой-то миг даже подумал было скрыться и бросить лежащего на полу человека; а если, тут же подумал он, это послужит началом всему, сигналом к освобождению, который подхватят другие и который признает и Фрайтаг, уж раз он дан и отменен быть не может. И он поднял доктора Каспари с плиток, прислонил его к переборке и так подставил под него плечо, что тело согнулось пополам и легло на него равномерно.

Чтобы удержать на плече тело доктора Каспари, Гомберту требовалась лишь одна рука, в другую он взял свайку, острием ее толкнул дверь и вышел из галюня в слабо освещенный коридор. По палубе он пронес доктора Каспари под иллюминаторами кают-компании, потом поднялся на мостик; открыл дверь штурманской рубки, спустил с плеча на стул обмякшее тело, отыскал в ящике старый сигнальный линь и вытащил его, придерживая другой рукой

тело, которое клонилось на бок и могло упасть. Накрепко привязав доктора Каспари к стулу, Гомберт отступил на шаг, как отступает художник, оценивая свою картину, проверил, надежны ли пути, опять приблизился и прикрутил лить к ножке стула. Когда Гомберт выпрямился, ему показалось, будто он увидел какой-то след улыбки на лице доктора Каспари или предвостие улыбки, он инстинктивно к нему наклонился и с любопытством, смешанным с отвращением, посмотрел, как смотрят на прикинувшегося мертвым жука, который вдруг зашевелится. И еще наклонившись, услышал голос Цумпе за дверью, голос, в котором звучали затаенная радость, одобрение и еле сдерживаемый пыл.

— Это ты слабоумного? — шепотом спрашивал он.

— Входи и задрай переборку, — сказал Гомберт.

— Да это же обер-шельма, — разочарованно протянул Цумпе. — Я думал, ты одного из тех двух.

— Он не меньшего стоит, — возразил Гомберт, — без него они пропали.

— Хорошо бы, если б и они это понимали, — сказал Цумпе.

— Мы их схватим по одному, — сказал Гомберт, — всех по очереди, а верзилу я никому не уступлю. Теперь начало положено.

— А Фрайтаг знает?

— Нет еще. Но когда узнает, не может не быть с нами заодно. Теперь уж он не даст отбой.

— Пойти за Ретхорном?

— Нет, — сказал Гомберт. — Я спущусь к Фрайтагу, разбужу его и скажу, что произошло.

— Тогда я останусь здесь, — сказал Цумпе.

— Следи за ним в оба, — сказал Гомберт, — и если кто сюда завяжется, запри рубку.

— У меня он никуда не денется, — сказал Цумпе, вытащил ключ из замка и сунул в карман. — Ступай спокойно к Фрайтагу и скажи, что ему надо делать.

— Возьми свайку, — сказал Гомберт.

Он передал Цумпе тяжелую свайку и спустился с мостика, а Цумпе, став спиной к двери рубки, смотрел вниз на палубу и на холодное сумрачное утро, занимавшееся над бухтой. Полотнища туч закрывали горизонт, ветер усилился, бак обдавало тяжелыми брызгами, дробно стучазшими о переднюю мачту и мелкой водяной пылью долетавшими даже до мостика. Большой паром исчез за островами.

Хотя Цумпе не терпелось войти в штурманскую и взглянуть на связанного, он остался на мостике, чтобы перед дверью дожидаться возвращения Гомберта, но потом оттуда послышалось какое-то шарканье, громохание, стоны, которые навели его на мысль, что связанный вместе со стулом упал, и Цумпе все же отпер дверь и вошел в штурманскую. Доктор Каспари по-прежнему сидел на стуле, но, натягивая веревки и упираясь ногами в пол, пытался с помощью толчков передвинуться вместе со стулом. Он словно бы даже не стремился освободиться от пут, а лишь хотел передвинуться в сторону, и продолжал свои усилия, несмотря на присутствие Цумпе. Пыхтя, откинув назад голову и напрягши шею, он толчкообразно продвигался сантиметр за сантиметром. Цумпе сперва удивленно наблюдал за ним, затем, приставив ему острие свайки к затылку, сказал:

— Сиди смирно. Успеешь еще подергаться.

— Помогите мне,— сказал доктор Каспари.

— Что случилось? Чего тебе?

— Там зеркало,— сказал доктор Каспари и указал головой на висевшее над столом прямоугольное зеркальце для бритья.

— Ну и пусть себе там висит,— сказал Цумпе.

— Я хочу в него посмотреться,— сказал доктор Каспари.

— У тебя очень красивая шея,— сказал Цумпе.

— Помогите же мне.

— И выглядишь ты хорошо,— продолжал Цумпе.— Я всегда задавался вопросом, как должны выглядеть господа,— теперь я знаю: если господа вообще существуют, они должны выглядеть и быть такими, как ты: господину, если даже он связан, требуется зеркальце, и ему будет очень огорчительно сунуть небритую шею в петлю. Так, что ли?

— Поверните немного стул и поставьте зеркало на стол.

— Но у нас нет на борту парикмахера.

— Мне не нужен парикмахер,— сказал доктор Каспари.— Мне нужно только зеркало.

— А зачем, позвольте спросить?

— Раньше я часто сидел перед зеркалом и смотрел на собственное лицо; одно время это даже было любимейшим моим занятием.

— Что и говорить, занятие вполне господское,— сказал Цумпе.

— Я сидел с револьвером перед своим отражением и целился в лицо, которое видел: в этот лоб, в эти глаза, целился в подбородок или в рот; я мог так сидеть часами и рассматривать свое лицо под дулом револьвера.

— Можешь получить зеркало,— сказал Цумпе.

— Это все, что мне надо,— сказал доктор Каспари.

Цумпе снял с гвоздя зеркальце, поставил его на стол и, удостоверившись, что доктор Каспари может видеть в зеркале свое лицо, сказал:

— А револьвер доставят в надлежащее время,— после чего вышел и запер штурманскую на ключ.

Гомберт все не возвращался, хотя Цумпе было показалось, что он слышит его шаги. Он прислушался у трапа, вышел на крыло мостика и оглядел палубу, а спустя немного и впрямь услышал шаги двух человек и решил, что это Гомберт с Фрайтагом идут к мостику. Поджидая их, он подошел к трапу. Шаги раздавались вдоль левого борта; замерли, опять стали слышны, и тут он увидел, как к трапу подошли оба брата: впереди нервный, подозрительный, с прижатой к бедру автоматом Эдди, за ним сонный, со свисающей на подбородок сигаретой, Ойген; увидел, как они остановились, прислушались, не идет ли за ними кто, и, прежде чем Цумпе успел спрятаться, подняли головы и уставились на него; они уставились на него, не выказывая ни удивления, ни растерянности, а так, будто ждали от него чего-то определенного, возгласа или движения, может быть, даже какого-то действия, и скорее всего прошли бы мимо, если б он выдержал их выжидательный взгляд и остался бы стоять как ни в чем не бывало; но Цумпе вдруг отпрянул назад и отступил на крыло мостика, и сразу же услышал, что они поднимаются. Крепко сжав в руке свайку, он смотрел на вырез трапа, и тут они появились на мостике: ходивший из стороны в сторону ствол автомата, Эдди, а затем его брат. Они стали обследовать мостик, прошли мимо Цумпе на другое крыло, перешептывались, по-

казывали вниз на висевшую на шлюп-балках шлюпку; вернулись обратно, и все это не выпуская его из вида, и, наконец, подошли к нему:

— Где наш человек? — спросил Эдди.

— В кают-компанин, — ответил Цумпе, — он же там устроил себе квартиру.

— Он должен быть здесь, — сказал Эдди.

— На мостике посторонним нечего делать, — сказал Цумпе.

— Не бойся, — сказал великан, — ничего твоему мостику не делается; и ноги мы как следует обтерли.

— Говори, где он, — повторил Эдди.

— Вы же такие всеведущие, — сказал Цумпе. — Как же это вам не ведомо?

— Тут какая-то дверь, — сказал великан, взялся за ручку и попытался отворить дверь в штурманскую.

— Убери лапы, — сказал Цумпе, — в штурманскую рубку никому не разрешается входить, кроме капитана и штурмана.

Ойген покачал головой, засмеялся отрывистым идиотским смехом и опять стал дергать дверь, так что Цумпе невольно приблизился, держа наготове в кармане свайку.

— А ну отпри, — сказал Ойген, — живо, не то дождешься.

— Убери лапы, оставь ручку в покое, — предостерег Цумпе.

— Давай, карлик, отпри, — сказал Эдди.

— Такое право дано лишь капитану и штурману.

— И нам, — сказал Эдди. — Все, что мы тебе говорим, значит не меньше того, что говорит твой капитан: до тебя это, видно, еще не дошло.

— По росточку-то котелок у него здоровый, — заметил Ойген, — а варит плохо.

Великан опять стал дергать дверь, потом пригнулся к замочной скважине, а Эдди уставился ему в лицо, словно надеясь по его выражению догадаться, что брат обнаружит в штурманской, и в ту же секунду Цумпе выхватил из кармана свайку и замахнулся. Он уже выбрал точку — между плечом и шеей Эдди, — куда воткнуть острое, но прежде чем рука опустилась, Ойген, сразу же разглядевший в рубке связанного, повернул голову, увидел руку, занесенную над плечом брата, и локтем резко его отпихнул, так что Эдди отлетел к поручням мостика, спиной упал на них, спружинил, как боксер от каната, и с ходу выстрелил.

Наискось, снизу вверх, двигался ствол автомата, рваные огоньки вспыхивали перед дулом; пули прошли Цумпе от бедра до ключицы, будто шквалом отшвырнули его назад на крыло мостика, и он казался очень удивленным, когда стал опускаться на колени, какое-то мгновение очень удивленный оставался в этой позе и потом упал ничком. Ноги заелозили по настилу мостика, жесткие, как рог, крючковые пальцы что-то нащупывали.

— Вот видишь, — печально произнес Ойген, — вот видишь.

Эдди отпихнул ногой выброшенные патронные гильзы и сказал:

— Скорей, они сейчас зяются. Надо что-то предпринять.

— Доктор там внутри.

— Тогда открой дверь.

— Я пытался, — сказал Ойген, — да дверь меня крепче.

— Отойди назад, — сказал Эдди.

Он боком приставил дуло автомата к замочной скважине и нажал спусковой крючок; филенка расщепилась, рикошетные пули

засвистели над палубой. Над пробитым отверстием поднялся легкий дымок. Несколько очередей выпустил Эдди по замку, наконец пули разворотили его, и дверь распахнулась. Пока Эдди держал под прицелом автомата трап, Ойген вошел в штурманскую и развязал доктора Каспари. Тот, улыбаясь, стал массировать себе запястья, шею, потом достал из портсигара сигарету, тщательно ввернул ее в мундштук и закурил.

— Спасибо, Ойген,— вежливо поблагодарил он.— Этого я никогда не забуду.

— Было очень плохо? — заботливо спросил Ойген.

— Скорее огрччительно,— ответил доктор Каспари.— Им ничего не приходит в голову; во всем, что они выказывают и делают, они основательны, ужасающе основательны.

— Нам надо сматываться,— сказал великан.

— Почему? Теперь-то как раз можно спокойно позавтракать.

— Там один из них лежит носом книзу,— сказал Ойген.— Карлик, он сам напросился.

— Я слышал,— сказал доктор Каспари.

— Да выходите же,— крикнул Эдди с мостика.

— Эдди уже сердится,— сказал Ойген.

— Тогда выйдем,— сказал доктор Каспари.

Когда они выходили из рубки, на палубе уже раздавались голоса членов команды: голос Фрайтага, глуховатый голос Ретхорна и растерянные возгласы кока: «Стреляли, здесь только что стреляли!», потом шаги внизу и топот по трапу, пока голова Фрайтага не показалась над площадкой. Обнаружив Эдди и направленный прямо на него ствол автомата, Фрайтаг запнулся, но не отступил, а продолжал медленно подниматься, упорно, с натугой, словно дуло, в которое он глядел, требовало от него напряжения всех его сил; он поднимался, пока над краем трапа не оказалась вся верхняя половина туловища, остановился в нерешительности и тут посмотрел на стоявшего на мостике человека, который, расставив ноги, готовый на все, наблюдал за ним с полнейшим спокойствием, потом тихо произнес:

— Ни шагу дальше.

Фрайтаг повиновался. Предупреждение придало ему уверенности, он снял, что достиг границы и, пока он ее не переступит, ему вряд ли что угрожает, оторвал глаза от Эдди и обвел взглядом мостик и крыло, где лежал Цумпе, распластав руки, словно, падая, хотел за что-то уцепиться.

— Назад,— приказал Эдди.— Убирайтесь все и ждите, пока мы не будем внизу. Мы сейчас спустимся.

— Пожалуйста,— сказал доктор Каспари,— освободите трап.

И снова Фрайтаг повиновался, стал, пятясь, медленно спускаться; короткое, шепотом, совещание, и удаляющиеся шаги группы людей по левому борту, так что когда тройца спустилась — Эдди впереди, а последним доктор Каспари — и направилась в кают-компанию, которую великан предусмотрительно запер, им никто по пути не встретился. Лишь когда дверь кают-компании закрылась за ними, Фрайтаг, Гомберт и Ретхорн вышли из камбуза, где дожидались, и поднялись на мостик.

Гомберт встал на колени рядом с Цумпе и перевернул его на спину: под убитым лежала свайка, которую он сам ему дал, а от бедра к плечу наподобие ленты шла прорешеченная пулями кровавая полоса. Лицо Цумпе хранило все то же выражение страдаль-

ческого удивления, застывшее и неизменное, как у маски. Они сняли фуражки и смотрели на лежавшего у их ног Цумпе; потом Фрайтаг встал на колени, расстегнул куртку Цумпе и достал все из карманов: выложил на палубу трубку, матросский нож, оцинкованные гвозди, старый кисет и под конец пробитый пулями бумажник. Раскрыл бумажник, нашел под целлофановой прокладкой пожелтевшую вырезку из газеты и сразу узнал извещение о смерти, которое Цумпе всегда пускал по рукам, когда на борту появлялись новички. Он все это собрал и поднялся.

— Отнеси его вниз,— велел Фрайтаг Гомберту.

— Куда?

— В парусную.

— Мне все подготовить? — спросил Гомберт.

— Почему ты спрашиваешь?

— Когда придет продовольственная шлюпка — она могла бы его прихватить на землю.

— Не знаю,— сказал Фрайтаг.— Сперва спусти его вниз.

Гомберт приподнял труп за плечи и подтащил его к трапу, а Фрайтаг толкнул ходившую взад и вперед дверь в штурманскую, выложил все некогда принадлежавшее Цумпе имущество на стол и накрыл вахтенным журналом.

— Что ты намерен предпринять? — спросил Ретхорн.— Мы обязаны сообщить о его смерти, дирекция должна об этом узнать, и родные Цумпе тоже.

— У него нет родных,— сказал Фрайтаг.— Я не знаю, где он был и что делал, когда мы заходили на верфь; знаю только, что никто его не ждал.

— Тогда дирекция должна узнать,— сказал Ретхорн.

— Цумпе не послушался,— проговорил Фрайтаг,— не стал придерживаться того, на чем мы порешили.

— Может, еще скажешь, что он сам во всем виноват.

— Нет,— сказал Фрайтаг,— виноват не он, а тот, кто в тумане перерезал лить у их шлюпки. Если б Золтов починил им шлюпку, их уже не было бы на борту и мы могли б обо всем сообщить и последить за тем, чтобы они и двадцати миль не отошли.

— Я не отрезал литья у их шлюпки.

— А кто же тогда? — воскликнул Фрайтаг.

— Не я, и никому не говорил, чтобы отрезали. Даю тебе слово.

— Ты знаешь, чего стоит для меня твое слово,— презрительно бросил Фрайтаг.

— Я тут ни при чем,— сказал Ретхорн.

— Оставь меня,— сказал Фрайтаг.— Ты мне сейчас не нужен.

И, не обращая больше внимания на Ретхорна, подтянул себе стул, сел и посмотрел на вахтенный журнал, потом взял его в руки и раскрыл. Раньше достаточно было и десяти строк, чтобы описать целый день и отделаться; теперь — он заметил это, лишь когда исписал до конца страницу,— пришлось добавить отдельный лист, он приложил его к странице с числом и закрепил скрепкой. Он записывал все, что сам видел и слышал: свои распоряжения, действия команды и поведение трех потерпевших кораблекрушение — начиная с первого дня. Ему казалось, что он ничего не упустил, ни свои догадки, ни решающие повороты в разговорах, которые он цитировал по памяти, и, исписав четыре страницы о первом дне, ощутил, будто день этот все же не до конца отражен и чего-то там еще недостает.

Внезапно он поднял голову. Дверь с разбитым замком перестала хлопать, чья-то нога просунулась в рубку и чья-то рука обхватила расцепленную филенку. Фрайтаг тотчас закрыл журнал, положил его на полку и придвинул к себе вещи, вынутые из карманов Цумпе. Он почувствовал, как дверь за его спиной отворилась, ощутил близость вошедшего человека, его сдерживаемое дыхание, однако не обернулся, хотя постороннее присутствие его к этому вынуждало. И затем услышал мягкий, четкий голос доктора Каспари.

— Мне пришлось вернуться,— сказал он.— Я понимал, что потревожу вас, но я должен выразить вам мое крайнее сожаление по поводу случившегося.

— Это не несчастный случай,— сказал Фрайтаг,— а убийство.

— Вы забываете, что это произошло при самозащите.

— То, что я видел, я видел.

— То, что кто-то видел, еще недостаточно

— Ступайте отсюда,— сказал Фрайтаг,— ступайте к своим людям.

— Мои люди также сожалеют о том, что произошло.

— Вы и ваши люди никогда ни о чем не сожалели.

— Возможно, вы и правы,— сказал доктор Каспари.— Вероятно, мы ни с чем никогда не сожалели, потому что тот, кто сожалеет, не хочет забыть, а мы хотим начисто забыть: в этом мои люди, как вы выразились, и я сходимся. Тем не менее я сюда поднялся, чтобы, по крайней мере, сказать вам: то, что произошло, могло бы и не произойти.

— Это все? — спросил Фрайтаг.

— Нет,— вежливо произнес доктор Каспари,— отнюдь. Мне нужно вам еще кое-что сообщить: мы решили вас покинуть; к несчастью, мы не можем просто открыть дверь и выйти, ибо поистине не всякому дано ходить по воде. Для этого нам требуется помощь, и если через два дня ваш ял не будет готов, вы нам поможете на этом судне добраться туда, куда мы хотим. Мы заручимся вашей помощью, капитан, можете быть в этом уверены. Я знаю ваш ответ и ваши убеждения, но не доводите дело до того, чтобы вам пришлось узнать, чего они стоят. Существует нечто сильнее всяких убеждений — в серьезных случаях, по крайней мере.

— Вы кажетесь себе очень сильным, я знаю; такие, как вы, разговаривают, держа револьвер в кармане, но мне хотелось бы вас когда-нибудь послушать безоружного или когда бы мы были вооружены.

— То, что вы констатируете, не ново, капитан: как ныне револьвер может изменить строй фразы, так первая праща когда-то позаботилась о том, чтобы изменился тон общения между людьми: у того, кто обладает оружием, всегда появляется иное отношение к языку, чем у безоружного. Кстати, я тоже решил кое-чем запастись, хотя терпеть не могу, когда мне оттягивает карман; можете сообщить об этом вашему матросу, который не нашел лучшего места сбить меня с ног, как в туалете. Хочу надеяться, что это произошло без вашего ведома.

— Не просчитайтесь,— сказал Фрайтаг,— смотрите, не просчитайтесь. Если вы вздумаете силой поднять якорь этого судна, вы кое-что увидите. Вы можете все испробовать на этом судне, только не это. Вы поразитесь.

(Окончание следует).

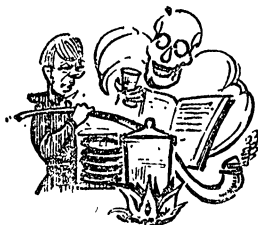
Перевод с немецкого В. КУРЕЛЛА.

Рис. И. Смирнова.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ВСЕ ДЛЯ НАРКОМАНОВ

Торговля наркотиками карается законом повсюду в мире. Но на Западе открыто продается в магазинах все, что связано с наркотиками: самогонные аппараты, трубки для курения марихуаны, наставления по употреблению гашиша, инструкции по выращиванию индийской конопля... на балконе, ее семена. В США, Франции, ФРГ и других странах действуют 15 000 таких магазинов! В США тиражом 4 миллиона экземпляров выходит даже специальный журнал для наркоманов, дающий советы, как «правильно» применять те или иные наркотики, как за неимением

геронна или ЛСД пользоваться ядовитыми грибами, вызывающими бредовые галлюцинации, и тому подобное.

БРАК С ОТСРОЧКОЙ НА ТРИ ГОДА

Когда тридцатилетний рабочий Гвидо Марченяни из итальянского города Реканати явился с невестой в мэрию, чтобы зарегистрировать брак,

его обвинили в попытке стать двоеженцем: по книгам мэрии он уже был женат на танцовщице Саба Тенсу из Эритреи. Выяснилось, что хозяин Гвидо, предприниматель Фаусто Маркони, воспользовался хранившимися у него документами рабочего и зарегистрировал брак Гвидо с приглянувшейся ему самому танцовщицей: Маркони уже женат и имеет двоих детей, а танцовщицу нужно было выдать замуж за итальянца, чтобы она получила право гражданства в Италии. Три года доказывал Гвидо свою непричастность к этой афере, пока ему не разрешили жениться на избраннице, а Маркони не посадили на год в тюрьму.

И РАЗВОД НЕ СОСТОЯЛСЯ...

Джон Джилморс, 33 лет, подал в суд города Хьюстон (штат Техас) заявление о разводе на том основании, что жена не умеет готовить и он вынужден сам торчать на кухне у плиты. В доказательство этого он пригласил судей домой и продемонстрировал приготовленный им самим обед. Судьи отдали его стряпню и... отказались расторгнуть брак. В решении они записали: «Для семейной гармонии вполне достаточно, чтобы лишь один из супругов умел так вкусно готовить».

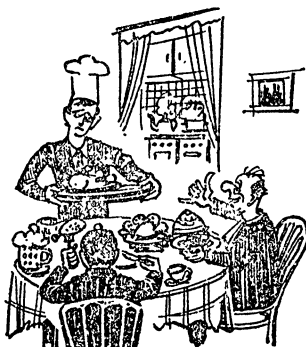

Рис. Н. Носова.

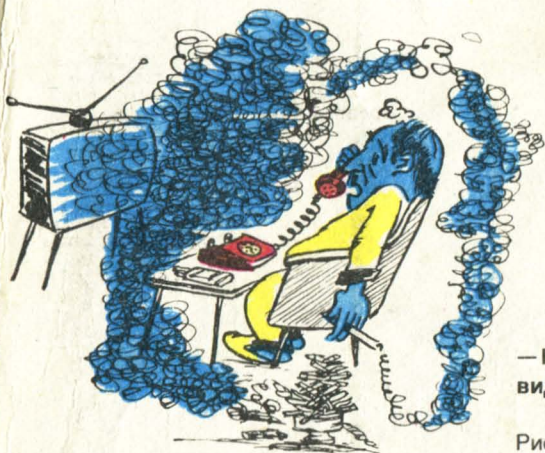

**РИСУНКИ
НАШИХ
ЧИТАТЕЛЕЙ**

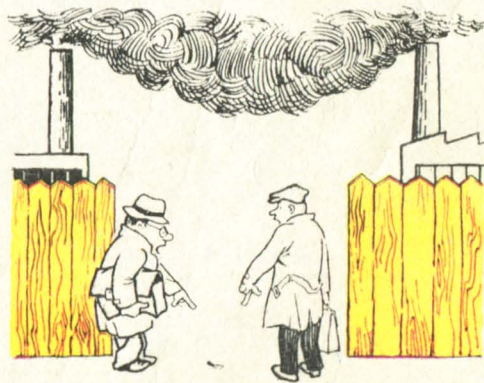
Без слов.

Рис. Р. Самойлова (Москва).

**— Пришлите срочно телемастера,
видимость ухудшилась...**

Рис. С. Талыбова (Баку).

Без слов.

Рис. И. Зотова (Волгоград).

Около тридцати лет работает в Бадхызском заповеднике Кушкинско-го лесхоза (Туркменская ССР) бывший фронтовик лесник Эсендурды Уразгельдыев, сохраняя травяной покров, фисташковые рощи, заросли туранги (местного тополя). Под его надежной охраной находятся куланы, джейраны, архары и другие животные.